

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ**

Новосибирск, 2012 г.

УДК 3
ББК 6/8
О 28

О 28 «Общественные науки в современном мире: социология, политология, философия и история»: материалы международной заочной научно-практической конференции. (23 апреля 2012 г.) — Новосибирск: Изд. «Сибирская ассоциация консультантов», 2012. — 170 с.

ISBN 978-5-4379-0080-2

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Общественные науки в современном мире: социология, политология, философия и история» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современных общественных наук.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития общественных наук.

ББК 6/8

ISBN 978-5-4379-0080-2

Оглавление

Секция 1. Политология	7
1.1. История и теория политики	7
РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА СОВЕТСКИЙ МЕХАНИЗМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ Гуменчук Оксана Николаевна	7
ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО АЛЬТЕРНАТИВЫ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ Никитина Татьяна Александровна	11
1.2. Политика в России	15
ОСОБЕННОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ ПО ВЫБОРАМ ДЕПУТАТОВ СОВЕТА ГОРОДСКОГО ОКРУГА ГОРОД УФА ПЕРВОГО СОЗЫВА Богомолова Наталья Алексеевна	15
ОТНОШЕНИЯ «ВЛАСТЬ — БИЗНЕС — ОБЩЕСТВО» Торохова Наталья Евгеньевна Мясников Дмитрий Александрович	18
Секция 2. Социология	22
2.1. Методология и методика социологического исследования	22
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИНТЕРНЕТЕ, КАК АКТУАЛЬНЫЙ МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ Левина Анна Павловна Кравченко Ксения Владимировна	22
2.2. Социология управления	26
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ Гусева Татьяна Степановна	26
РОЛЬ РУКОВОДИТЕЛЯ В ПРИНЯТИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ОРГАНИЗАЦИЯХ: СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ АСПЕКТ Рыцев Александр Иванович	32

2.3. Социология личности	40
СУЩНОСТЬ ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ В ПРИМЕНЕНИИ К КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМУ ФЕНОМЕНУ «НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕАТРА» В РОССИИ Климашин Игорь Александрович	40
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА Чухина Наталия Валерьевна Салагаев Александр Леонидович	44
2.4. Социология международных отношений	49
ВЛИЯНИЕ ТУРИЗМА НА МЕЖДУНАРОДНУЮ СОЦИАЛЬНУЮ ИНТЕГРАЦИЮ Петрова Елена Владимировна	49
Секция 3. Философия	53
3.1. Социальная философия	53
СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ: ИДЕИ И ИДЕАЛЫ МУСУЛЬМАНСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ 19 в. Бигнова Марина Ринатовна	53
К ВОПРОСУ О ЦЕННОСТНОМ СОДЕРЖАНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ Киселева Надежда Анатольевна	61
3.2. История философии	67
ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ В УКРАИНЕ Сошников Андрей Александрович	67
ПОНЯТИЯ «ЭКСТЕНСИВНОЕ» И «ИНТЕНСИВНОЕ» В «КРИТИКЕ ЧИСТОГО РАЗУМА» ИММАНУИЛА КАНТА Черкашин Владимир Геннадьевич	71
3.3. Онтология и теория познания	75
ДИАЛЕКТИКА АКЦИДЕНТАЛЬНОЙ И СУБСТАНЦИАЛЬНОЙ ФОРМЫ ВЕЩЕЙ В ОСНОВАНИИ ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ Кулагина Ирина Владимировна	75

3.4. Философские проблемы образования	79
О ПРОБЛЕМЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН Бондарцова Татьяна Михайловна	79
3.5. Методика преподавания философии	84
РАБОТА СО СМЫСЛАМИ: ПОДВИЖНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА НА ОСНОВЕ СМЫСЛОВЫХ АЛГОРИТМОВ Серебрякова Юлия Вадимовна	84
Секция 4. История	92
4.1. История России	92
ТРАНССИБИРСКАЯ МАГИСТРАЛЬ: ДЛЯ КОГО И ЗА ЧЕЙ СЧЕТ Гилько Максим Александрович	92
У ИСТОКОВ РАДИОЦЕНЗУРЫ: ТРУХАНОВСКИЙ В. М. Дианов Сергей Александрович	97
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1945—1953 ГГ. Ивахненко Галина Станиславовна	102
ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ В УКРАИНЕ В СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ Орлов Владлен Николаевич	109
4.2. Всемирная история	116
ОБ ИЗУЧЕНИИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ В АМЕРИКАНСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ В 40—50-е ГОДЫ XX ВЕКА Лебедева Анна Ильинична	116
ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ВИШИ 1944—2000-е г.г. Поддубная Александра Антоновна Бабинцев Владимир Алексеевич	121
ИСТОРИЯ И РАЗРЕШЕНИЕ ГРУЗИНО- ЮЖНООСЕТИНСКОГО КОНФЛИКТА Рожкова Елена Константиновна Тажиева Дина Муратовна	128

4.3. Этнология	132
МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ Голуенко Татьяна Александровна Дмитренко Маргарита Александровна	132
СИНКРЕТИЧНЫЕ ИСЛАМО-ЯЗЫЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ТЮРКОВ-МУСУЛЬМАН СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ Идиатуллов Азат Корбангалиевич	138
ХАРАКТЕР ОТРАЖЕНИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССОЙ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «КУЗБАСС») Новиков Дмитрий Валерьевич	142
4.4. Историософия	153
ФЕНОМЕН ПРОСВЕЩЕНИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОСМЫСЛЕНИЮ Шуякова Елена Николаевна	153
4.5. История науки и техники	157
ПРОЦЕСС ТЕРМОКРЕКИНГА — ОСНОВА СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НЕФТЕХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ Ахмадова Хава Хамидовна Сыркин Алик Михайлович Махмудова Любовь Ширваниевна	157
ИЗ ОПЫТА РЕАЛИЗАЦИИ НАУЧНО- ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА «ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЗОЛОТОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ МИАССКОГО РАЙОНА (ЮЖНЫЙ УРАЛ)» Копырина Лариса Анатольевна	166

СЕКЦИЯ 1.

ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА СОВЕТСКИЙ МЕХАНИЗМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Гуменчук Оксана Николаевна

канд. полит. наук, доцент РГП «КГИУ», г. Темиртау

E-mail: A_Gumenchuk@mail.ru

Обращение к анализу процесса политической социализации в советском обществе позволяет расширить представления о вчерашних политических процессах, а также способствует углублению понимания сегодняшних политических реалий.

Признание Советского Союза тоталитарным обществом в свое время расценивалось как идеологическая диверсия западной пропаганды против СССР. Однако в 80—90-х годах XX века практически не было ни одной научной и публицистической статьи, в которых так или иначе не отмечались бы тоталитарные основания советского режима. Тоталитарный характер советского общества обусловил и соответствующий процесс политической социализации в нем.

Анализ политической практики 20—30-х годов прошлого столетия в СССР свидетельствует, что здесь именно в это время закладывался фундамент тоталитарного механизма политической социализации индивидов. В поисках оснований для собственной легитимации, советский режим активно вмешивается в традиционный механизм политической социализации, сложившийся в условиях дореволюционной России, разрушает его и заменяет новым, адекватным социально-политическим условиям формирующегося советского общества.

Задача создания нового политико-социализирующего механизма решалась на организационно-идеологическом уровне. Формирование новой системы агентов политической социализации дополнялось выработкой политико-идеологических оснований их функционирования. Главным моментом, предопределяющим тоталитарный характер политической социализации в советском обществе, явилось воплощение идеи

единого идеологического центра, задающего все аспекты общественной и личной жизни граждан. Наиболее важными каналами, обеспечивающими связь между единым идеологическим центром и социализирующимися индивидами стали: система народного образования, государственная система воспитания подрастающего поколения, средства массовой информации, средства агитации и пропаганды. Необходимая направленность политической социализации в бывшем советском обществе достигалась за счет организации деятельности агентов социализации на основе следующих принципов: огосударствление, централизация, детальная регламентация, явная и открытая идеологизация и политизация.

Унификация всех сфер общественной жизни неизбежно должна была привести к распространению паразитарно-иждивенческой модели поведения (в том числе и в политике), а с другой стороны — к достижению достаточно высокой степени политико-психологической гомогенности общества. Последняя обуславливалась в довоенные и в первые послевоенные годы относительно общими условиями жизни различных социальных групп, а также откровенно репрессивным характером политического режима в СССР.

Начиная со времени десталинизации в конце 50-х — начале 60-х годов XX века, советский тоталитарный политико-социализирующий механизм размывается. Это выразилось в некотором смягчении существующего режима, в отказе от откровенных репрессий, в ограничении власти вождя, формировании бюрократического общества с самодовлеющей природой государства и отчужденностью правящей партии от народа.

С другой стороны, наметившийся рост материального благосостояния населения, определенная модернизация быта, повышение уровня образованности и информированности, большая свобода территориальной и профессиональной мобильности способствовали ослаблению воздействия на личность тех агентов политической социализации, которые прежде задавали ей достаточно ясную систему политико-идеологических представлений и ориентиров. Официальные идеологические нормы и ценности ослабляют свое воздействие в качестве ведущих регуляторов политического сознания и поведения личности, они все более и более отчуждаются от нее.

Об отчужденном характере политической социализации в советском обществе свидетельствуют такие, фиксируемые статистическими данными, явления как снижение авторитета центральных и местных партийных и государственных органов, падение доверия к официально декларируемым политико-идеологическим ценностям, политическая апатия большинства граждан, сомнения в возможности воспользоваться своими конституционными правами и в возможности оказывать политическое влияние на ход государственных дел [См.: 2, с. 19; 3, с. 8—9; 4, с. 52—55; 5, с. 46, 49—50].

В результате коррозии и отчуждения советского тоталитарного политико-социализирующего механизма нормативные политико-идеологические представления и ценностные ориентации стали вытесняться (но отнюдь не были окончательно вытеснены) реалистически-эмпирическими образами и представлениями. Постепенно именно они начинают доминировать в когнитивной сфере массового сознания и определять правила поведения людей в их отношении к общественно-политическим институтам.

С одной стороны, данные правила предполагали абсолютную лояльность по отношению к советскому политическому режиму, формальное послушание ему, подкрепляемое идеологически идеальным образом «реального социализма». С другой стороны, они учили, что условием оптимального для личности отношения с социальными институтами общества является ее умение внедриться в наиболее благоприятные и престижные ячейки социально-экономической организации. В последнем случае от личности не требовалось ничего, кроме соблюдения «правил игры», выработанных системой.

В таких условиях раскованный под воздействием объективно меняющейся ситуации индивидуальный потенциал личности перерождается в умение адаптироваться к социально-политической ситуации, в свободу индивидуального приспособления. В результате наиболее распространенным типом социально-политической социализации личности (при наличии консервативного и радикалистского) является такой тип, который можно определить как конформистско-индивидуалистический. То есть, внешнее подчинение принятым правилам игры сочетается с внутренней свободой от официально пропагандируемых социально-политических норм.

В рамках конформистско-индивидуалистического типа политической социализации могут развиваться различные жизненные ориентации индивидов. Индивид может стремиться к реализации себя в творческих видах деятельности; его социально-политическое поведение может определяться стремлением удовлетворять собственные материальные потребности; он может быть ориентирован на политическую карьеру, на достижение более высокого социального статуса и т.д. Однако, все эти жизненные ориентации объединены одним общим знаменателем — они центробежные по отношению к тоталитарному обществу, его целям и идеалам.

Таким образом, в 20—40-е годы прошлого столетия в стране был заложен фундамент такого механизма политической социализации, который можно определить как тоталитарный. Круг агентов, направленность, формы, методы политической социализации в СССР являются идентичным тому, что было присуще другим тоталитарным режимам.

Вместе с тем, советский политико-социализирующий механизм имеет свою особенность. А именно, он перешел в стагнационную фазу

развития. Последнее позволяет выявить основную тенденцию эволюции тоталитарного политико-социализирующего механизма. Она состоит в отчуждении официального, заданного процесса политической социализации, в формировании, вызревании таких общественных условий, в которых индивид перестает ощущать себя субъектом политических отношений. Политико-идеологические представления, ценности, идеалы советского тоталитарного общества постепенно перестают быть для значительной части населения ведущими регуляторами политического поведения и мышления.

Получивший в конце 80-х годов в СССР кризис доверия к власти, официальным политическим структурам, отказ им в поддержке, осознание возможностей многообразного политического поведения, лишенного прежних ограничений, способствовали разрушению тоталитарного механизма политической социализации в советском и постсоветском обществах.

Формирование нового политико-социализирующего механизма на постсоветском пространстве в настоящее время происходит под воздействием непростых ситуаций в социально-экономической и политической сферах. При этом явно выражены две тенденции. С одной стороны, начатые демократические преобразования усиливают потребность в политическом развитии личности, в ее активном включении в политические процессы. С другой стороны, продолжает сохраняться тормозящая тенденция отчуждения человека от политики, государства и его институтов. В результате, демократические ориентации, представления и нормы не получают своего прочного закрепления в сознании и поведении граждан.

Список литературы:

1. Автономов А. С. Политическое отчуждение при социализме: причины и пути преодоления. // Советское государство и право. — 1991, — № 2.
2. Политические ориентации трудящихся в условиях реформы политической системы. Аналитический обзор. ИСИ АН СССР, М., 1990. С. 79.
3. Слуцкий Е. Г. Взаимодействие СМИ, устной пропаганды и агитации в процессе формирования коммунистического типа личности. // Воспитательное воздействие на личность СМИ и учреждений культуры. ИСИ АН СССР, М., 1979. С. 148.
4. Социологические исследования массового политического сознания и проблемы утверждения нового политического мышления. Информационные материалы. Вып. 5, ИСИ АН СССР, М., 1989. С. 93.
5. Шегорцов А. А., Шегорцов В. А. Советская молодежь: эволюция политических взглядов. М., 1990. С. 143.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО АЛЬТЕРНАТИВЫ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Никитина Татьяна Александровна
старший преподаватель ОГУ г. Оренбург
E-mail: nikitina@mail.ru

Становление гражданского общества было одним из наиболее значимых пунктов в программе постсоветского общественного и политического развития. Однако после сравнительно непродолжительного периода «демократизационной» эйфории пришло понимание того, что это направление, так же как и другие, не дало сколько-нибудь существенных результатов. На сцену выходит тезис о «слабости» российского гражданского общества. Разумеется, он справедлив, но односторонен. Недостаточно просто констатировать слабость гражданских институтов, необходимо видеть структуру социального контекста за пределами гражданской сферы. Именно сюда, вопреки ожиданиям многих, смещается центр социокультурной активности российского общества.

За последние годы накоплен большой объем эмпирических данных, констатирующий низкий уровень развития социального капитала в посткоммунистических (постсоветских) странах [5, с. 86]. Данные констатируют низкий уровень доверия в этих обществах (как межличностного, так и институционального), высокий уровень коррупции и административной неэффективности, тенденции к атомизации. Очевидно, что данный аспект посткоммунистической эволюции чрезвычайно осложняется комплексом крайне негативных культурных и институциональных влияний: глубоко укорененным в российской истории расколом между обществом и государством, иерархическим характером российского общества, наследием тоталитарного господства (разрушения общественных институтов и связей), слабостью гражданского общества, проблемами социально-экономического развития, заметным уровнем этнической сегментированности и т.п. Все это означает, что постсоветские общества лишь в небольшой степени готовы к производству социального капитала в его «хорошей» форме. Однако, существует довольно весомый потенциал для формирования «плохого» социального капитала, который связан с унаследованными от советского времени фоном коррупции (включая бытовую), структурами бюрократического патронажа и общественного патернализма, недоверием к государству и т.д. [3, с. 23].

Разумеется, такая структура социального капитала существенно уменьшила шансы постсоветских обществ на демократизацию. Более

того, именно она может служить объяснением их авторитарной эволюции. Каковы перспективы в этой сфере? Будет ли господствовать неблагоприятное историческое наследие, или же положение дел изменится в силу действия структурных и институциональных факторов?

Позитивные тенденции связаны с успехами социально-экономического развития, повышением уровня жизни, расширением состава среднего класса, развитием средств массовой коммуникации, вовлечением российского общества в процессы глобальной мобильности и обмена и т.п. Однако перспективы институционального влияния в области политики носят, на наш взгляд, негативный характер.

Уже в начале 90-х годов в России сложился гибридный режим, сочетающий в себе черты демократической и недемократической систем. Дальнейшая эволюция российской политики была связана с эрозией демократических институтов. Российский политический режим по-прежнему остается гибридным, однако демократические его компоненты (выборные процедуры, партийная система, парламент, судебная система, конституционная система сдержек и противовесов в структуре правительственных институтов) сведены, по сути дела, до уровня институциональной имитации. Результатом становится режим с доминированием авторитарных черт, который может быть охарактеризован как «соревновательный» или «электоральный авторитаризм» [2, с. 17].

Разумеется, как всякий недемократический режим, российский режим, существующий в настоящее время, стремится к уничтожению оппозиции, снижению уровня политического плюрализма и соревновательности. Однако в отличие от классических диктатур прежнего времени (коммунистических или военных), современные авторитарные лидеры вынуждены считаться с тем, что применение открытого и масштабного политического насилия имеет очень высокую цену. Ограничения на применения насилия носят как внутренний, так и внешний характер. Социально-экономическое развитие, изменение социальной структуры обществ, развитие средств коммуникации, возрастающее в рамках глобализации международное общение, социально-культурная и институциональная унификация — все это существенно трансформирует общественную среду, повышая потенциал сопротивления общества насилию. В очень большой степени невозможность применения масштабного насилия связана с изменением характера системы международных отношений. Особенно это значимо для ресурсных стран, глубоко интегрированных в глобальную экономику. В России имеет существенное значение то обстоятельство, что политическое руководство и более широкий правящий слой стремятся сохранить высокий уровень групповой и персональной включенности в

систему международных политических, экономических и иных общественных институтов. Поэтому они вынуждены практиковать насилие «низкого уровня интенсивности», позволяющее хотя бы внешне соблюдать международные правила «политических приличий».

«Тихое удушение» оппозиции предполагает разрушение инфраструктуры политического участия и гражданского общества. Это означает, что российское политическое руководство, стремясь к сохранению устойчивости режима, разрушает институты, более или менее успешная деятельность, которых могла бы способствовать развитию политического доверия и социального капитала в целом. В то же время, оно поддерживает институциональные практики «реального» гражданского общества, препятствующие развитию гражданского («хорошего») социального капитала и поощряющие социокультурные формы негражданственности («плохой» социальный капитал) [4, с. 22].

Таким образом, жизнеспособность негражданственной среды в современной России связана не только с инерционностью соответствующей традиции, но также и с прямой заинтересованностью политического руководства в снижении гражданского тонуса российского общества, что позволяет политически эксплуатировать формы негражданственности. Главными инструментами (или измерениями) антигражданской стратегии являются:

- прямое разрушение структур самодеятельной гражданской и политической активности, репрессии против гражданских и политических активистов (масштабы этой формы воздействия заметны, но сравнительно ограничены);
- манипулирование законодательством, создающее формальные барьеры для политической и гражданской активности;
- использование судов для незаконного или неоправданно жесткого преследования гражданских и политических активистов;
- использование судов для преследования отдельных журналистов и средств массовой информации (особое распространение получило судебное преследование по обвинению в клевете, обвинение в экстремизме, разжигании социальной вражды и т.п.);
- имитация гражданской активности (GONGOs — термин, обозначающий формально независимые «неправительственные» организации, в действительности, контролируемые и часто учреждаемые органами государственной или местной власти), институтов демократии и институтов системы верховенства права, а также кооптация гражданских и политических активистов в политические или бюрократические структуры, контролируемые властью;

- массовая коррупция, рост которой является прямым следствием стремления власти контролировать общественно-политические процессы в обществе на основе использования административного ресурса, а также высокого уровня элитной коррупции;

Эти практики приводят к эрозии гражданского общества и доминированию сетей патронажа и коррупции. Негражданские структуры, в свою очередь, выполняют две политические функции в структуре российского режима. Во-первых, они способствуют дальнейшему разрушению культуры гражданственности и сетей гражданского взаимодействия [4, с. 177]. Таким образом, понижается потенциал оппозиционной деятельности. Во-вторых, они становятся весьма эффективным ресурсом в деле выстраивания системы авторитарного политического контроля над обществом: в электоральной сфере, в сфере партийного строительства, в механизмах контроля над парламентом и судейской системой, в системе центр-периферийных отношений и т.д. Особую роль в этом случае играют сети патронажа и коррупции [6, с. 32].

Таким образом, поддерживаемые в российском обществе формы негражданственности являются, с одной стороны, формами социокультурной адаптации к деформации институтов современного общества, а с другой — факторами, обуславливающими дальнейшую деградацию институтов. В этом смысле их необходимо рассматривать как синдром анти-современного развития.

Список литературы:

1. Гельман В. И. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Полис. — 2008. — № 4.
2. Голосов Г. Р. Электоральный авторитаризм в России // ProetContra. 2008. — № 1.
3. Гончаров Д. В. По ту сторону негражданственности // Полис. — 2010. — № 5.
4. Урбан М. Е. Формы гражданского общества: политика и социальные отношения в России // Прогнозис. — 2009. — № 1. С. 176 — 196.
5. Ховард М. А. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 85 —102.
6. Хлопин А. Д. Гражданское общество как социум клик: российская диллема // Полития. — 2010. — № 1.

1.2. ПОЛИТИКА В РОССИИ

ОСОБЕННОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ ПО ВЫБОРАМ ДЕПУТАТОВ СОВЕТА ГОРОДСКОГО ОКРУГА ГОРОД УФА ПЕРВОГО СОЗЫВА

Богомолова Наталья Алексеевна

*специалист по учебно-методической работе ФГБОУ ВПО «Уфимский
государственный нефтяной технический университет», г. Уфа*

E-mail: nat-ponomarenko@yandex.ru

Изменения в системе местного самоуправления в России совпадают по времени с глобальными социально-экономическими и политическими трансформациями, начатыми в середине 1980-х гг. При этом следует отметить, что местное самоуправление является одним из наиболее важных факторов становления демократического государства, развития гражданского общества. Поэтому неслучайно внимание государства, научного сообщества, широкой общественности к вопросам формирования новой системы местного самоуправления в постсоветской России. Однако, несмотря на высокую значимость развития качественно новой муниципальной власти, конкретные шаги по её формированию были начаты лишь после принятия в 2003 г. новой редакции Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ФЗ № 131).

Республика Башкортостан вошла в число регионов, где ФЗ № 131 начал реализовываться уже с 2004 г. Поэтому на сегодняшний день в республике накоплен значительный опыт организации муниципальной власти, идет его серьезное изучение научным сообществом. Кроме того, довольно успешно на уровне республиканской власти реализована на сегодняшний день задача формирования нормативно-правовой базы местного самоуправления, приняты основные законодательные акты, регламентирующие деятельность органов муниципальной власти, определяющие административно-территориальные границы муниципальных образований и т.д.

Новая форма организации муниципальной власти в городе Уфе была выбрана жителями 27 марта 2005 г. на референдуме и предполагала создание: (1) представительного органа муниципального образования (Совет городского округа город Уфа); (2) местной администрации муниципального образования (администрация) во главе с главой местной

администрации (глава администрации)». Заметим, что подобные референдумы по вопросу реформирования местного самоуправления нигде, кроме Республики Башкортостан, не проводились, поэтому вызвали определенный общественный резонанс в стране. (В г. Саратове 27 марта 2005 г. была предпринята попытка вынести на общественное обсуждение вопрос о прямых выборах мэра, однако из-за низкой явки избирателей — всего 7,3 %, референдум был признан несостоявшимся.) [1, с. 177].

Выборы в представительный орган местного самоуправления — Совет городского округа были назначены Указом Президента РБ на 26 июня 2005 г. [2]. На 35 мест в Совете городского округа претендовало 208 кандидатов (на начальном этапе выдвижения и регистрации кандидатов было 309 человек), что предопределило довольно жесткий характер борьбы за депутатские мандаты [3]. Однако число претендентов по избирательным округам было неравномерным. Так, в избирательном округе № 1 и 16 число претендентов доходило до 7—8 человек на место. А вот в округах № 10, 11 и 28 по два кандидата на место; в округе № 4 всего один кандидат.

Основная борьба за депутатские места развернулась между представителями топливно-энергетического комплекса республики (в голосовании участвовало 56 кандидатов от данной группы) и командой мэра города Качкаева П. Р., ядро которой составляли руководители муниципальных предприятий. Каждая из этих группировок была достаточно сильна и имела собственные интересы на местном уровне.

Интересно, что республиканские политические партии практически проигнорировали избирательную кампанию. Только 10 кандидатов (из 208) были делегированы от региональных отделений партий «Единство и Отечество» — Единая Россия, «Родина» и ЛДПР. Практически не приняли участия в избирательной кампании и общественные организации республики. Если в выборах в Уфимский городской совет, проходивших 14 марта 2004 г., благотворительные, религиозные, кооперативные и другие общественные организации представляли 17 человек (около 8,4 % от общего числа выдвиженцев), то в выборах 2005 г. кандидатов от общественных организаций не было вовсе. Основной формой выдвижения кандидатов в депутаты было самовыдвижение. Как представляется, это результат ряда причин. Во-первых, возможно, партии в 2005 г. не достаточно оценивали властные возможности местного самоуправления. Во-вторых, активное самовыдвижение, с нашей точки зрения, является показателем заинтересованности населения в решении насущных проблем города, более глубокого понимания возможностей местного уровня власти в решении конкретных социальных задач.

Агитационные кампании кандидатов в депутаты Совета городского округа трудно охарактеризовать как активные. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты социологического опроса, показавшие, что только 7,9 % респондентов хорошо знали и 32,1 % имели общее представление о программах кандидатов в депутаты Совета городского округа [4, с. 70]. Недостаточная информированность электората объяснялась, в ряду других причин, непродуманностью программ кандидатов, не отражавших актуальные проблемы жизнедеятельности городского сообщества, составленных без учета поло-возрастных и социально-профессиональных качеств избирателей, их политических предпочтений.

Большинство кандидатов ограничилось минимальным набором агитационных материалов — презентационными листовками. Не было рекламной продукции и наружной рекламы. В целом в агитационных кампаниях кандидаты презентовали себя избирателям не достаточно активно, делая основную ставку на использование манипулятивных технологий воздействия на поведение избирателей, в частности на явку. К примеру, была распространена листовка-фальшивка, якобы от имени Центризбиркома, с угрозой штрафа в три тысячи рублей в случае неявки на выборы или листовка с призывом прийти на выборы, которым якобы согласился стать известный рок-музыкант Шевчук Ю. Об использовании именно таких технологий свидетельствуют материалы специальных выпусков газет «Регион 02», «Народный выбор», направленных против кандидатов, представляющих топливно-энергетического комплекс республики и мэра г. Уфы Качкаева П. Р. [5, с. 130].

В Уфе в выборы в Совет городского округа участвовало в среднем 22—23 % избирателей (по республике — 73 %). Причины невысокой явки заключались, на наш взгляд, прежде всего в том, что в российской и республиканской прессе недостаточно освещались вопросы осуществляемой реформы местного самоуправления, многие нюансы процесса реформирования, его последствия к началу избирательных кампаний населению были непонятны; недостаточная активность работы кандидатов в своих округах.

Практика проведения выборов показала, что наибольших успехов в предвыборной борьбе добились те кандидаты, которые максимально использовали возможности личных встреч с избирателями, имели хорошо организованные штабы, оперативно реагировали на просьбы и предложения граждан, могли оказывать, по мнению избирателей, реальную помощь в решении конкретных проблем города. Особенностью кампании стал достаточно высокий процент протестного голосования — 12,45 %, что было выше общереспубликанских показателей.

Список литературы:

1. Ахмадеев А. А. Социально-политические предпочтения избирателей мегаполиса: сравнительный анализ результатов социологических
2. Бурханшина Д. Р. Роль референдума в формировании структуры местного самоуправления в Республике Башкортостан // Указ. Соч. С. 177.
3. Вечерняя Уфа. 16 апреля. 2005 г.
4. Вечерняя Уфа. 21 мая. 28 июня. 2005 г.
5. Исследований по г. Уфе // Избирательный процесс на региональном уровне: проблемы теории и практики. С. 70.
6. Чувилина Н. Б. Выборы представительных органов местного самоуправления 26 июня 2005 года в Республике Башкортостан // Избирательный процесс на региональном уровне. Уфа, 2006. С. 130.

ОТНОШЕНИЯ «ВЛАСТЬ — БИЗНЕС — ОБЩЕСТВО»

Торохова Наталья Евгеньевна

*студентка, Институт Социальных Наук Иркутского
Государственного Университета, г. Иркутск
E-mail: torohova91@list.ru*

Мясников Дмитрий Александрович

*канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры отечественной
истории и политологии, г. Иркутск
E-mail: mda80@vandex.ru*

Преобразование России для её дальнейшего развития подразумевает непрерывное общение между тремя составляющими современной жизни: власти, общества, народа. Однако в силу причин, и внешних и внутренних, этот полилог остаётся лишь эфемерной дымкой, витающей над нами. Какие причины не дают состояться конструктивному разговору? Нежелание политики делиться прибылью от бизнеса с народом? Или нежелание бизнеса делиться с государством, и, как следствие, с народом? Нет, проблема в другом. Мы все не слышим друг друга. Народ говорит, что нужно заводы открывать, восстанавливать, давать рабочие места; власть больше интересуется инновациями, тем, чем можно всех остальных переплюнуть. Представители крупного бизнеса вывозят свой капитал из страны, боясь, что потерпят расхищения инвестиций. Возможно, в

этом виновато государство, не дающее гарантий сохранности. Или обнаглевшие чиновники, считающие, что им всё может сойти с рук. Или народ, считающий чужие деньги.

Новое глобальное исследование настроений информированных «лидеров мнений» «Барометр доверия 2012» (Trust Barometer 2012) продемонстрировало беспрецедентное снижение доверия к государственной власти по всему миру. Авторы исследования указывают, что доверие к представителям власти и руководителям компаний никогда еще не было таким низким. По мнению участников исследования, государство и бизнес несут совокупную ответственность за нынешний экономический кризис и должны объединить усилия в его преодолении.

Текущее исследование охватывает 25 стран мира, в том числе Соединенные Штаты, ведущие государства Европейского Союза, Японию, Бразилию, Китай и другие. Основная цель данного исследования — определение уровня доверия к различным общественным институтам, таким как государство, бизнес, СМИ, общественные организации, религиозные учреждения, а также источники информации.

Нынешнее исследование проводилось с 10 октября по 30 ноября 2011 года в формате 30-минутных интервью среди 5600 респондентов — представителей так называемой «информированной общественности» — лидеров мнений двух возрастных групп (25—34 и 35—64 лет). Все респонденты экономически и социально активные люди, вовлеченные в сферу бизнеса, политики, государственного управления, общественной жизни своих стран, имеют высшее образование, высокий доход, не реже двух раз в неделю следят за деловыми и политическими новостями.

Главным выводом нового исследования Trust Barometer стал резкий спад общественного доверия к государственной власти по всему миру. Граждане обвиняют правительства своих государств в финансовом и политическом хаосе 2011 года. В целом, доверие к власти упало на девять процентных пунктов — до 43 %. Во Франции, Испании, Бразилии, Китае, России, Японии и еще ряде стран доверие к власти упало больше, чем на 10 пунктов. Представителям власти как спикерам сейчас доверяют менее всего. Лишь 29 % респондентов считают их достойными доверия. Около половины опрошенных утверждают, что не верят в то, что правительственные лидеры говорят правду.

Исследование также выявило, что факторы, отвечающие за формирование сегодняшнего уровня доверия к бизнесу, не так важны, как те, которые будут формировать доверие в будущем. Устойчивый финансовый доход, инновационные продукты и уважаемое всеми

руководство являются первостепенными факторами, на которых основывается уровень доверия сегодня. То есть, народ хочет видеть крупного бизнесмена, жертвующего свои деньги не только на яхты и клубы, но и на науку, медицину, социальные нужды. Эдакий филантроп, ставший нужды людей превыше своих. Однако, стоит понимать, что ничего просто так в этой жизни не делается: тебе дали, будь добр отработай. Причём это договор бессрочный. Благотворительность перестала быть проявлением великодушия [1].

Взаимоотношений в названном тройственном формате практически нет, есть альянсы отношений между сторонами — властью и бизнесом, властью и обществом, обществом и бизнесом. Во всех этих взаимоотношениях власть играет наиболее активную и инициативную роль, обладая возможностью как устанавливать формат общения и правила игры, так и контролировать состав участников. Бизнес занимает более пассивное положение, но имеет возможности для взаимодействия с властью по своей инициативе и каналы для этого. Форматов для диалога власти и общества по инициативе последнего также нет за исключением чрезвычайных, вроде акций протеста против тех или иных действий власти.

Какими ресурсами и возможностями обладают власть, бизнес и общество? У власти это вся мощь и ресурсы государства, его репрессивный и административный аппарат, механизм выработки правил и контроль, над их соблюдением включая возможность избирательного их применения. У бизнеса — финансовые ресурсы и возможность осуществлять корпоративное давление на власть в целом, а в индивидуальном порядке — на отдельных ее представителей с целью получения нужных результатов. У общества помимо общественного мнения, которым в принципе могут манипулировать в собственных интересах, как власть, так и бизнес, есть в резерве колоссальная социальная энергия, вырвавшись наружу, которая способна перекроить политический строй и власть так, как считает нужным. В настоящий момент всё всех устраивает, поскольку народ только яйцами бросается в президентов как в плохо играющих актёров.

Следует заметить, что во взаимодействии «власть — общество» происходит схлопывание старых площадок, таких как выборы и политические партии, и их замена новыми — общественными палатами и советами, общественными приемными.

С чем связаны основные проблемы взаимодействия для каждой из сторон? Власть всецело сосредоточена на отношениях с вышестоящим уровнем власти же, смотрит на бизнес либо как на свой собственный, либо как на дойную корову для ее, власти, проектов, в

том числе и в отношении общества; с обществом она находится в патерналистских отношениях. Бизнес, с одной стороны, наиболее самостоятелен и самодостаточен, с другой — очень зависим от власти; отношения с обществом для бизнеса либо повинность, накладываемая властью, либо прихоть и форма самовыражения, но никак не партнерство. Общество разобщено и не доверяет ни власти, ни бизнесу, ни своим собственным представителям, оно менее всего структурировано и мало приспособлено к немассовым формам взаимодействия; несамостоятельность общества и привычка к патернализму со стороны власти подталкивает общество апеллировать к власти для решения, как собственных проблем, так и проблем во взаимоотношениях с бизнесом [2].

Просто нужно начать. Вода камень точит, если помните.

Список литературы:

1. gtmarket.ru/news/2010/01/30/4006
2. <http://all-politologija.ru/knigi/vlast-biznes-obshestvo-v-regionax-nepravilnij-treugolnik/>

СЕКЦИЯ 2. СОЦИОЛОГИЯ

2.1. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИНТЕРНЕТЕ, КАК АКТУАЛЬНЫЙ МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ

Левина Анна Павловна

*лаборант кафедры философии и социологии, ТУСУР, Томск
E-mail: 17Anyta17@mail.ru*

Кравченко Ксения Владимировна

лаборант кафедры философии и социологии, ТУСУР, Томск

Темпы нынешнего общества с каждым днем растут, и мобильность стала основной чертой современного человека, именно поэтому появляются новые виды взаимодействий людей в интернет пространстве, когда на расстоянии можно совершить много различных операций и свободно коммуницировать с людьми. За последние годы отмечается рост социальных сетей и расширение уже существующих, таких как «ВКонтакте», «Twitter», «Facebook».

На сегодняшний день в социальной сети «ВКонтакте» во все странах зарегистрировано — 93 972 043 человека. Из них 58 151 869 человек жители Российской Федерации [1]. Основная масса пользователей — это молодежь. Этот факт заставляет задуматься о новых методиках социологических исследований среди молодежи, которые можно проводить в интернете.

Сегодня Интернет в рамках социологической мысли, как канал доступа к объекту для проведения традиционных количественных и качественных исследований. Кроме того, появление новых форм взаимодействия внутри сети заставляет научное сообщество задуматься о разработке методологии их изучения.

Интернет, уже давно рассматривают как площадку для изучения различных сторон жизни человека, с помощью проведения традиционных количественных и качественных исследований, однако эффективность, валидность и удобность таких методов необходимо проверять. Поэтому, в рамках ГПО ТУСУР (группового проектного обучения, на базе Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники) и предмета «социология молодежи», мы решили провести ряд исследований в социальной сети, которые помогут нам узнать возможность дальнейшего изучения людей, их деятельности, поведения в интернет сети, интересных с точки зрения социологического и психологического анализа. Так как исследования в социальных сетях, направление еще новое, то сейчас только идут наработки методологии подобного рода исследований и в связи с этим нами были разработаны методики исследования аккаунтов людей и контента в социальных сетях. Студентами были выбраны направления, результаты которых описаны ниже. Мы выбрали социальную сеть «ВКонтакте», так как «на сегодняшний день в России безусловное 1 место по ежемесячному охвату аудитории занимает сеть «ВКонтакте» — 34,3 млн. активных пользователей. По мнению экспертов, главное преимущество соц. сети — это ее техническая продвинутость» [2].

Одним из исследований стало выявление количества студентов ТУСУР зарегистрированных в социальной сети «ВКонтакте».

В качестве метода исследования был выбран количественный метод — анализ статистики, который позволяет за небольшой период времени получить репрезентативные данные. Проводящий анализ, строго следуя разработанной инструкции, находит с помощью поисковой системы всех студентов ТУСУРа определенного факультета, подчитывая при этом соотношение девушек и юношей. Исследователь в свою очередь сравнивает показатели со статистическими данными численности ТУСУРа.

Результаты статистического анализа показали, что подавляющее большинство студентов ТУСУРа (91 %) являются пользователями социальной сети «ВКонтакте», что говорит о возможности проведения исследований этой аудитории с помощью данной площадки без потери репрезентативности данных. Затем сравнили процентное соотношение зарегистрированных по половому признаку. Результаты показали, что всего в ТУСУРе обучаются 36 % девушек и 64 % парней, из них 38 % девушек и 62 % парней зарегистрировано в «ВКонтакте». Вывод: девушек зарегистрированных в соц. сети на 2 % больше чем юношей, однако такой низкий процент, говорит о возможности проведения социологических исследований «ВКонтакте». Но следует, обратить внимание на этот факт при дальнейшем изучении репрезентативности исследований в сети.

Еще одно исследование помогло нам отследить результативность распространения анкеты в социальной сети и реагирование на нее студентов ТУСУР.

Был выбран традиционный метод анкетирования. Анкета, которая предлагалась студентам для заполнения, состояла из 13 вопросов, составленных с помощью формы Google documents. Вопросы были как открытого, так и закрытого типа.

Для распространения анкет на страницах пользователей «ВКонтакте» было выбрано 5 девушек и 5 парней, являющихся студентами ТУСУРа разных курсов и факультетов. Необходимо учитывать, что при распространении анкеты на странице, была возможность заполнить данные любому человеку.

Гипотезы исследования.

1. На анкету ответят менее 50 человек
2. «Перепост» сделают менее 10 человек
3. Основными респондентами будут девушки.

Целевая группа — студенты ТУСУР 1 по 5 курс.

Полученные результаты:

1. Всего количество респондентов — 160 человек. Что опровергает первую гипотезу «На анкету ответят менее 50 человек».
2. Перекопировали анкету на свою страницу 5 человек. Что подтверждает гипотезу «перепост сделают менее 10 человек»
3. Из ответивших: 73 (45 %) мужчин и 87 (55 %) женщин. Что доказывает гипотезу «основными респондентами будут девушки», даже при учете того, что девушек ТУСУР на 2 % больше юношей.

Данные, полученные в результате проведенного исследования, показали, что студенты ТУСУРа свободно отвечают на вопросы анкеты, и особенно отзывчивы девушки.

Так же количественный анализ мы использовали в социологическом исследовании обсценной лексики ТУСУРовцев в «ВКонтакте».

Были поставлены следующие цели:

1. Определить количество ненормативной лексики в аккаунтах учащихся ТУСУР.
2. Определить группы, попавших в выборку людей, использующие обсценную лексику в общении.

Количество проанализированных страниц — 582.

По факультетам:

• РТФ (164)	• ЭФ (26)
• РКФ (166)	• ФВС (100)
• ГФ (46)	• ФСУ (80)

Таблица 1.

Содержание обсценной лексики

Факультет	Всего страниц	Кол-во обсценной лексики на стенах (%)	Наличие групп с общ. лекс. (%)	Статусы, содержащие обсценную лексику (%)
РТФ	164	62	62	22 (текущий)
РКФ	166	67	63	20 (текущий)
ГФ	46	26	63	47
ЭФ	26	50	57	42
ФВС	100	68	63	40
ФСУ	80	66	70	35

Это исследование помогло опробовать разработанную методику наблюдения за аккаунтами и группами попавших в выборку людей. И помогло получить интересные результаты.

Проведения различных социологических исследований в социальной сети «Вконтакте» помогло выявить, что проведение исследований в интернете является эффективным каналом для распространения и получения информации, что в дальнейшем может служить отличным способом быстрого, мобильного исследования с меньшими затратами ресурсов, которое принесет в полнее достоверные, надежные и валидные данные.

Список литературы:

1. Сайт мой софт: скрипты, программы и статьи [Электронный ресурс]. Электрон. дан. М., 2012. Режим доступа: <http://www.mysoftware.ws/skolko-chelovek-i-iz-kakix-stran-zaregistrovano-vkontakte-ru/>
2. Сайт проекта атмосфера [Электронный ресурс]. Электрон. дан. М., 2012. Режим доступа: <http://ainfo.org/?p=1555>

2.2. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Гусева Татьяна Степановна

канд. социол. наук, Алексеевский филиал НИУ «БелГУ», г. Алексеевка

E-mail: guseva@af.bsu.edu.ru

Российская социология села в современных условиях хозяйствования нуждается в новых методологических ориентирах, особенно в экономическом и нравственно-культурном направлениях.

В настоящее время население российского села оказалось перед новыми условиями бытия, порожденными агрессивными рыночными отношениями: переделом собственности (земли, средств производства, капитала), ликвидацией организационно-правовых форм сельскохозяйственного производства и специализированных предприятий.

Реформаторы новых идей утверждали, что в современной рыночной экономике село фактически не подходит в том виде, в каком оно существовало в советское время. И как показала практика, не продуманные решения обрекли тысячи сел и деревень на вымирание (по данным института народонаселения РАН, в России каждый день вымирает по две деревни) [4, с. 95—101].

По данным статистики страны за 1997—2007 годы сельских жителей стало на 3 миллиона меньше [2, с. 86—95].

По Белгородской области этот показатель составил 12,5 тысяч человек. Можно предположить, что данная ситуация находит свое продолжение и в последующие годы.

Такая демографическая обстановка обуславливает тенденцию сокращения численности сельского активного населения в трудоспособном возрасте. За последние 15 лет в сельской местности Белгородской области наблюдается снижение трудоспособного населения на 11,8 тысяч человек. Обращает на себя внимание уменьшение в структуре занятого сельского населения молодежной страты и рост доли предпенсионного и пенсионного возраста. В целом по области за 1995—2010 годы численность молодежной страты сократилась на 96 тысяч человек, а пожилая страта возросла на 22 тысячи человек.

В дополнение к сказанному следует отметить, что в целом уровень занятости экономически активного сельского населения в последние годы сравнительно не высок, особенно у женщин. В среднем по

регионам страны уровень сельской безработицы колеблется от 30 до 60 %, что создает социальную напряженность в обществе.

Данные проблемы характерны и для Алексеевского района. В отчете главы Администрации Сулим Ф. Е. по итогам работы района за 2010 год отмечается, что по вопросам трудоустройства обратились 1961 человек, в том числе из сельской местности 787 сельян [3, электронный ресурс].

Одной из наиболее уязвимых социальных групп на сельском рынке труда остается молодежь. В возрастной структуре занятого сельского населения доля молодежи моложе 30 лет постоянно снижается. Сохраняется высокая доля (до 50 %) молодежи среди сельских безработных [1, с. 60—66].

Труд в сельском хозяйстве из-за неудовлетворительных условий по-прежнему непривлекателен и неконкурентен с трудом в других сферах экономики; работник ни юридически, ни экономически, ни психологически не сформирован как самостоятельный субъект трудовых отношений. Он не чувствует себя собственником своей рабочей силы, его основные усилия направлены на выживание и самосохранение. Ранее на стороне работника стояли профсоюзы. Сейчас они на селе не являются реальной общественной силой, ни на уровне коллектива организации, ни в социальном взаимодействии с работодателями и органами исполнительной власти.

Формирование социально-трудовых отношений рыночного типа на селе находится пока в первоначальной стадии становления, которая характеризуется обоснованием нормативно-правовой и экономической базы отношений. Сейчас сформировался своеобразный не рыночный социально-трудовой механизм учета интересов работников и работодателей.

Одним из важных аспектов состояния социального бытия на селе является материальное положение людей. Реструктуризация бывших хозяйств, сокращение рабочих мест, снижение объемов и эффективности аграрного производства, ломка механизмов социальной защиты населения привели к резкому падению стоимости рабочей силы в отрасли. По уровню оплаты труда аграрные работники являются экономическими аутсайдерами, так как наблюдается значительный межотраслевой разрыв в размере заработной платы.

Об этом достаточно убедительно свидетельствуют данные по Алексеевскому району за 2010 год. В среднем по экономике района заработная плата составила 14,2 тысяч рублей, в промышленности 16,5 в строительстве 21,0, а в аграрном секторе 8,2 тысяч рублей.

За годы реформ принципиальные изменения претерпела структура доходов сельского населения по источникам формирования. Значимость оплаты труда в формировании бюджета домохозяйств резко снизилась. Если на начало реформ на ее долю приходилось до 70 % совокупного дохода семьи, то в настоящее время около 30 %. Такое снижение доли оплаты труда в семейном доходе означает, что зарплата уже не выполняет в должной мере ни социально-воспроизводственной, ни стимулирующей функции. В настоящее время значительную роль в формировании бюджета сельского домохозяйства играют социальные трансферты (пенсии, пособия, дотации и льготы), достигшие 30 % его объема. Однако их реальная величина на селе втрое ниже, чем в городе.

Общеизвестно, что доход селян формировался в основном за счет личного подсобного хозяйства, то есть из натуральных и денежных поступлений. Если, до реформирования экономики аграрного сектора доход от реализации продукции подсобного хозяйства составлял до 30 % совокупных поступлений, то в последние годы около 13 %. Такое резкое снижение доходов характеризуется оттоком из сельской местности рабочей силы молодежной страты, а остающееся пожилое население не в состоянии обрабатывать приусадебный земельный участок и содержать поголовье скота.

На фоне снижения уровня жизни сельского населения идет процесс социально-экономического расслоения деревни. Высокая и нарастающая дифференциация материальной обеспеченности сельских домохозяйств объясняется, прежде всего, различиями в величине зарплаты, приходящейся на одного члена семьи, а также большей детско-иждивенческой нагрузки на работающего в наименее обеспеченных семьях, особенно в тех, в которых дети получают платное образование.

Важным индикатором материального благосостояния населения принято считать структуру потребительских расходов. Общеизвестно, что, чем ниже доля расходов на питание и относительно выше расходы на не продовольственные товары и услуги, тем лучше жизнеобеспечение семьи. Проводимые исследования свидетельствуют о том, что за годы реформ значительно сократилось потребление населением страны, в том числе и сельским, мясопродуктов, молокопродуктов, яиц и фруктов. Возросла нагрузка в потребление хлебобулочных изделий, картофеля, овощей и сахара. Наблюдался повышенный спрос на рыбу и рыбопродукты. Однако в последние годы цена на данную продукцию постоянно повышалась и достигла уровня цен на мясную продукцию, что послужило поводом снижения потребления рыбопродуктов. Несбалансированный рацион питания населения, особенно молодежи, является

главной причиной ослабления иммунной системы и повышения заболеваемости.

По данным статистики Белгородской области в 2010 прожиточный минимум на душу населения составил 4777 рублей, а размер потребительской корзины 3899 рублей. Следует отметить, что за этот год в среднем по области минимальный размер заработной платы составил 4350 рублей.

Бедность на селе носит застойный характер, что порождает пагубные изменения долгосрочного действия в физическом и психическом здоровье людей. Она локализуется преимущественно в многодетных семьях и семьях, имеющих в своем составе безработных и обучающихся в учебных заведениях.

Уровень жизни селян существенно зависит от социальной инфраструктуры. Она формирует дополнительную основу демографического и социального воспроизводства населения. В условиях постоянного экономического кризиса в аграрном секторе наблюдается снижение инвестиционной активности. Сокращение капвложений в социальную сферу села значительно опережает соответствующий показатель по народному хозяйству в целом, что свидетельствует о последовательной практике ущемления интересов деревни при распределении инвестиционных ресурсов.

Подтверждение сказанному могут служить данные по Алексеевскому району за 2010 год, которые свидетельствуют о том, что в целом по району было освоено 750 миллионов рублей капвложений, из которых около 85 миллионов рублей, или 11,5 %, в сельских поселениях. Инвестиции были направлены в основном на объекты г. Алексеевка (спортивный парк с ледовой ареной, дороги, ЖКХ), а на селе — строительство школы в селе Жуково и другие объекты.

Кризис в аграрной экономике обуславливает ухудшение доступности селян в образовании, здравоохранении, культуре, торговом и бытовом обслуживании, которые образуют социально-психологические условия жизни.

Низкая рождаемость на селе послужила главной причиной закрытия детских дошкольных учреждений, малокомплектных школ и фельдшерско-акушерских пунктов. Поэтому стало сложнее определить детей в ясли-сад, дать им хорошее образование, повысить культурно-оздоровительный уровень. В условиях нерегулируемых рыночных отношений резко ухудшилось медицинское, бытовое, транспортное и культурно-оздоровительное обслуживание. Работа учреждений культуры (библиотеки, клубы, дворцы культуры), многие из которых либо ведут нищенское существование, либо прекратили его вовсе.

Особо остро на селе стоит проблема здравоохранения. Жители получают медицинские услуги за десятки километров от места жительства, что требует дополнительных расходов на транспорт. Кроме этого, качество медицинского обслуживания оставляет желать лучшего. Только в Алексеевском районе на начало 2011 года требовалось 52 специалиста в области здравоохранения, в основном, для работы на селе.

Отмеченные проблемы являются комплексными и выступают интегральным показателем экономического и социокультурного благополучия. На первом месте в сознании сельских жителей стоит проблема трудоустройства, которая непосредственно влияет на экономическое положение. Материальная бедность и озабоченность экономическими трудностями определяют бедность духовную, влекущую за собой феномены пьянства, наркомании, преступности, моральной деградации личности. На фоне такого положения сельского жителя наблюдается превышение смертности над рождаемостью населения. В 2010 году по Белгородской области соотношение составило 1,5:1,0, а по Алексеевскому району 1,4:1,0. Данная ситуация свидетельствует о том, что подавляющее большинство сельского населения вынуждено выбрать установку не на развитие, а на выживание. До сих пор преобразования в экономической и институциональной сферах аграрного сектора, порождая ряд острых социальных проблем, не привели к существенному повышению уровня и качества жизни сельского населения.

Таким образом, в настоящее время на селе сложилась устойчивая кризисная социально-экономическая ситуация, основной доминирующей тенденцией которой является увеличение разрыва в уровне жизни сельского и городского населения. Продолжение данной тенденции в перспективе может привести к необратимым процессам в развитии села — к его неспособности выполнять ни одну из его функций: производственную, социально-демографическую, культурную и другие.

Преодоление кризисной ситуации в деревне возможно только при грамотном, коренном изменении подходов к ее возрождению. Для этого необходимо, прежде всего, диверсифицировать сельскую экономику и сформулировать мотивационный механизм ее развития.

На наш взгляд, в первую очередь необходимо осуществить реформирование действующих на селе организационно правовых форм хозяйствования. На определенных территориях необходимо обосновать рациональное сочетание крупных, средних и малых производств, в том числе и личных подсобных хозяйств. Такой подход даст возможность эффективно исследовать имеющиеся ресурсы.

Повышение экономического потенциала даст возможность формировать стабильные финансовые средства на развитие и

содержание объектов социальной сферы и инженерного обустройства села. Необходимо обеспечить консолидацию всех источников финансирования на основе долевого участия средств бюджетов всех уровней и внебюджетных источников. Реализация этих решений возможна лишь на основе новых технологий социального возрождения села, в основу которых необходимо положить подход к повышению жизненного уровня селян не только как в агропроизводственной сфере, но и как в социально — территориальной подсистеме, выполняющей широкий спектр функций общественного воспроизводства. Взгляд на село как многофункциональную социально — территориальную подсистему общества означает, что в сельской местности повсеместно, без отбора по агропроизводственному признаку, в конечном счете, будут созданы качественно иные, достаточные условия жизни. А это в свою очередь будет способствовать подъему сельской экономики, а, следовательно, и социально — культурного уровня сельских жителей.

Список литературы:

1. Великий П. П. Российское село в условиях новых вызовов // Социол. исслед. — 2007. — № 7. — С. 60—66.
2. Долгушкин Н. К., Новиков В. Г., Староверов В. И. Проблемность современного сельского быта и пути его оздоровления // Социол. исслед. — 2009. — № 2. — С. 86—95.
3. Сулим Ф. Е. Отчет главы администрации Алексеевского района «Об итогах работы администрации муниципального района «Алексеевский район и город Алексеевка» Белгородской области по социально-экономическому развитию территории в 2010 году [электронный ресурс] — Режим доступа. — adm-alekseevka@yandex.ru
4. Хагуров А. А. Некоторые методологические аспекты исследования российского села // Социол. исслед. — 2009. — № 2. — С. 95—101.

РОЛЬ РУКОВОДИТЕЛЯ В ПРИНЯТИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ОРГАНИЗАЦИЯХ: СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ АСПЕКТ

Рыцев Александр Иванович

*аспирант СГА, преподаватель Октябрьского нефтяного колледжа,
г. Октябрьский*

E-mail: alexir01@mail.ru

Интеграция социально-ориентированного управления в систему управления организацией предполагает разработку и адаптацию к новым условиям соответствующих методов, моделей и инструментов принятия управленческих решений. В связи с этим актуальным и своевременным является исследование проблем совершенствования процесса принятия управленческих решений с целью повышения их качества и эффективности. Исследования показывают, что некачественные управленческие решения составляют от 33 % до 41 % [2, с. 5].

В ситуации, сложившейся в современном обществе, а также ввиду формирования социально-ориентированной парадигмы управления, внимание к социальному качеству управленческих решений должно быть приоритетным на всех уровнях системы управления организацией.

Высокое качество управленческих решений, принимаемых в ситуации становления новой парадигмы, достигается главным образом за счёт выполнения обязательных социально-управленческих рекомендаций при выборе решения: упреждающая разработка решения, соответствие организационным целям, комплексность содержания, обоснованность намечаемых мер, социальная ориентация, адресность, законность, логичность, ясность изложения, минимизация затрат, обеспеченность ресурсами, гибкость требований к исполнителям, своевременность реализации высокой степени эффективности достижения результата и низкой вероятности негативных последствий [6, с. 28]. Решающее значение при принятии управленческого решения принадлежит субъекту решения (лицу, принимающему решение), в качестве которых могут выступать отдельные индивиды (руководители) или группы менеджеров, которым делегированы полномочия для принятия решений.

Одновременно с этим современная парадигма управления, которая считается социально-ориентированной, предусматривает участие персонала организации в принятии управленческих решений.

Ввиду влияния данного фактора способы принятия решений, в зависимости от принимающих участие в этом процессе субъектов, варьируются. Ряд исследователей обосновывают результативность

автократического метода принятия решений (Друкер П., Файоль А., Урвик Л.) [4], другие (Лайкерт Р., Мэйо Э., Саймон Г.) [8] — консультативного, третьи (Арджирис К., Мак-Грегор Д., Фоллетт М. П.) [1] — группового.

Следовательно, следует ожидать роста доли групповых управленческих решений в рамках социально-ориентированного управления. Однако при всех плюсах у этого метода имеются недостатки (размывается ответственность, снижается оперативность и т.д.).

Принятие управленческих решений, являясь многоаспектным явлением, основанным на объект-субъективных отношениях, представляет собой сложный систематизированный процесс, включающий ряд этапов и стадий, начинающийся с формулирования проблемы и завершающийся действиями по решению, то есть ее реализации.

Как известно, алгоритм работы над управленческим решением может быть представлен в виде следующей последовательности действий [5]: подготовка решения (осознание проблемы, постановка цели и задач, анализ задач, выбор вариантов действий), принятие решения (рассмотрение вариантов, выбор альтернатив, утверждение выбранного решения), реализация решения (подготовка, мониторинг и контроль исполнения, мотивация и регулирование деятельности исполнителей), анализ результатов и формулирование выводов для настоящего и будущего.

В то же время большое значение придается роли руководителя на стадии выполнения решений — умелая мотивация исполнителей и учёт их мнений, соблюдение организационных норм и ценностей, наличие обратной связи с подчинёнными. В связи с этим большое значение имеет контроль выполнения работ по реализации решения, в ходе которого возможно выявление отклонения от плана исполнения, а также недостатков самого решения, которые требуют корректировки.

Вместе с тем, для минимизации фактора социального риска при принятии управленческих решений в организации необходимо учитывать социальные потребности и интересы сотрудников, личностные оценки, поведенческие и информационные ограничения руководителя, а также среду, в которой принимаются решения. Одним из наиболее важных факторов, оказывающих влияние на принятие управленческих решений, являются психологические качества руководителя, поскольку поведение человека обусловлено особенностями его психики — темпераментом (уровнем психической активности и эмоциональности) и характером (волевыми качествами). Кроме того, действия субъекта предопределяются его умственными способностями, включающими в себя независимые составляющие — память, интеллект и личностные знания [3].

Следовательно, к субъекту управления предъявляются повышенные требования: компетентность, наличие именно управленческого (административного) склада ума, который, с одной стороны, готовится всей системой воспитательных и образовательных средств, а с другой — предполагает и природную одарённость. Однако эти требования значительно повышаются в контексте социально-ориентированного управления.

Фундаментальная роль в системе социально-ориентированного управления принадлежит принципу обратной связи, который в общей форме утверждает: в любом взаимодействии субъект управления и объект управления неизбежно меняются местами. Следовательно, в процессе социально-ориентированного управления происходит обратное влияние объекта управления на его субъект. При этом вполне корректно утверждение о том, что субъект и объект управления в определенной степени меняются ролями, то есть субъект управления становится объектом, и наоборот. Таким образом, субъект и объект управления выполняют двойную — субъектно-объектную функцию.

Вся совокупность социальных взаимодействий должна рассматриваться как взаимодействие субъекта и объекта управления. Как субъект (управляющая подсистема), так и объект управления (управляемая подсистема) имеют сложную, многоуровневую структуру. В качестве субъекта управления выступают и социальные институты, и организации (в том числе общественные), и производственные коллективы, и личности. Однако, в конечном счёте, управленческие решения фактически принимают реальные личности, которые наделены соответствующими полномочиями, предполагающими высокую меру ответственности. К субъекту управления предъявляются повышенные требования: компетентность, наличие именно управленческого склада ума, который, с одной стороны, готовится всей системой воспитательных и образовательных средств, а с другой — предполагает и природную одарённость.

Необходимым условием принятия субъектом эффективного управленческого решения и осуществления контроля за его исполнением является информация: ее высокое качество, полнота, своевременность и оперативность получения. Всё это предполагает всесторонние и глубокие знания субъектом существенных свойств, состояний, тенденций движения управляемого им объекта, а также условий его существования, формируя компетентность лица, принимающего решение.

Объектом управления, в какой бы форме и на каком бы уровне он ни выступал (будь то предприятие, организация, учреждение или даже общество в целом), реально и фактически являются люди: коллективы

или отдельные личности, которые наделены соответствующими человеческими качествами — умом, волей, талантом, а потому способны принимать соответствующие решения и выполнять их. В этом отражается фундаментальная закономерность всех социальных процессов: чтобы быть реализованным, любой из них должен «очеловечиться», то есть воплотиться в действиях конкретных людей.

Субъект и объект управления, как отмечалось, — понятия относительные. В одном взаимодействии человек выступает как субъект, в другом — как объект управления. И даже в пределах одного и того же взаимодействия субъект также управляется со стороны объекта, который в этом случае выступает уже в качестве субъекта управления. Поэтому эффективное управление возможно только при условии разумного контроля и за самим решением, и за его исполнением не только сверху, но и снизу: бесконтрольный работник, как правило, морально разлагается, то же самое, впрочем, происходит и с руководителем. Принцип обратной связи, характеризующий в общем виде социально-ориентированное управление, тем не менее, почти полностью исключается в условиях жёстких систем управления. Данная ситуация характерна для всех административно-бюрократических методов управления.

Как выяснилось в ходе социологического исследования «Новое поколение предпринимателей и менеджеров», проведённого в 2004 г. в Академии народного хозяйства при Правительстве РФ отечественными учёными (Заславская Т. И., Крылатых Э. Н., Шабанова М. Л.) предприниматели и менеджеры признают необходимость брать на себя ответственность в процессе принятия решений для достижения организационных целей. Причём сами респонденты, представители одной из наиболее образованных и «продвинутых» групп предпринимателей и менеджеров, в целом демонстрируют высокий уровень адаптации к современной бизнес-среде [7].

В ходе анкетирования слушателей программ MBA (Master of Business Administration) в АНХ было охвачено 1016 человек (51 % генеральной совокупности). Результаты опроса подтвердили, что социальные качества, присущие большинству слушателей программ MBA, позволяют рассматривать их как передовую и перспективную часть российского делового сообщества.

Характерно, что более половины респондентов (54 %) составили генеральные директора, директора, их заместители, а также топ-менеджеры, 26 % — руководители подразделений.

Профессиональные качества по степени их важности, необходимые для достижения успеха в условиях российской действительности приведены в таблице 1.

Таблица 1.

**Оценка значимых профессиональных качеств современного предпринимателя слушателями программ МВА в АНХ
(% респондентов)**

	Профессиональные качества	Наличие качества помогает
1	2	3
1	Готовность брать на себя ответственность	80
2	Инновационный тип мышления, поиск новых возможностей	48
3	Способность организовывать командную работу	52
4	Настойчивость в осуществлении принятых решений	45
5	Умение вести деловые переговоры	43
6	Высокий профессионализм, большой опыт работы	31
7	Умение всё тщательно рассчитывать и взвешивать	33
8	Готовность рисковать в разумных пределах	46
9	Умение стимулировать подчинённых к творческой деятельности	35
10	Умение создать в коллективе климат доверия и взаимной поддержки	41
11	Умение «ладить» с чиновниками и контролирующими структурами	26
12	Умение в случае необходимости обходить «неудобные» юридические нормы	18
13	Строгое соблюдение деловой этики	21

Среди представителей обследованной группы лидирует качество — готовность брать на себя ответственность в принятии решений (80 %).

Ниже оцениваются способность организовывать командную работу (52 %), инновационный тип мышления и постоянный поиск новых возможностей (48 %), а также связанная с ним готовность рисковать в разумных пределах (46 %). Примерно такое же значение придаётся настойчивости в осуществлении принятых решений (45 %).

Примечательно, что деловое качество «готовность рисковать в разумных пределах» занимает далеко не первое место в рейтинге профессиональных характеристик, приоритетных для бизнесменов, несмотря на «рискогенную» специфику предпринимательской деятельности (его выбрали менее половины респондентов), т.е. это

свидетельство того, что даже деловым сообществом риск воспринимается как явление, возникающее лишь в особых ситуациях.

Принцип обратной связи применительно к социально-ориентированному управлению выражается не только в исполнении и систематическом контроле, но, предполагает широкую инициативу, активное понимание, сотворчество и даже настоящее творчество тех, кто выступает в данной ситуации в качестве объекта управления. Управленческий замысел не только исполняется, но и творчески конкретизируется и развивается, превращается в нечто большее, чем первоначальный замысел, влияя на корректировку исходной управленческой позиции на других ступенях управленческих решений. Обратная инициатива предполагает наличие в объекте управления не только некоторой суммы психологических начал, но и высокого чувства гражданственности, ответственности за своё дело, полного единения воли и действий руководителя и руководимого. Таким образом, объект управления должен также обладать набором определенных качеств. Своё высшее выражение социально-ориентированное управление находит в форме социального самоуправления, которое невозможно без высокой культуры, как объекта, так и субъекта управления, выражающейся в таких нравственно-психологических качествах, как честность, добросовестность, бескорыстие, критичность и самокритичность в оценке работы.

По результатам социологического опроса среди исполнителей в ООО «Башнефть-Добыча» ОАО АНК «Башнефть» при принятии управленческих решений значимыми являются следующие факторы: форма принятия управленческих решений, состояние морально-психологического климата, стиль руководства, стиль урегулирования конфликтов, стимулирование при выполнении решений (табл. 2). Согласно анализу результатов стимулирование при выполнении решения распределяется следующим образом: не стимулируется (35,3 % респондентов), материально стимулируется (47,1 % респондентов), морально (17,6 % респондентов). Важен также стиль урегулирования конфликта. По данному критерию прослеживается следующая ситуация: стиль сотрудничества составил 29,4 %, компромисс — 35 %, силой — 11,8 %, уступок — 7,6 %, уход от конфликта — 16,2 %.

Таблица 2.

Оценка значимых элементов при принятии управленческих решений среди исполнителей в низшем звене управления (% респондентов)

	Критерии	% от количества
	Форма принятия управленческого решения	
1.	Единоличная	18.75
2.	Коллегиальная	25
3.	Групповая	50
4.	Затрудняюсь ответить	6.25
	Стиль управления	
1.	Авторитарный	31.25
2.	Демократический	62.5
3.	Либеральный	6.25
	Морально-психологический климат	
1.	Удовлетворительный	50
2.	Неудовлетворительный	12.5
3.	Хороший	37.5

Таким образом, приоритетными для исполнителей являются хороший и удовлетворительный морально-психологический климат, демократический стиль управления, групповая форма принятия управленческих решений.

Однако представляется, что это далеко весь спектр факторов, влияющих на социально-ориентированный аспект в принятии управленческих решений, что требует дальнейшего исследования.

Компания убеждена, что успех ее бизнеса всецело зависит от работающих в ней людей. Именно поэтому повышение эффективности работы и личной заинтересованности сотрудников в достижении компанией наилучших результатов являются основными направлениями кадровой политики АНК «Башнефть».

В основе работы компании с персоналом — безусловное следование принципам и нормам российского и международного права, равенство возможностей и взаимное уважение сторон. ОАО АНК «Башнефть» выступает как ответственный работодатель, поддерживая равноправные отношения с трудовым коллективом, обеспечивая конкурентную заработную плату, улучшая качество жизни сотрудников и их семей. Компания стремится обеспечить каждому работнику комфортные и безопасные условия труда, максимальные возможности для развития и профессионального роста.

Деятельность компании является примером принятия социально-ориентированных управленческих решений, где велика роль руководителя, исполнителей решений и их социального взаимодействия.

Процесс принятия управленческих решений, являясь сложным системным явлением, в условиях становления новой парадигмы предъявляет более высокие требования к личности руководителя.

Руководители в организации должны обладать гораздо более широким спектром качеств в принятии социально-ориентированных управленческих решений.

Список литературы:

1. Арджирис К. Организационное научение. — М.: ИНФРА-М, 2004.
2. Асаул А. Н. и др. Теория и практика принятия решений по выходу организаций из кризиса / Асаул А. Н., Князь И. П., Коротаева Ю. В.; под ред. засл. Строит. РФ, д-ра экон. наук, проф. Асаула А. Н.. — СПб: АНО «ИПЭВ», 2007. — 224 с.
3. Вавилов С. В. Психологическое пространство управленческих решений // Социологические исследования, 2006, № 5.
4. Друкер П. Ф. Менеджмент: задачи, обязанности, практика. — М.: И.Д. Вильямс, 2008.
5. Кодин В. Н., Литягина С. В. Как работать над управленческим решением. Системный подход. — М.: КНОРУС, 2010.
6. Поваляева О. Н. Социально-управленческий аспект проблемы принятия решений в условиях риска // Вестник научно-технического развития Национальная Технологическая Группа, 2011 г., № 8 (48). — С. 22 —29.
7. Шабанова М. А. Новое поколение российского бизнес-сообщества: особенности профессионализации и адаптации // Социологические исследования, 2006, № 12.
8. Simon Herbert A. The New Science of Management Decision. — New York: Harper & Row, 1960.
9. [www/bashneft.ru](http://www.bashneft.ru)

2.3. СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

СУЩНОСТЬ ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ В ПРИМЕНЕНИИ К КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМУ ФЕНОМЕНУ «НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕАТРА» В РОССИИ

Климашин Игорь Александрович

канд. пед. наук, г. Москва

E-mail: gor24@rambler.ru

При рассмотрении культурологического феномена национального театра в России было бы односторонне рассматривать многолетнюю историю его существования, накопленный им богатейший творческий опыт и потенциал в отрыве от анализа процессов модернизации. Ведь национальный театр в России не может существовать в отрыве от данных процессов, изменяясь и трансформируясь вместе с ними.

Для успеха культурологического исследования, на наш взгляд, прежде всего, необходимо раскрыть сущность процессов модернизации применительно к феномену «национального театра». Под термином «национальный театр» мы подразумеваем: государственное учреждение культуры в национальных регионах России, осуществляющее свою творческую деятельность на языке этнических групп и народностей, проживающих на данной территории.

Модернизационные процессы являлись движущей силой экономических преобразований и развития социально-культурной среды национальных регионов России на протяжении всего XX в. Именно они во многом определяли лицо национального театра, его репертуарную политику и материально-техническое обеспечение.

В определениях термина модернизационный процесс обращает на себя внимание его многовариантность. Термин не только по-разному трактуется в исследовательской литературе, но иногда по-разному используется в работах даже одного автора. На первых порах этот термин включал, как правило, только один аспект (техническое обновление). Однако по мере накопления теоретического опыта этот термин обретал большую глубину и значимость, охватывая различные аспекты теории и практики всей социальной, в том числе и культурной жизни. Использование исследователями различных подходов при концептуализации понятия модернизация позволяет выделить несколько групп определений применительно к национальному театру.

Исторические определения ориентированы на описание процессов, посредством которых осуществляется модернизация: трансформации, революции и т.д. Широко понимает модернизацию Цаф В., рассматривающий ее в трехмерном плане:

1) как секулярный процесс, начатый индустриальной революцией, в ходе которой больших успехов в развитии достигла небольшая группа сегодня модернизированных обществ;

2) как многовариантный процесс, в ходе которого отстающие догоняют ушедших вперед;

3) как реакции модернизированных обществ на новые вызовы на пути инноваций и реформ [4, с. 14].

Алексеев В. В. и Алексеева Е. В. понимают модернизацию как «комплекс социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных трансформаций традиционного общества, происходивших в мире с XVI в. и достигших своего апогея в XX в. в облике современности (modernity)» [1, с. 5].

Как универсальное явление всемирной истории, охватывающее ее от античности до современности, трактует модернизацию Васильев Л. С. [3, с. 9]. К модернизации приравняются разные по значимости и масштабам события, в том числе в культурной и духовной жизни общества. Вся всемирная история, в том числе и история театра, предстает в его понимании процессом модернизации. В рамках подобного всеохватывающего подхода многообразие и драматизм истории национального театрального искусства в России невольно искажаются: нивелируются роль, значение и исторический смысл явлений. Этот подход невольно воскрешает в памяти линейно-стадиальные построения исторического процесса.

Применительно к современному состоянию развития национального театра можно так же говорить об **экономических** определениях модернизации, в основе которых переход к частной собственности и рыночным отношениям, капитализму западного типа.

Интерпретация модернизации как распространения особой цивилизации *modernity* характерна для **цивилизационных** определений. Известный специалист по проблемам развития Эйзенштадт Ш. считает возможным говорить о *modernity* как о специфической цивилизации или новом типе цивилизации. Он пишет, что новая цивилизация, которая сформировалась в Европе, позже распространялась по всему миру, порождая совокупность международных систем, каждая из которых базировалась на некоторых общих принципах данной цивилизации и в то же время стимулировала тенденции к перманентным изменениям внутри себя. В процессе трансляции цивилизации *modernity* обозначилась тенденция к формированию всеобщих мировых

институциональных и символических рамок, что вообще было явлением новым и уникальным в истории человечества [5, р. 11]. В интерпретации Ахиезера А.С., «модернизация — это явление цивилизационного масштаба». Ахиезер обращает внимание на различия процессов модернизации в странах Запада и в России. В России, по его мнению, исторически преобладало стремление адаптироваться к ситуации и использование властью массовое стремление к адаптации» [2, с. 13].

Однако определение modernity в качестве специфической цивилизации не безупречно, особенно в свете признания мультилинейности процесса модернизации, допущения возможности появления (открытия) новых центров modernity и даже трансформации самих моделей модернизации. Спорным моментом является и понимание процесса модернизации как перехода именно к либеральной цивилизации особенно в отношении театральной культуры. Кроме того, цивилизационный подход неоправданно расширяет рамки модернизации.

Дихотомические определения трактуют модернизацию как переход от одного состояния общества, традиционного, к другому — индустриальному или современному [6, р. 129]. Применение дихотомических концептов, несмотря на их познавательную глубину и эффективность, вызывает некоторые сомнения с теоретической точки зрения. Дело в том, что противоположность традиционности и современности в национальном театре в процессе модернизации не столь очевидна, как это может показаться. Традиционные институты и ценности в драматическом и музыкальном искусстве вполне могут адаптироваться к современности; предпосылки же современности зарождаются в традиционных контекстах.

Согласно **ментальным определениям**, процесс модернизации выступает как ментальная трансформация. Так, по Лернеру Д., модернизация — это своего рода ментальный сдвиг, достижение особого состояния рассудка, которое характеризуется верой в прогресс, склонностью к экономическому росту, готовностью адаптироваться к изменениям [8, р. 8].

Из разнообразия определений процесса модернизации применительно к национальному театру необходимо выделить специфические **культурологические** определения, которые делают акцент, на особой социо-культурной ориентации, присущей процессу модернизации. Так, по мнению шведского социолога Терборна Г., «modernity» может быть понята как эпоха, повернутая в будущее, которая представляется как нечто отличное и лучшее по сравнению с современностью и прошлым. Контраст между прошлым и будущим управляет «семантикой времени» modernity, создает его «бинарный код». Согласно Терборну, эпоха modernity завершается, как только люди прекращают

локализовать поведение или формы жизнедеятельности на оси традиция-современность, неразвитость-развитость, когда различие между прошлым и будущим теряет свою актуальность в дискуссии по поводу общества и культуры [7, p. 5].

Культурологическая точка зрения рассматривает деятельность «национального театра» в эпоху модернизации в рамках проблемы Россия — Запад — Восток и затрагивает вопросы национальной и культурной идентичности, сохранения и укрепления самобытности при одновременном заимствовании иностранного опыта.

Проведенный анализ теоретико-методологических подходов к сущности процессов модернизации применительно к культурологическому феномену национального театра, позволяет нам дать ей такое определение: «Процесс модернизации представляет собою коренное изменение общественных отношений, означающее институциональную перестройку социума и оказывающее воздействие на все стороны духовной и материальной жизни влекущее фундаментальное изменение логики его развития». Модернизацию можно охарактеризовать как процесс, посредством которого традиционные, общества трансформируются в современные, индустриальные и постиндустриальные. Термин модернизация, таким образом, описывает множество одновременных изменений на различных уровнях, в том числе в жизни национального театра, т. к. модернизация сопровождается расширяющейся дифференциацией экономической, организационной, политической, творческой сфер его развития.

Список литературы:

1. Алексеев В. В., Алексеева Е. В. Распад СССР в контексте теории модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5. С. 5—7.
2. Ахиезер А. С. Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 13—16.
3. Васильев Н. Г. Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 8—12.
4. Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социс. 1998. № 8. С. 11—15.
5. Eisenstadt S. N. Introduction: Historical Traditions, Modernization and Development // Patterns of Modernity. Vol. 1. L., 1987. P 8—12.
6. Vago S. Social Change. Prentice-Hall, 1989. — 234 p.
7. Therborn G. European Modernity and Beyond: The Trajectory of European Societies, 1945—2000. L. — New Delhi, 1995. P. 4—8.
8. Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. N.Y. — L., 1965. — p. 312.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

Чухина Наталья Валерьевна
КНИТУ (КХТИ), г. Казань

Салагаев Александр Леонидович
КНИТУ (КХТИ), г. Казань
E-mail: natzerkalo@mail.ru

Старость является заключительным периодом в развитии любого организма, для человека это генетически заданное обретение определенного личного социального статуса. Человек, достигший пожилого возраста, сталкивается с трудностями взаимодействия в обществе, защите своих прав и т.п. К ним относятся такие, как преобладание негативных стереотипов о старости, а также о пожилых людях, недостаточное пенсионное обеспечение жизнедеятельности пожилых людей, трудности в труде и занятости пожилых людей и т.п. В данной статье мы рассмотрим вышеперечисленные проблемы.

Стереотипность суждений общественности по отношению к пожилым людям.

При упоминании о «пожилых людях», «стариках», «престарелых», «ветеранах» зачастую возникают негативные эмоции. Эти стереотипы поддерживаются культурной традицией, усиливаются средствами массовой информации и социальным окружением. В научных статьях перечисляется множество заболеваний, свойственных позднему возрасту, от атеросклероза до старческого слабоумия. Вот, например, как описывается состояние одинокого пожилого человека: «Жизнь в одиночестве осложняет решение разнообразных жизненных проблем, и без того усложненных в связи со снижением психофизических возможностей человека и ухудшением его материального благополучия» [3, С. 81]. Чтение подобной литературы не может не породить стойкие негативные стереотипы позднего возраста.

В настоящее время предпринимаются некоторые шаги к решению данной проблемы (организация конкурса «Портрет пожилого человека», проводятся социальные акции). Однако нужно начать с изменения понятия «пожилой», синонимичное с такими словами как «дряхлый», «беспомощный», «ненужный», приравнять данный возраст к таким понятию «золотой возраст».

Программа пенсионного обеспечение пожилого населения.

В последние годы выплата государственных пенсий становится одной из главных проблем в России. Их уровень будет снижаться, а Пенсионный фонд к настоящему времени испытывает дефицит.

Ежемесячные выплаты пенсии по Республики Татарстан составляют 10 миллиардов рублей, пенсия варьируется от 5 157 руб. до 20 000 руб. (средняя пенсия по Республике Татарстан составляет 9 200 руб.), что в современных условиях не сопоставимо с полноценной жизнедеятельностью граждан, вышедших на отдых по старости.

В 2010 году состоялось совещание Президиума правительства Российской Федерации, где рассматривалось состояние граждан пожилого возраста. На мероприятии было рассмотрено, что в России на 128 работающих приходится 100 пенсионеров, и дисбаланс будет только увеличиваться. На каждого пенсионера будет приходиться лишь по одному работающему. По прогнозам к 2030г. если не менять правила выхода на пенсию, соотношение работающих и пенсионеров упадет примерно до соотношения 1:1, хотя гармоничным соотношением является 4:1 [2].

Пенсионным фондом предпринимаются меры по улучшению материального положения граждан, разрабатывается нормативно-правовая база для оптимизации пенсионного обеспечения. В настоящее время только началась реализация пенсионной реформы. С 1 апреля 2012 года размер трудовых и социальных пенсий претерпел изменение в сторону индексации и увеличения. В настоящее время трудовые пенсии «37 млн. российских пенсионеров выросли на 3,41 процента; социальные пенсии почти 3 млн. российских пенсионеров — на 14,1 процентов [1]».

Труд и занятость населения пенсионного возраста.

Достижение пенсионного возраста для большинства пожилых людей сопровождается страхом потери работы, уменьшением коммуникации, потерей значимости и занятости. Последнее десятилетие прослеживается две основные тенденции, во-первых, отрицание, социумом работающих пенсионеров, считая, что пенсионеры — это пережитки общества, которые занимают рабочие места, мешая молодому поколению устроиться в жизни. Другая же тенденция обратная предыдущей, так как определяет механизм увеличения размера пенсии в результате продолжения трудовой активности по достижению пенсионного возраста. В Республике Татарстан насчитывается 32,8 % работающих пенсионеров (343, тысячи человек) [2], однако отсутствует учет тех, кто желает продолжать трудовую активность, хотя и не могут реализовать желание по определенным причинам (увольнение в связи с

достижением пенсионного возраста, ограниченный круг вакансий для пожилых людей).

Правительство России вносит предложения по увеличению трудоспособного населения пожилого возраста, однако в законодательстве Российской Федерации прослеживается тенденция лабильности социального положения граждан пожилого возраста. Данные документы не препятствуют трудовой активности пожилых, однако они ограничивают возможность в реализации своего трудоспособного потенциала, рассмотрим некоторые из них.

Закон не устанавливает максимального возраста трудоспособности, но имеется лишь ряд ограничений некоторым категориям работников (госслужащих, руководителей вузов и др.), которые касаются права занятия определенной должности, но не лишения права на труд в целом.

В соответствии со ст. 59 ТК РФ с пенсионерами по возрасту заключается трудовой договор на определенный срок до 5 лет. Между тем согласно ст. 58 ТК РФ срочный трудовой договор заключается в случаях, когда трудовые отношения не могут быть установлены на определенный срок с учетом характера предстоящей работы или условий ее выполнения.

Трудности возникают не только в законодательстве, но и в самом трудоустройстве, ведь согласно Федеральному закону «О занятости населения в Российской Федерации» эта категория граждан не может быть признана безработной, т.е. в отличие, например, от инвалидов, имеющих к тому же трудовую рекомендацию, лица пожилого возраста не могут быть зарегистрированы в качестве безработных в органах службы занятости.

Необходимость и целесообразность использования труда лиц пожилого возраста не только не подкрепляется правовой базой, а наоборот, вступает в противоречие с законодательством. Такая несогласованность политики и закона в области занятости лиц пожилого возраста отрицательно сказывается на обеспечении реализации их трудовых прав.

Профессиональная подготовка и переподготовка населения пожилого возраста.

В европейских странах большинство вышедших на пенсию граждан начинают заниматься своим самообразованием. Сменяя свой привычный образ жизни, начинают получать профессиональные навыки и заниматься вопросам семейного благополучия своих родственников и оздоровлением общества. Профессиональная переподготовка предоставляет возможность

пожилым людям самореализовываться, контактировать с неограниченным числом людей, а также расширять свой кругозор.

В России ситуация иная, чем в Европе. В настоящее время отсутствует законодательство в сфере образования стареющего поколения. У пенсионера отсутствует возможность зарегистрироваться на бирже труда, а тем самым отсутствует возможность получения государственной переподготовки.

В настоящее время образовательные технологии для пожилых ведутся в рамках социального проекта «Университет третьего возраста» (реализуется в г. Казани с 2007 года), неоднократно подтверждая свою необходимость и значимость в обществе.

Однако университет третьего возраста охватывает лишь не большое количество пенсионеров. Обусловлено это тем, что в настоящее время отсутствует устойчивое гражданское общество, приоритеты которого находятся в активной как жизненно, так и гражданской позиции. Поэтому из целевой аудитории университета исключаются лица с пассивной жизненной позицией, а также пожилые, жертвующие себя во благо своим родственникам и иной деятельности.

Таким образом, в Республике Татарстан выявляется ряд проблем, которые сосредотачиваются следующим образом:

- стереотипность общественного мнения — в обществе бытует негативное отношение к пожилым людям, ассоциирующееся в «ненужностью», однако резкий прирост пожилого населения требует изменения данной тенденции общества, с целью недопущения роста межпоколенных конфликтов;
- программа пенсионного обеспечения пожилого населения — государство с каждым днем предупреждает о том, что каждый из нас должен сам заботиться о собственном будущем выстраивать проактивную жизненную позицию, предлагая нам поучаствовать в государственной программе «удваивания пенсии», однако настоящим пенсионерами находятся в нише «риска», данное положение можно обозначить как реактивное, основанное на надежде на внешние ресурсы, государство;
- труд и занятость населения пенсионного возраста, которые не подкрепляется правовой базой, вступает в противоречие с законодательством. Правительство Российской Федерации выражает лояльность трудоспособности пенсионеров, однако отсутствуют основания для реализации данного направления. Остро требуется провести оптимизацию правовой баз страны по отношению к пожилому возрасту, а также трудоспособности возраста.

- образование, профессиональная переподготовка населения пожилого возраста не сориентированы на пожилое население, в настоящее время образование пожилые могут получить лишь через университет третьего возраста, который охватывает малое количество пенсионеров.

Таким образом, проблем связанных со старением, пожилым население большое количество, они взаимосвязаны. Вышеприведенные проблемы ярко выражены в данном регионе России, однако список трудностей может быть расширен исходя из специфики проживания пожилого населения.

Список литературы:

1. Новости// [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.pfrf.ru/>
2. Отчет «О результатах деятельности органов Пенсионного фонда Российской Федерации по Республике Татарстан в 2011 году и задачах по повышению эффективности функционирования системы Пенсионного фонда РФ по РТ на 2012 год»//[электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://prav.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/121402.htm>
3. Психология среднего возраста, старения, смерти / Под ред. Реана А. А. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. С. 276—277.

2.4. СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ВЛИЯНИЕ ТУРИЗМА НА МЕЖДУНАРОДНУЮ СОЦИАЛЬНУЮ ИНТЕГРАЦИЮ

Петрова Елена Владимировна

*канд. социол. наук, доц. ЦИУ и ЭТБ — филиал РМАТ, г. Сергиев Посад
E-mail: itbrmat@mail.ru*

Туризм выполняет интегративную социокультурную роль, способствуя ознакомлению людей с культурой различных стран.

Взаимодействие культур, их диалог — наиболее благоприятная основа для развития межэтнических, межнациональных отношений. И наоборот, когда в обществе есть межэтническое напряжение и тем более, межэтнические конфликты, то диалог между культурами затруднен, взаимодействие культур может носить ограниченный характер в поле межэтнической напряженности данных народов, носителей данных культур [1]. Таким образом, диалог культур может выступать как примиряющий фактор, предупреждающий возникновение войн и конфликтов. Он может снимать напряженность, создавать обстановку доверия и взаимного уважения. Кроме того, обмен духовными ценностями, знакомство с достижениями культуры других народов обогащает личность, взаимодействие культур, происходит в процессе межличностного общения. При этом субъекты культур, воспринимая содержание иной культуры, с одной стороны обогащают содержание национальной культуры, а с другой стороны, объединяются на основе содержания общезначимых культурных ценностей. В процессе межличностного общения происходит расширение спектра доступных источников информации об иной культуре, что позволяет преодолевать существующие негативные стереотипы и предубеждения и способствовать взаимообогащению духовного облика людей.

Ценности иной культуры воспринимаются на основе получения новой информации и сопоставления ее с прежним социокультурным опытом. Процессы взаимодействия собственного культурного потенциала с новыми элементами культуры происходят не только на рациональном уровне, но также и на эмоциональном. Чувства

способствуют или препятствуют эффективному восприятию иной культуры, освоению ее ценностей или их отторжению. Восприятие иной культуры осуществляется посредством сравнения основных элементов собственной национальной культуры с аналогичными элементами в презентуемой культуре, поскольку, как известно, сравнение является основой всякого понимания и всякого мышления. Чужая культура усваивается только в процессе какой-либо деятельности практической, учебной или иной.

Конец XX и начало нынешнего века характеризуются все более сильным проявлением влияния глобализации, которое коснулось всех сфер жизни общества, в том числе и социокультурных аспектов. Как отмечают культурологи [2, с. 3,14], этим вызвано возникновение целого ряда сравнительно новых тенденций в процессе развития культуры:

- увеличение скорости и масштабов социокультурных изменений в целом;
- доминирование интегративных тенденций в культуре на фоне обострения тенденций ее дифференциации и диверсификации в различных социальных системах;
- повышение интенсивности культурных взаимодействий в информационном обществе;
- наступление западной культуры, зачастую в весьма агрессивных формах (культурная экспансия, вестернизация);
- рост масштабов культурной индустрии в связи с появлением ТНК в сфере производства культурных товаров и услуг;
- усиление влияния глобализации на ценностно-нормативные основы национальных культур в процессе модернизации обществ;
- глобализация символов и универсалий культуры, особенно массовой;
- обострение потребности культурной идентификации в этих условиях;
- расширение влияния английского языка в современных средствах коммуникации и общения.

Несомненно, сближению культур способствует такой фактор, как массовый международный туризм. В ходе различных туров на конкретных примерах можно познакомиться как с уровнем развития определенных исторических эпох и цивилизаций, со степенью совершенствования различных сфер человеческой жизни и деятельности.

Следует обратить внимание также на то обстоятельство, что путешествия оказывали влияние на формирование религиозного (идеологического), а в более широком смысле и культурного общегосударственного пространства. Религиозный и паломнический туризм в рам-

ках любых религий вел к формированию духовных пространств, создавая определенный конфессиональный ментальный универсум. Более 90 % объектов туристского интереса, так или иначе, связаны с культом или религией, имеющими место в настоящее время или уже утратившими свое значение. Эти культурно-исторические ценности, входя составной частью (или будучи основой) в программу тех или иных туров, формируют определенное культурное, историческое, религиозное и др. пространство.

Таким образом, благодаря туризму в сегодняшнем мире уже в планетарном масштабе становится возможной эскалация межкультурной коммуникации и усиление процессов интеграции.

Этому способствует социокультурный сервис туризма, который в определенной степени предстает новый социальный институт, включающий собственные социокультурные функции [3, с. 10—11.]:

- социальное конструирование, освоение и расширение социокультурного пространства инвайронмента как среды обитания;
- ценностное освоение времени и пространства культуры;
- осуществление социально-экологических тенденций взаимодействия мировых и региональных потоков культуры;
- реализация социальной мобильности и устойчивого мирового развития;
- удовлетворение эстетических, интеллектуальных и экзистенциальных потребностей личности;
- создание социально-экономических многоотраслевых комплексов в качестве туристской и сервисной индустрии (эта функция связана всего лишь с одним, хотя и важным, компонентом системы нового социального института, включающим инвестиционный и предпринимательский аспекты, предполагающим создание рабочих мест по организации гостиничного и туристского сервиса).

В настоящее время глобальные инфраструктуры генерируют огромные возможности для диффузии культурных потоков, повышая их интенсивность и плотность. Это способствует активизации процессов унификации и интеграции, когда «повсюду одно и то же», разветвлению стандартного образа жизни. Его элементы объединяются в некую целостность — интегрируются на основе своей близости, сходства культурных знаков, символов, норм, их стереотипизации.

Мощным средством унификации и интеграции является массовая культура, стирающая этнокультурное своеобразие, формирующая глобального потребителя культурного «fast food'a». Мы разделяем мнение Снеговой О. А. о том, что «... информационное общество сделало массового человека доминирующим социальным типом, ибо его созна-

ние сформировано глобальными технологиями манипуляции ценностями и потребностями человека. Массовый унифицированный человек теряет культурную индивидуальность» [2, с. 15].

Характер изменений туризма, в том числе и в культурном аспекте, определяется условиями глобализации, и его роль в современном мире все более проявляется в том, что туризм выступает одним из наиболее эффективных способов расширения взаимодействия представителей разных культур, практическим методом выработки принципов сотрудничества на международном уровне, каналом распространения культурно-образовательных моделей, ориентированных на открытость и мобильность.

В условиях глобализации у туризма в его социокультурном измерении появляются новые функции: он рассматривается уже и как важный механизм управления межкультурным диалогом народов в глобализирующемся и как способ реализации принципов социального партнерства на уровне различных субъектов взаимодействия.

Подводя итог, можно констатировать, что туризм самым тесным образом связан с культурным развитием общества, ценностными приоритетами и ориентирами социума. Духовная жизнь современного общества не имеет единого начала, и поиск ее идеалов также сведен к личностным экспериментам при максимальных возможностях экспериментирования с различными социальными ролями, пространственными перемещениями в поисках самоидентификации.

Список литературы:

1. Кокшаров Н. В. Взаимодействие культур: диалог культур. Электронный ресурс. — Режим доступа: http://www.portalus.ru/modules/philosophy/readme.php?subaction=showfull&id=1108501879&archive=0211&start_from=&ucat=1 (дата обращения: 13.03.2012)
2. Снеговая О. А. Глобализация как социокультурный процесс: Автореф. диссер. ... канд. филос. наук. — Ростов-на-Дону, 2007. — 24 с.
3. Ярская В. Социокультурные проблемы среды обитания // Человеческие ресурсы. — 1998. — № 4. — С. 10 —12.

СЕКЦИЯ 3. ФИЛОСОФИЯ

3.1. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ: ИДЕИ И ИДЕАЛЫ МУСУЛЬМАНСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ 19 В.

Бигнова Марина Ринатовна

*УФ МГГУ им. Шолохова М. А., ст. преподаватель кафедры ФСГО,
г. Уфа*

E-mail: ikcufa@mail.ru

В дореволюционной России конфессиональное образование развивалось крайне неравномерно, поскольку привилегированное положение Русской Православной церкви как государственного вероисповедания в значительной мере сдерживало рост и развитие религиозных учебных заведений других конфессий. Фактически, свободное развитие инославных школ было возможно только в рамках национальных регионов, где большинство коренного населения принадлежало к иноверцам. Башкортостан представлял собой уникальную территорию, где мусульманское и православное образование развивались практически параллельно.

Проникновение ислама на территорию Башкортостана сопровождалось распространением, как и везде, религиозной школы и ее атрибутов — письменности на основе арабской графики, книжной образованности. Школы, учреждаемые при мечетях, получали всеобщую поддержку населения. Сохранились свидетельства распространения в крае исламской образованности еще в 9—13 вв. — некоторые шежере упоминают о башкирах и татарах, обучавшихся в г.Булгаре и других городах болгарского ханства [13; 14]. Важнейшим фактором распространения образовательных учреждений в мусульманской среде является то значение, которое придается знанию в мусульманской религии. Востоковед Роузенталь Ф. пишет: «В исламе концепция знания приобрела значительность, которой нет равных в других цивилизациях... В глазах

Аллаха ценность знания столь велика, что первое открытое Им словом Священного Корана Пророку Мухаммаду было «Читай!» [11; 17].

Благоприятные условия приводят к быстрому росту числа мусульманских учебных заведений. Государственное признание ислама, широкое строительство мечетей, рост спроса на кадры священнослужителей, подъем религиозного самосознания мусульман привели к открытию новых учебных заведений и упорядочению системы образования к нач. 18 в. В этот период существовало два типа мусульманских духовных учебных заведений — мектеб и медресе.

Мектеб — мусульманская начальная школа. В мектебах обучали грамоте на основе арабской графики. Программа включала обучение чтению, счету, письму, заучивание наиболее употребляемых молитв, чтение Корана (обычно по кн. «Афтияк»), религиозно-надзидательных произведений. Конечная цель мектеба, указывало совещание высшего мусульманского духовенства при духовном собрании, «научить мусульманских детей чтению и письму, познакомить и с установками ислама, воспитатель их в доброй нравственности и указать им. Путь к достижению благополучия земного и небесного и тем содействовать миру и покою государства» [13; 65].

Медресе — среднее (или высшее) учебное заведение для подготовки мусульманских священнослужителей. Традиционная учебная программа включала мусульманское право (фикх), догматику (калям), коранические дисциплины, хадисоведение, арабский язык, логику (мантык) иногда дополнительно могли изучаться арифметика, медицина, астрономия, риторика.

Мектебы и медресе представляли собой типичные школы ислама, копировавшие учебные заведения мусульманского Востока, нейтральные в национальном плане. «Еще 25 лет назад входя в мектеб или медресе в Алжире, Константинополе или Бруссе, я чувствовал себя как бы перенесенным в Приволжские местности: до такой степени общая картина была тождественна» [1; 228], — отмечал Бобровников Н. А.

Собственно просветительские функции выполнялись этими учебными заведениями недостаточно эффективно. Грамотных среди мусульман было немало, но обучение непосредственно грамоте не было основной целью таких учебных заведений. Приоритетным считалось религиозное, духовно-нравственное воспитание молодых поколений. Прогрессирующее отставание традиционных школ вызывало тревогу и протест передовых мыслителей Урало-Поволжья. Еще на рубеже XVIII — XIX вв. за оптимизацию системы просвещения, всей мусульманской культуры выступил татарский философ Габденнасыр Курсави. В это же время критике средневековых медресе посвятил одну из своих поэм известный поэт Габдрахим Усман (Утыз-Имани). В ней он отрицает схоластику, господствовавшую в сфере обучения.

В 50—60-е годы XIX и татарские ученые Шигабутдин Марджани и Хусаин Фаизханов предприняли первые практические шаги по осуществлению реформы медресе.

Образование превращается в арену столкновений между правительством, поддерживающими его фундаменталистами и прогрессистами, стремившимися к созданию новых форм культурной жизни. Два направления в образовании получили наименования кадимизма и джадидизма. Основной задачей кадимистского направления была подготовка богословов, знатоков мусульманского права и религиозных руководителей мусульманских общин.

Формальные ступени образования в кадимистском медресе не были установлены. Показателем продвижения в учении являлись изучаемые книги, так как учебный курс такого типа медресе состоял из набора строго чередующихся друг за другом общепринятых книг, написанных еще в XI —XVI вв. Основу программы медресе составляло богословие. Инспектор татарских, башкирских и киргизских школ Казанского учебного округа Радлов В. В. писал (1872 г.): «Умственное развитие шакирдов довольно значительно и, несмотря на всю односторонность их знаний, шакирды стоят умственно гораздо выше наших учителей приходских городских школ» [5].

Но в целом, уровень преподавания в различных медресе был очень разным, он зависел от наличия учителей и учебников, финансирования, уровня подготовки преподавателей и т.д. Однако главной проблемой оставался схоластический, отвлеченный характер образования. Общеобразовательных предметов было немного, причем они частенько носили вспомогательный характер и должны были служить для лучшего понимания и усвоения исламского вероучения. Арабский язык в медресе изучался как язык Корана и богослужения, логика и философия — для обоснования религиозного учения формально-логическими доводами. Сравнивая результаты обучения в русских и национальных школах, Атласи Х. отмечает: «Дети, воспитывающиеся в русских школах, выходят из них с полным знанием своей религии и ... способные жить самостоятельно» а в татарских учебных заведениях «ввиду их несоответствия требованиям жизни и времени, кроме некоторых знаний по религиозным вопросам, для жизни не дается ничего» [8; 72].

Между тем, социально-экономические процессы в Российской империи 19 в., требовали от башкир и татар знаний и умений преимущественно светского характера. Подъем национального самосознания и все возрастающая экономическая активность тюркских народов ставили перед образованием задачи, далекие от богословских проблем. Создание же параллельной системы светского образования для нерусских народов прямо запрещалось как правительством

Российской империи, так и было неприменимо для мусульманского общества. Образование нерусских народов в соответствии с правилами «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» ограничивалось начальной школой [12], подготовка национальной интеллигенции не предусматривалась. Единственным путем повышения интеллектуального и культурного развития нерусского населения должна была стать русификация и крещение. С другой стороны, Гаспринский так охарактеризовал современного ему мусульманина: «Все не свое его не интересует, все, что не входит в круг его знаний, привычек и верований, — ему чуждо и не нужно. Для всех случаев жизни, для всех вопросов ума и сердца он не нуждается в помощи опыта, критики и науки: все это заменяет вечный Коран с вечнонеизменными ответами и указаниями на все вопросы жизни и смерти...» [3]. Образование вне ислама в тюркском обществе 19 в. было немыслимо.

Единственным путем оставалось реформирование мусульманской системы образования изнутри, расширение программ уже существующих и новых мектебов и медресе, введение новых светских предметов и создание практикоориентированных образовательных курсов. Именно эти действия предпринимают мусульманские просветители 19 в., ставшие идейными вдохновителями и практиками джадидизма. К 80-м гг. 19 в. джадидизм оформился в мощное общественно-политическое движение.

Идеологами джадидизма были просветители и мусульманское духовенство — Акмулла М., Уметбаев М., Фахретдинов Р., Расулев З., Гаспринский И., Марджани Ш., Баруди Г., Камалетдинов З. и др.

Целью джадидистов выступало не столько реформирование системы образования, сколько создание инструмента постепенных социально-культурных изменений татарского и башкирского обществ. В образовании они видели тот рычаг, который сможет открыть для «малых» народов путь к социально-экономическому процветанию, культурному росту и активному участию в политической жизни Российской империи. Гаспринский считал, что главные враги социально-культурного объединения мусульман и русских невежество и социальное неравенство. Он пишет: «Есть нечто посильнее и постарее его, которое мешает и портит тут дело, как и везде, — это невежество, борьба с которым до сих пор не организована как следует... Какое дело мусульманину до новых и старых судов и гласности? Какое ему дело до русской науки и печати с ее вопросами и интересами, когда он не подозревает существование первой и не ведает речи и стремлений последней?...» [3].

С этой целью джадидисты стремились расширить круг преподаваемых в медресе предметов, в него включались иностранные языки, география, высшая математика, история и другие дисциплины, не

связанные непосредственно с богословием, но имевшие важное просветительское значение.

Одним из важнейших вопросов была проблема легитимности светского знания. Высоко оценивая научное знание, Марджани считал его не противоречащим религиозному, а сосуществующим наряду с ним. Он пытался решить проблему соотношения веры и знания не за счет дискредитации знания, как делало большинство религиозных учения и мударрисов того времени, а, пытаясь установить между верой и знанием своего рода мирное сосуществование. Марджани доказывает необходимость пропаганды научного знания и овладение им татарским населением: «Для будущности нашего народа, обеспечения ему возможности управления собственными делами и избавления его от вечного гнета на арене жизни мы нуждаемся в европейских знаниях, просвещении, культуре и промышленности. Весьма полезна для нас учеба в европейских школах. Учение и просвещение можно брать везде, где оно есть. Знание и просвещение не знают ни национальных, ни языковых границ» [4].

Ризаэтдин бен Фахретдин полагал, что шариат и современные науки не противоречат друг другу, а наоборот взаимодополняют друг друга: «Не существует противоречия между шариатом и естествознанием. Шариат и естествознание — это две бегущие лошади, запряженные вместе в повозку под названием истина... Люди, которые думают, что между шариатом и естествознанием есть противоречия и по этой причине запрещают изучать законы естествознания, делают это из-за плохого знания ислама или же потому, что сами даже не осознают своего невежества и незнания» [14; 101]. Он порицает тех мусульман, которые, прикрываясь законами религии, запрещают получать современные светские знания: «Исламская религия не против науки и ремесел, а является наукой, двигающей вперед науки и ремесла... Выступать же против наук и ремесел от имени религии есть не что иное, как извлекать для себя пользу ввиду темноты народа и из-за того, что народ плохо знает основы религии» [2; 116].

Кроме того, изменения вносились и в существующие дисциплины. Так, в своем труде по истории философии Марджани прослеживает преемственную связь от знания античного мира и средневековья к знанию Нового времени. В духовной жизни различных народов, в движении человеческого разума ученому видится историко-культурная целостность. Каждое поколение заимствует у предыдущего все лучшее, преломляя заимствованное в знании своего времени, руководствуясь принципом целесообразности и необходимости.

Основополагающий принцип Просвещения, понимание Марджани историко-культурного процесса как развития разума личности, преломился и в «Мукаддима» и энциклопедии, в которых историко-

культурные традиции Запада «наложились» на традиции Востока, образуя своеобразную целостность и единство. Он считает, что все народы наделены одинаковыми способностями для изучения наук, искусств и эти способности заложены в них от природы; «тяга к наукам и искусствам, — полагает он, — присуща человеческой природе еще со времени возникновения цивилизации» [7; 28—29].

Изучения русского языка и русской культуры как источника идей и культурного влияния считал необходимым и обязательным условием становления самосознания тюркских народов Уметбаев М.: «Главная цель воспитания и обучения заключается в формировании сильной духовной личности, патриота и гражданина, которому чужда национальная ограниченность и односторонность. Россия олицетворяет для него (башкирского народа — авт.) силу, способность вести башкирский народ по пути прогресса» [10; 34].

Другой стороной лингвистического вопроса было стремление просветителей к обучению детей на родном языке. Уметбаев, Фахретдинов, Гаспринский считали, что обучение на тюркских языках позволит как детям, так и взрослым менее политизировано и националистически воспринимать чуждую русскую и европейскую культуру. Уметбаев писал: «Поэтому можно судить, что, почитавши на своем языке, мусульмане узнают безвредность европейских наук, и русских учителей не будут называть агентами какого-то общества и, наконец, муллы в этих науках найдут науки, виденные ими в арабском и персидском языках, но только в старом методе» [8; 47].

Практическую значимость образования высоко ценили и утверждали все просветители. Баруди Г. писал: «...пусть знания будут хоть религиозные, хоть светские, хоть политические, все они потребны для действия. Знания, не приводящие к практике, ущербны, вызывают сожаления... Игнорирование ориентации на практику в приобретении знаний... не соответствует основам Ислама» [9; 56]. Медресе Мухамадия, где Баруди осуществлял свою педагогическую доктрину, отличалось продуманностью программы и ее практикоориентированностью.

Тем не менее, несмотря на широкое распространение, идеи джадидизма не стали тем форпостом преобразования тюркского социума, на который они были нацелены. Вмешательство как политических факторов (активное противодействие царского правительства и революции 1905—1917 гг.), экономические (отсутствие финансирования), так и внутренние причины привели к отсутствию социальнозначимых результатов. Во-первых, труды большинства просветителей оставались исключительно теоретическими, но даже реформаторская деятельность Марджани Ш., Фахретдинова Р., Гаспринского И. и Баруди Г. протекали изолированно друг от друга. Каждое новометодное медресе формировало свою программу и идейные принципы работы.

Педагогическое сообщество оставалось так и не пришло к идее всеобщности образовательных идеалов и формирования единого образовательного пространства. Во-вторых, выдвинутые просветителями тезисы оставались передовыми идеями не востребованными обществом в целом. С одной стороны муфтии и муллы кадимистского толка не стремились к реформам, с другой сами новометодные медресе подвергались атакам со стороны учащихся требовавших дальнейшей радикализации образовательных процессов. Как отмечал Дж. Валиди: «Учащиеся, которые от сердца радовались и рассчитывали на большие результаты, когда в медресе было введено несколько светских предметов, начали критически смотреть на многие порядки медресе и даже враждебно относиться ко всей системе этих школ» [6; 83].

Новометодные медресе с попытками вести светские науки в учебные заведения оказались в промежуточном положении: утрачивая свою роль конфессиональных школ, они не становились от этого светскими учебными заведениями, поскольку преподавали в них все те же выпускники медресе, сами не имевшие навыка светского обучения. Поступившие в них ученики стремились найти выход в светские профессии, а основной целью обучения оставалось стремление получить хорошо образованных богословов. Хорошей иллюстрацией такому несоответствию может служить, отмеченный Зией Камали факт, что за 10 лет работы медресе «Галия» из 950 выпускников муллами стали 38 человек. Большинство же остальных выбрали светские профессии, в том числе учительскую [9; 72].

Тем не менее, в конце 19-начале 20 вв. большинство медресе становятся новометодными [9; 63]. Оренбургское духовное собрание мусульман так же поддерживало идею преподавания в медресе светских наук. Основными целями мектеба были признаны: обучение мусульманских детей чтению и письму, знакомство их с установлениями ислама, воспитание в них высокой нравственности и указать им пути к достижению земного и небесного благополучия и тем самым содействовать миру и спокойствию государства». Основной целью медресе считалась: «подготовка муэдзинов, имамов, хатибов, факихов, улемов, мударрисов, казиев и муфтиев, знакомых с требованиями времени, так и с науками веры и жизни, чтобы иметь возможность указывать пути и другим» [13; 67].

Идеи и решения в образовании, предложенные джадидистскими просветителями, переживают второе рождение в настоящее время. Но, если в 19 в. важнейшей проблемой выступало введение светского знания в культуру тюркских народов, то сегодня труды джадидистов становятся идейной основой возрождения религиозного образования и воспитательной практики светских педагогических концепций.

Список литературы:

1. Бобровников Н. А. Русско-туземные училища, мектебы и медресе в Средней Азии//Журнал Министерства народного просвещения. — 1913. — № 6. — с. 225 —229.
2. Вильданов А. Х., Кунафин Г. С. Башкирские просветители-демократы 19 века. — М., Наука, 1981. — 186 с.
3. Гаспринский И. «Русское мусульманство: Мысли, заметки и наблюдения»// Гаспринский И. [электронный ресурс] — Режим доступа. URL — <http://www.bigyalta.com.ua/story/10117> (дата обращения: 14.03.2012).
4. Зарипов И. Исламские богословы и татарские общественные деятели о Марджани Ш.// российский исламский университет. Статьи преподавателей [электронный ресурс] — Режим доступа. URL — <http://www.islam-portal.ru/articles/74/393/> (дата обращения: 14.03.2012)
5. Исаков Д. Джадидизм. //Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Глава 9. Джадидизм. [электронный ресурс] — Режим доступа. URL — <http://www.tataroved.ru/publication/jad/2/g9/> (дата обращения: 14.03.2012).
6. Кульшарипов М. М., Юлдашбаев А. М. Заки Валиди как политик и ученый-востоковед. — Уфа, Гилем, 2010. — 218 с.
7. Марджани Ш. Мукаддима. — Казань, 1883. — 124 с.
8. Мухаметшин Р. Джадидизм в Среднем Поволжье: распространение и формы проявления. //Мусульманское образование в Татарстане. Сб. ст. — Казань, КГУ, 2004. — с. 45 —51.
9. Мухаметшин Р. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX в. — Казань, Тат. книж. изд-во, 2005. — 246 с.
10. Рахматуллина З. Я. Башкирский национальный дух. — Уфа, изд-во БашГУ, 2002. — 152 с.
11. Роузенталь Ф. Ислам и образование. — М., Диля, 2005 — 237 с.
12. Санжениаков И. М. Система Ильминского Н. И. — основа инородческого образования в России второй половины XIX века/ Письма в Эмиссия.Оффлайн. Апрель-май, 2008. [электронный ресурс] — Режим доступа. URL — [/http://www.emissia.org/offline/2008/1247.htm](http://www.emissia.org/offline/2008/1247.htm) (дата обращения: 14.03.2012)
13. Фархшатов М. Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период 60-90е гг. XX в. — М., Наука, 1994. — 234 с.
14. Фахретдин Р. Джавамигуль калям шархи. — Казань, Медина, 2002. — 172 с.

К ВОПРОСУ О ЦЕННОСТНОМ СОДЕРЖАНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

Киселева Надежда Анатольевна

канд. филос. наук, доцент ЗабГУ, г. Чита

E-mail: kiseleva-chita@mail.ru

Процесс социального развития общества актуализируется, воспринимается и понимается, прежде всего, через призму исторической реальности, исторического процесса. Причем исторический процесс мы можем определить как социально обусловленный, поскольку в основе его лежит деятельность человека, которая так или иначе находит свою оценку либо в настоящем, либо в будущем, а, следовательно, данный процесс можно определить и как ценностно нагруженный. Весь исторический процесс как отражение процесса социального развития соткан из множества событий — исторических событий, многие из которых представляют собой ценность для общества, точнее общество определяет их таковыми. Следовательно, исторические события стоит рассматривать с позиции аксиологического подхода.

Проблема ценностного содержания истории и исторических событий в том числе, стала предметом изучения философов еще в XIX веке. Работы Ницше Ф., Виндельбанда В., Риккерта Г., Вебера М. послужили началом ценностной интерпретации истории. Для неокантианцев было характерным понимание исторического события как относящегося к определенным ценностям. К примеру, Риккерт соединял в своих работах логику исторического познания с философским учением о ценностях. Принципы отбора исторических объектов и выделения исторических событий он объясняет в соответствии с видимой в них исследователем ценностью [4, с. 59]. Подобной же точки зрения придерживается отечественный исследователь Ракилов А. И., считающий, что отбор и выделение каких-либо фактов истории по ценностному признаку, зависит только от исследователя. В общем же для философско-аксиологического анализа характерно определение, практической значимости процесса познания фактов истории, выявление конкретной значительности объектов такого познания, признание воспитательного воздействия на ученых.

Рассматривая историю не только как реальный процесс, но и как науку о прошлом, мы можем утверждать, что она является еще и сохранением того, что имеет актуальный культурный смысл. Что значит сохранение? Сохранение — это передача из поколения в поколение знаний о тех событиях, которые имели ценность для предков и по традиции имеют определенную ценность и для нас. То есть, так или

иначе, историческое сознание или представления об истории мировой и, особенно национальной, формируются, по словам Флиера А. Я., «на сумме авторизированных рассказов о прошлом» [5, с. 21]. И действительно, в нашей отечественной истории есть яркие и крупные события, на основе которых и строится наше восприятие русской истории — походы Святослава, принятие христианства, Невская битва, Куликовская битва, поход Минина и Пожарского, реформы Петра I, Отечественная война 1812 года, Великая Отечественная война и многие другие.

Такие исторические события мы можем определить как культурно-значимые события. То есть, это те события, которые имеют определяющее значение для формирования национальной культуры, культурной самоидентификации личности, роста национального самосознания. Можно отметить, что данные события несут в себе воспитательную функцию. Примером такого события можно считать, например, Куликовскую битву. Мы помним об этом событии и передаем знание о нем не только по причине того, что оно явилось переломным моментом в борьбе русского народа против татаро-монгольского ига, а еще и потому, что оно помогает подтверждать мнение о силе русского народа, его самоотверженности, исключительности. Хотя, с другой стороны, если бы летописец в своем сочинении не уделил столько внимания этому событию, то, возможно, и мы не предавали бы ему такого ключевого значения для русской истории. Однако это уже вопрос, касающийся достоверности исторических источников и фактов, а это не входит в задачи нашего исследования. Так или иначе, исторические сочинения появляются тогда, когда в этом есть необходимость. Хотя большей части населения нашей страны безразлично, какие причины вызвали к жизни то или иное сочинение, намного важнее то, что события, описанные в них, давно стали яркими страницами нашей отечественной истории.

Такие культурно-значимые события мы можем определить и как актуально-востребованные.

Само понимание актуальности подвижно: то, что актуально сейчас, не являлось актуальным ранее, и, возможно, не будет являться таковым в будущем. Актуальность зависит, таким образом, от конкретной ситуации, от требований времени и многого другого.

Актуальность исторических событий заключается в том, что существует постоянная необходимость: во-первых — находить в прошлом такие события, которые бы способствовали формированию у человека понимание логики и направленности исторического процесса; во-вторых — такие события лежат в основе формирования не только ценностного восприятия истории, но и этнического, культурного самосознания человека. Однако не все исторические события могут являться

актуальными, это зависит, прежде всего, от ценностных и идеологических установок в обществе, определенного уровня развития общества, и даже правящего режима. Актуальность связана прежде всего со смыслом, который вкладывается в понимание того или иного события.

Боулдинг К., американский исследователь, утверждает: «...фактически большая часть истории человечества написана с целью прославить и поддержать отдельную идеологию нации или культуру, к которой принадлежит историк. Это происходит по причинам, связанным как с предложением, так и спросом» [1, с. 94]. То есть, согласно данной точки зрения, любое историческое сочинение не будет написано совсем, если на него не будет спроса, причем спроса на него у других членов общества, не являющихся историками.

Но на историю существует не только спрос, но и социальный заказ. Героическая история необходима для самоидентификации этносов и народов стран. Определенный заказ на историю дают и правительства государств и лидеры этносов. Например, эти лидеры, желая получить более высокий статус, заинтересованы в получении таких исторических сведений, которые бы подтверждали, что их этнос ранее обладал государственной независимостью. Это дает им возможность инициировать в своем народе сепаратистские настроения. Лидеры же того государства, к которому принадлежит данный этнос, заинтересованы в сведениях прямо противоположного характера.

Боулдинг далее отмечает, что «русские историки прославляют Россию потому, что они русские, и прославлять Россию для них значит прославлять самих себя, то есть, создавать более удовлетворительный образ себя как русских» Однако подобным же образом поступают историки всех других стран — американские прославляют Америку, французы — Францию, англичане — Великобританию и т.д. «Желание историков предлагать исторические сочинения, прославляющие культуры, к которым они принадлежат, — не просто корыстное побуждение, они испытывают потребность в прославлении, так же как и в истории» [1, с. 95].

В данном случае мы имеем дело с национальной, а точнее — актуальной национальной историей, в которой, конечно же, присутствует субъективность. Тем не менее, мы все еще находим, что, например, история Столетней войны выглядит совершенно по-разному во французском и английском вариантах; что история Второй мировой войны выглядит различной, когда ее преподают в Оксфорде, Москве и Кембридже. Эти актуально-востребованные события хотя и признаются таковыми, но интерпретируются в каждой стране по-своему.

В связи с этим возникает вопрос — как быть с Всемирной историей? Человеческое самосознание и общечеловеческие ценности

езде подчинены особым, частным самосознаниям и ценностям, будь то религиозные, национальные, идеологические или классовые. Существуют ли такие актуально-востребованные события в этом глобальном процессе? Конечно, существуют. Это такие события, которые сыграли ключевую роль в развитии человеческого общества, к которым человечество обращается независимо от принадлежности к определенному государству, этносу или расе, например — переворот в научно-технической революции, полет человека в космос, сброс атомной бомбы США на города Японии и другие. Такие события не имеют границ в отношении государств, они сыграли свою роль в общечеловеческом масштабе и продолжают оставаться актуальными до сих пор.

Хотелось бы отметить еще один вопрос, который напрямую связан с ценностным отношением к истории и историческим событиям. Вся наша отечественная история полна примеров доблести и самоотверженности нашего народа, но наряду с этим нам известны и страшные и тяжелые ее моменты. В настоящее время большое количество работ посвящено негативному освещению собственной истории. Те события, которые ранее выступали как ценностные, обретают теперь другое толкование. Возможно, здесь проявляется так называемый эффект маятника или диалектическая закономерность перехода противоположностей друг в друга.

Каждый из нас имеет свое мнение об истории, по-разному мы относимся к каким-либо событиям. Не все исторические события мы воспринимаем одинаково, то есть, одни — положительно, другие — отрицательно. Об одних исторических событиях мы говорим и рассуждаем охотно, а разговор, касающийся других — нам становится неприятен. Так или иначе, каждый народ, каждая страна стремится к тому, чтобы их история была полна доблести и положительно воспринималась, кем бы то ни было, и исторические события играют в этом смысле главную роль.

Говоря о ценностном аспекте исторических событий, необходимо отметить, что существует диалектика ценности, смысла и значения исторического события для общества, группы и индивида.

Историческое событие, которое определяется как ценное для общества, может признаваться таковым и в отношении какой-либо группы данного общества и отдельного индивида. Любая революция, происходящая в обществе, не может не затрагивать интересы отдельной группы или отдельной личности и может иметь определенную ценность для каждого из выделенных субъектов. Однако, событие, имеющее ценность для определенной группы, может не являться таковым для отдельного индивида или всего общества, например, I съезд РСДРП был историческим событием для группы людей, состоящих в этой партии,

это событие являлось ценным для этой группы. Но для российского общества и отдельно взятого человека это событие в тот период не имело никакой важности и ценности, только в последующем во всей силе проявятся последствия этого события.

На наш взгляд, существует возможность перехода ценностного отношения к какому-либо событию отдельной группы в ценностный для всего общества. Такое событие как отмена крепостного права, по сути, было направлено на определенную часть общества — крестьянство и имело для них первостепенную важность. Но в итоге, оно оказало большое влияние на само общество в целом, позволило выйти на новый уровень развития и тем самым приобрело ценностное содержание для всего российского общества и его развития.

Стоит отметить еще один момент в этом вопросе. Значение и ценность какого-либо исторического события может восприниматься по-разному для участников данного события и сторонних наблюдателей. Тот смысл, который вкладывают участники события в его проведение, не всегда совпадает со смыслом, которым его наделяют люди, не имеющие к нему отношения, или не участвующие в нем. К примеру, Афганская война Советским Союзом расценивалась как помощь Афганистану в борьбе с незаконными группировками, как интернациональный долг. Сторонние наблюдатели смысл этого события видели в незаконном вооруженном вторжении на территорию другой страны, как неправомерное вмешательство в ее интересы. На современном этапе, самый яркий пример — Война в Ираке, которая была представлена США как акт доброй воли по избавлению мира от иракской военной угрозы и уничтожению тоталитарного режима в стране. Страны, не участвующие в этой войне стоят на мнении, что таким образом США стремились подтвердить свой статус мировой державы и получить контроль над нефтедобывающим регионом. Подобные же действия можно отметить по отношению к Ливии, Афганистану, Сирии со стороны США и стран блока НАТО.

С другой стороны, даже непосредственные участники события смысл этого события видят по-разному. Кондаков И. В. полагает, что «противоположные смысловые оценки Гражданской войны 1918—1920 гг. вызывают расслоение событийности до такой степени, что война, увиденная, скажем Колчаком и Троцким или Цветаевой и Маяковским, — это различные события» [3, с. 39].

Формулировка Кондакова представляется нам не совсем верной. Действительно, смысл происходящих событий различен и даже противоположен, например, для Троцкого или Колчака. Но различен ценностный смысл событий, а не сами события, их структура и действие одни и те же для обеих сторон. Если, к примеру, «белые» наступают,

а «красные» отступают — это верно и для одних и для других. И если Белая армия потерпела в итоге поражение, то это является таковым и для «белых» и для «красных» и для сторонних наблюдателей.

Позиция смысла может меняться в зависимости от временной давности и также зависит от ценностного аспекта события. События прошлого их непосредственные участники наделяли одним определенным смыслом. Мы, живущие намного позднее, можем увидеть другой смысл этого события. В этом специфика истории и исторических событий. По прошествии времени, имея определенные сведения о том или ином событии прошлого, мы можем, поместив этого событие в контекст, увидев его результаты и последствия, определить иной его смысл, чем определяли его участники события. Так, по мнению Гулыга А. В., «большое видится на расстоянии. Люди зачастую не могут правильно оценить происходящее вокруг них и лишь ретроспективно приходят к пониманию того, что случилось» [2, с. 15].

Таким образом, и смысл, и ценность и значение исторического события имеют свойство меняться с течением времени, уровнем развития общества, морали, политического режима государства и потребностей общества.

Итак, исторические события являются той основой, на которой формируется отношение человека к истории, они имеют ценностное содержание и участвуют в формировании национальной культуры и истории. Именно ценностная и культурная составляющие исторического события являются определяющими для восприятия человека, а также, сохранения и передачи знания об этих событиях из поколения в поколение. Кроме этого, исторические события несут в себе определенную воспитательную функцию, помогают в формировании гражданского самоутверждения и самоопределения личности, и, в определенном смысле, лежат в основе менталитета народа.

Список литературы:

1. Боулдинг К. Как могла бы быть написана история // Время мира. Альманах. Под ред. Розова Н. С., Новосибирск, 1998. Вып. 1. — 362 с.
2. Гулыга А. В. Искусство истории. — М., 1980. — 288 с.
3. Кондаков И. В. Архитектоника события // Мир психологии. — 2000. № 4. — 98 с.
4. Риккерт Г. Философия истории. — СПб., 1908. — 154 с.
5. Флиер А. Я. Культурология для культурологов. — М., 2002. — 289 с.

3.2. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ В УКРАИНЕ

Сошников Андрей Александрович

канд. филос. наук, доц. ХНУВД, г. Харьков, Украина

Актуальность проблемы национального в украинской философии обусловлена тем, что практическая реализация суверенизации общественной жизни требует развития этнонационального самосознания, что определяется необходимостью, с одной стороны, теоретического осмысления основ и тенденций народного мировоззрения, а с другой — присутствием фактора национальной ментальности украинцев в системе национального просвещения. Как правило, этнонациональная самоидентификация не ограничивается узнаванием себя в цивилизационных проблемах, а усложняется историческим мифотворчеством, конструированием собственного желаемого образа, который может стать не обходимым компонентом «указателя в будущее». Ведь без развития собственной философии народа его национальная ментальность всегда будет оставаться ущербной, пораженной комплексом неполноценности.

Характеристика существования национальной философии в Украине усложняется тем, что по сути её политическая история — это череда социокультурных зависимостей, что безусловно отразилось на духовной жизни и национальном самосознании украинцев. Как оказалось, философия в Украине (именно как теоретический способ решения мировоззренческих проблем) в значительной мере была заимствована, то есть не являлась продуктом логического развития мировоззрения украинского народа. Во всяком случае выдающихся философских произведений на украинском языке написано не было.

Вопрос о существовании на украинских землях своей специфической философской мысли был поставлен ещё в конце XIX в. Климом Ганкевичем. В 1869 г. он опубликовал в Кракове, а в 1873 г. переиздал в Ряшеве (сейчас это г. Жешув на территории Польши) книгу «Grundzüge der slawischen Philosophie» [6]. Отдельный раздел в этой работе Ганкевич К. посвятил философии украинской. Его «Grundzüge der slawischen Philosophie» имела инициативный характер, вопрос об украинской философии и её истории был конкретизирован. К проблеме исследований философского процесса в Украине

Ганкевич К. обращался и позднее. Так, в 1881 г. в Лейпциге он написал работу «Новая философия малороссов».

Следующим шагом в исследовании истории украинской философии стали работы Василия Щурата. В 1908 г. во Львове вышла его разведка «Українські джерела до історії філософії». Автор стремился показать, что византийский христианский неоплатонизм имел решающее влияние как на западноевропейскую, так и украинскую философскую мысль. Он считал, что в XIV в. происходит культурная переориентация Украины с Востока на Запад, а в конце XVI — первой половине XVII вв. в украинских православных школах Львова, Острога, Киева и других городов преподавалась схоластическая философия, наподобие неосхоластики иезуитских коллегийумов. Щурат В. призывал изучать рукописи украинских схоластов, прежде всего профессоров Киево-Могилянской академии, а также анонимных авторов, которые, как он считал, могут оказаться интересными для историков философии [5]. Значение «Українських джерел до історії філософії» Щурата, как и исследований Ганкевича, состоит не столько в полученных результатах, сколько в постановке проблемы целесообразности, вместе с изучением украинского языка, литературы, искусства и т.п., специально исследовать развитие философской мысли в Украине.

В конце XIX — в начале XX вв. отдельные аспекты развития украинской философской мысли рассматривались в литературоведческих трудах. Это видно из синтезов истории украинской литературы Ивана Франка. Множество его «студій», в том числе докторские диссертации, были посвящены религиозно-философским произведениям. Это — апокрифы, полемическая литература, переводы и т.п. Следует отметить и литературоведа Николая Сумцова. Работая над историей украинской литературы XVII в., он написал монографические исследования об украинских религиозных писателях Галятовского И., Гизеля И., Вышенского И., Барановича Л. [3]. На основе этих материалов уже в советское время была опубликована его «Історія української філософської думки», основная часть которой посвящена анализу философских взглядов Сковороды Г. [2]. Таким образом, к началу XX в. был собран соответствующий историко-философский материал, произошло его частичное осмысление. Это заложило основу для создания обобщенного труда по истории философии в Украине.

Первую синтетическую работу по истории философии на украинских землях предложил Дмитрий Иванович Чижевский в своих «Нарисах з історії філософії на Україні». Стремясь обосновать понятие национальной украинской философии, он впервые обратил внимание на центральное место в ней «науки про серце» [4]. Сам Чижевский не считал «Нариси...» весомым научным исследованием. Однако именно эта его «незавершенная» работа вызвала наибольший интерес. Диаспорные

исследователи шли за этим ученым, используя его наработки, и, приняв концепцию «философии сердца», сосредоточили внимание на исследовании наследия представителей этой философии, прежде всего Сковороды Г. и Юркевича П. Даже в советской Украине, где Чижевский Д. был под запретом как «украинский буржуазный националист», об этой работе знали и она инспирировала историко-философские исследования. В целом заочная дискуссия советских исследователей с Чижевским (как, в принципе и любая дискуссия в философии) имела свои позитивы. Советские ученые обратили внимание на некоторые «пробелы» в схеме Чижевского Д. и занялись исследованиями философских курсов профессоров Киево-Могилянской академии. В кругу их точки зрения оказалась ренессансная и реформационная мысль на украинских землях, идейно-философское наследие Киевской Руси, взгляды украинских деятелей XIX в., марксистская философская мысль на Украине.

Время первых лет существования Украины как независимого государства, в отличие от «позднесоветского периода», сложно назвать плодотворным в плане исследований источников философской мысли Украины. На это были причины как общего, так и частного внутренне-специализированного характера. Экономические сложности, разрушение старой, еще сформированной в советские времена системы академической науки не способствовали подобным исследованиям, требующим систематичности и соответствующих затрат. Можно также говорить и о непонимании новой властью необходимости философских студий. Актуальным стало отрицание марксистских методологических подходов и поиск соответствующих альтернатив. В таких условиях популярными стали взгляды Чижевского, его схема. Буквально в первые годы независимости Украины были переизданы «Нариси...» Чижевского (1992 р.), а на страницах журнала «Філософська і соціологічна думка» и других журналах публиковались его работы и материалы о нем. В 2005 г. в Киеве были изданы четыре тома философских трудов Чижевского Д. Доступными стали диаспорные издания по истории украинской философии, некоторые из них были переизданы. Об ориентации на диаспорных ученых свидетельствуют периодические издания «Хроніки-2000», выпуск двухтомника «Україна: філософський спадок століть» (2000 р.). История украинской философии стала относительно широко преподаваться в высших учебных заведениях. Поэтому, закономерно, возникла потребность иметь учебники, хрестоматии, различную учебную литературу по этому предмету. «Каноническим учебником» стала книга Вилена Горского «Історія української філософії» (выдержала несколько переизданий). Собственно философию Горский В. трактовал как составную часть национальной культуры: «...единым реальным критерием при определении объема философских учений, что является объектом исследования истории

украинской философии, — писал он, — должен быть национальный культурный контекст, в пределах которого осуществляется генезис и функционирование философской системы, теории или идеи. В сферу истории украинской философии, тем самым входят те учения, что созревали на почве культуры Украины, независимо от того, в каком крае из-за обстоятельств жизни пришлось формировать эти идеи их автору. Наконец, история украинской философии изучает и те идеи, что были созданы представителями иных национальных культур, но реально функционировали в составе украинской культуры, были восприняты ею и оказали определенное влияние на её развитие» [1, с. 19]. Методологические подходы Горского В. концептуально не отличаются от подхода Чижевского Д., который как раз и рассматривал функционирование философии, в т.ч. и украинской, в национальном культурном контексте. Правда, в отличие от «Нарисів...» Д.Чижевского, тут были материалы о философской мысли Киевской Руси, ренессансных и гуманистических идеях, философии Киево-Могилянской академии, а также материалы по XX в. Указанные материалы не всегда удачно сочетаются со схемой Чижевского, которая есть целостной и органичной. В целом можно констатировать, что распространенные сейчас в Украине учебники по истории украинской философии — это соединение (более или менее удачное) данной схемы с теми конструктивными работками, что были сделаны в советской Украине в 1960—1980-е гг.

Сейчас принято считать, что «философия Украины» — это совокупность всех «философий», что существовали на украинских землях, а «украинская философия» — узкое понятие, под которым подразумевается национальная философия украинцев. При этом ключевым концептом данной схемы выступает понятие «интеллектуальная традиция». Такой подход, возможно, дает возможность более объемно и адекватно осветить сложный процесс развития философской мысли в Украине.

Список литературы:

1. Горський В. С. Історія української філософії. Курс лекцій. — Київ: Наукова думка, 1997. — 286 с.
2. Музей Слобідської України ім.Г.С.Сковороди. Бюлетень. — Харків, 1926 — 1927. — № 2 —3. — С. 51 —54.
3. Сумцов Н. Ф. О литературных нравах южнорусских писателей XVII ст. — СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1906. — 24 с.
4. Чижевський Д. І. Нариси з історії філософії на Україні. — Мюнхен: УВУ, 1983. — 175 с.
5. Щурат В. Українські джерела до історії філософії // Хроніка-2000. — В. 37—38. — К., 2000. — С. 130 —142.
6. Hankiewicz Cl. Grundzüge der slawischen Philosophie. — Rzeszow, 1873. — 64 s.

ПОНЯТИЯ «ЭКСТЕНСИВНОЕ» И «ИНТЕНСИВНОЕ» В «КРИТИКЕ ЧИСТОГО РАЗУМА» ИММАНУИЛА КАНТА

Черкашин Владимир Геннадьевич

ст. преподаватель РГП «КГИУ», г. Темуртау

E-mail: kgiu@mail.ru

В диалектике важное место занимает закон перехода количественных изменений в качественных. Механизм действия закона раскрывается через ряд взаимосвязанных категорий диалектики: «качество», «количество», «мера», «постепенность», «перерыв постепенности», «скачок», «эволюция», «революция». Однако в этом ряду имеются и категории, которые недостаточно подвергнуты философскому анализу. Речь идет о понятиях «экстенсивность» и «интенсивность».

В данной статье предпринята попытка анализа решения проблемы «экстенсивности» и «интенсивности» в учении Канта И.. Обосновано это следующими соображениями. Во-первых, в некоторых аспектах его понимание экстенсивного и интенсивного имеет прямую логическую связь с положениями средневекового учения об «интенсификации и ремиссии качеств». Во-вторых, Кант является основоположником немецкой классической философии. Именно его идеи являются основой дальнейшей разработки системы категорий диалектики такими философами, как Шеллинг и Гегель.

В «Критике чистого разума» Кант выделял четыре основоположения чистого рассудка: созерцание, восприятие, опыт и эмпирическое мышление. Два первых им называются математическими основоположениями, которые представляют собой, по сути, принципы применения (приложения) математики к естествознанию (к опыту). При этом аксиомы созерцания связываются у него с экстенсивными величинами, а антиципации восприятия — с интенсивными.

Все явления содержат некоторое созерцание в пространстве и времени. «Поэтому они могут быть схвачены, т.е. восприняты в эмпирическое сознание не иначе как посредством синтеза многообразного, который создает представления об определенном пространстве или времени» как сложения однородного и осознания синтетического «единства этого многообразного (однородного)», — пишет Кант [1, с. 237—238].

Единство многообразного однородного мыслится, по его мнению, в понятии величины. Отсюда все явления суть величины, причем величины экстенсивные, потому что как созерцания в пространстве

или времени они должны быть представлены посредством того синтеза, которым определяются пространство и время вообще.

Пространство и время, считает Кант, можно мыслить только последовательно, путем синтеза от «части» к «части». Он поясняет данное положение следующим образом: «Я могу себе представить линию, как бы мала она не была, только проводя мысленно все [ее] части, начиная с определенной точки, и лишь благодаря этому создавая ее образ в созерцании. То же самое относится и ко всякой даже малейшей, части времени. Я мыслю в нем лишь последовательный переход от одного мгновения к другому, причем посредством всех частей времени и присоединения их друг к другу возникает, наконец определенная величина времени» [1, с. 238]. А поскольку пространство и время являются необходимыми условиями созерцания, то всякое созерцание, выступая содержанием явлений, есть экстенсивная величина. Следовательно, всякое явление «может быть познано только посредством последовательного синтеза (от части к части) путем схватывания [1, с. 238]». Именно поэтому все явления, по Канту, созерцаются как «агрегаты», т.е. множество заранее данных частей.

Исходя из этих рассуждений по поводу смысла экстенсивной величины, Кант выводит следующее ее определение: «Экстенсивной я называю всякую величину, в которой представление о целом делается возможным благодаря представлению о частях (которое поэтому необходимо предшествует представлению о целом)» [1, с. 238].

Антиципации восприятия, будучи следующей ступенью рассудка и включая в себя созерцание, имеют также в своем содержании и ощущение. При рассмотрении данного основоположения Кантом анализируется отношение категории «качество» к ощущениям в опыте, т.е. рассматривается возможность подведения ощущения не просто под величину, а под интенсивность величины, то есть степень. Степень выступает уже как количественное качество, которое доступно математическому описанию.

Ощущение, по мнению немецкого философа «... не обладает экстенсивной величиной, но все же имеет некоторую величину (а именно благодаря схватыванию ее, в котором эмпирическое сознание может возрасти в определенное время от 0 до данной меры схватывания), стало быть, интенсивную величину; в соответствии с ней всем объектам восприятия, поскольку в последнем содержится ощущение, должна быть приписана интенсивная величина, т.е. степень влияния на чувство» [1, с. 241].

Почему же антиципации восприятия не могут характеризоваться экстенсивной величиной? Кант поясняет это следующим образом.

При воздействии чего-то реального на чувство возникает ощущение. Схватывание реального в одном (отдельном) ощущении наполняет только одно мгновение и поэтому в данном случае синтез не идет от частей к целому представлению. Это означает, что ощущение (реальное в явлении) имеет величину, но не экстенсивную, а интенсивную, которая схватывается посредством ощущения только как единство, а не множество однородного.

Всякое ощущение, по мысли Канта, как бы оно ни было мало, имеет степень, т.е. интенсивную величину, которая всегда может быть еще уменьшена, однако при этом данная степень никогда не будет наименьшей. «Всякий цвет, например красный, — пишет Кант, — имеет степень, которая как бы она ни была мала, никогда не есть наименьшая; то же самое можно сказать и о теплоте, моменте тяжести и т.п.» [1, с. 243].

Величина (и экстенсивная, и интенсивная) выражается, по мнению Канта, числом, и «также как в основе всякого числа должна лежать единица, то в качестве единицы всякое явление есть величина, и, как таковое, оно всегда есть нечто непрерывное» [1, с. 244]. Иначе говоря, свойством величин выступает их непрерывность. Поэтому все явления, будучи непрерывными, суть «экстенсивные величины с точки зрения их созерцания, интенсивные величины с точки зрения одного лишь восприятия (ощущения и, следовательно, реальности)» [1, с. 244]. В результате Кант впервые приходит к обоснованию глубокого диалектического единства качества и количества, экстенсивного и интенсивного.

Это и другие положения немецкий философ применяет на практике в целях опровержения доказательства постоянности души. Представители рациональной психологии придерживались следующего тезиса: поскольку душа является простой (т.е. неделимой, так как в ней нет никаких частей — никакой множественности), постольку она не может делиться, уменьшаться, не может перестать существовать. Кант по этому поводу замечает: «если бы даже мы и признали душу простой сущностью, поскольку в ней нет ничего многообразного, составные части которого существовали бы вне друг друга, стало быть, в ней нет никакой экстенсивной величины, все же нельзя отрицать у нее, как и у всего существующего, интенсивной величины, т.е. степени реальности в отношении всех ее способностей и вообще всего того, что составляет ее существование...» [1, с. 377 — 378]. А поскольку всякая интенсивная величина, по мысли Канта, может убывать через бесконечное множество меньших степеней, то она может превратиться в ничто если не путем деления, то путем постепенного ослабления.

Таким образом, по мнению автора «Критики чистого разума», постоянность души остается недоказанной и даже недоказуемой, т.е.

вопрос, по сути, является антиномичным. Очевидно, что в опровержении доказательства постоянности души существенную роль играет тезис, восходящий к учению об интенсификации и ремиссии качеств, согласно которому душе, подобно всему существующему, присуща некоторая интенсивность, хотя, будучи неделимой, она и не имеет экстенсивности.

В другой аргументации Канта против допущения существования пустоты используется еще одна важная идея, высказываемая в «Трактате о конфигурации качеств» средневекового мыслителя Орема Н. «Конечное качество, — писал, Орем, — может быть воображаемым простирающимся абсолютно во все стороны до бесконечности, без своего возрастания, при условии, что его интенсивность пропорционально уменьшается» [2, с. 718]. По мнению Канта, допущение существования пустоты основывается исключительно на метафизическом предположении, «... что реальное в пространстве (я не буду называть его здесь непроницаемостью или весом, — поясняет Кант, — потому что это эмпирические понятия) повсюду одинаково и может различаться только по своей экстенсивной величине, т.е. по количеству частиц» [1, с. 246]. В противовес этому Кант пытается доказать, что если всякая реальность в восприятии имеет степень, то опыт никогда не обнаруживает пустого пространства или пустого времени, ибо пустоты не существует.

Этот вывод Канта, как и ряд других, послужили основой для дальнейшего анализа категорий «экстенсивное» и «интенсивное» выдающимися представителями немецкого классического идеализма Шеллингом и Гегелем.

Список литературы:

1. Кант И. Критика чистого разума. Сог.: В 6-ти томах. Т. 3.М.,1964.
2. Орем Н. Трактат о конфигурации качеств //Историко-математические исследования. Вып. XI. М.,1958

3.3. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

ДИАЛЕКТИКА АКЦИДЕНТАЛЬНОЙ И СУБСТАНЦИАЛЬНОЙ ФОРМЫ ВЕЩЕЙ В ОСНОВАНИИ ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Кулагина Ирина Владимировна

канд. филос. наук, доц. СурГУ, г. Сургут

E-mail: cogito@ngs.ru

Философские истолкования исторического процесса, усматривают сущность исторических закономерностей в различных основаниях — органичности, воли к жизни, эстетическом начале или всеединстве и т.д.

Однако в самой постановке вопроса присутствует гносеологическая проблема — выдвижение какого-либо основания требует философского обоснования самой возможности видеть в исторических условиях существования человечества некие признаки общего и специфического.

Морфология человеческой культуры и ее исторических изменений ставит перед философом истории больше проблем, чем решений. Внутренняя целостность, своеобразие и самостоятельность культур лишают любое из философских оснований исторического процесса универсальности в принципе, а историческая динамика поглощает возможность выделения общих форм подобных изменений.

Гносеологически, мы в любом случае заложники этого многообразия форм культуры. Моделируя типологию, философ истории вынужден избирательно учитывать те стороны исторического процесса, которые не противоречат выбранному основанию типологии. Однако это не значит, что выделение философских оснований является невозможным или противоречит истине. Если принять во внимание тот факт, что неклассическая научная парадигма предполагает зависимость объекта наблюдения от позиции наблюдателя, мы вынуждены выстраивать философские рассуждения об историческом процессе, исходя из этой субъективной позиции. Мы просто не можем ее избежать в силу того, что в познавательной деятельности сегодня мы так ориентированы, к этому нас принуждают культурно-исторические условия нашего существования.

Получается, что философия истории просто обречена на вечный поиск зависимых от исследовательской позиции оснований рассмотрения исторического процесса.

Однако в этом почти постмодернистском выводе скрывается и философская возможность. Может ли процесс познания исторических феноменов быть настолько субъективным? Возможно, ли считать, что выбор, например, такого основания организации исторического процесса как воля к жизни (Ницше Ф.) или осуществление Абсолютного духа (Гегель Г.) становится случайным и зависимым от появления конкретной личности в философии истории, сумевшей предложить свой новый вариант разгадки тайны исторического процесса? Или же можно предположить, что внутри самой философии уже есть ответ на вопрос о том, какова природа разнообразия философских концепций исторического процесса?

Склоняясь ко второму предположению, предпримем поиск такого ответа в историко-философской традиции.

Идеалистическая и материалистическая философская традиции сформировали противоположные подходы к самой интерпретации мира как истории, в первом случае осуществляющейся по-настоящему лишь в образе эйдетического мира, мира трансцендентального сознания или состоянии Абсолютного духа. В другом случае, это интерпретация мира как воплощения материально-духовной практики, комбинации духа и материи в едином диалектическом процессе, называемом историей.

Однако выбор онтологического ракурса решения вопроса вряд ли может служить способом снятия проблемы вариативности оснований философско-исторического дискурса. Возможно, именно рассмотрение гносеологического аспекта выбора данных оснований позволит обрести определенность в выборе истинного источника исторического развития.

Платоновская диалектика видимого мира вещей и мыслимого мира эйдосов позволила сделать первый шаг к переходу от наглядно-практической к рассудочно-умозрительной картине мира. Этот шаг можно считать первым и в традиции философско-исторической традиции, если философское рассмотрение истории в принципе могло быть сделано Платоном — оно было бы аналогичным дуалистическому рассмотрению мира идей и мира вещей. То есть существование конкретно-исторических форм развития человечества вряд ли могло взволновать данного идеалиста, скорее предметом его мысли стала бы диалектика возможных противоречий, составляющих это развитие.

Рассмотрение в Античном этапе истории философии онтологической проблематики привело Аристотеля к формулировке учения о причинности: «...одной такой причиной мы считаем сущность, или суть

бытия вещи (ведь каждое «почему» сводится, в конечном счете, к определению вещи, а первое «почему» и есть причина и начало); другой причиной мы считаем материю или субстрат; третьей — то, откуда начало движения; четвертой — причину, противоположащую последней, а именно то, «ради чего» или благо, ибо благо есть цель всякого возникновения и движения» [1, с. 70].

Таким образом, можно предположить, что философией уже в Античном периоде была установлена необходимость перехода от поиска принципов движения и вариаций материального мира к объяснению сущности бытия вещей.

Синтез античных философских представлений о причинах вариативности вещного мира в поздней средневековой философии обнаружил свою актуальность. В актуальной чувственной направленности теософской картины мира материальный объект познания (тело) как таковой вообще начинает ускользать из рассмотрения мыслителей.

Безусловно, нельзя утверждать, что реальность материального мира прекратила свое актуальное существование. Онтология Бога не является оппортунистической, полярной онтологии Природы и Человека, как бы это ни пропагандировалось в раннехристианском этапе истории Европы. Скорее, речь идет о заметном доминировании духовной природы над физической, которая была, тем не менее, доступна непосредственному восприятию человеком.

Скотт Д. утверждал, что та или иная реально существующая вещь имеет огромное количество качеств, которые не актуализированы, но возможны, а потому могут быть признаны виртуально присутствующими в практике данной вещи.

Фома Аквинский подчеркивал, что «...субстанциальная форма отличается от формы акцидентальной тем, что акцидентальная форма дает не просто бытие, а бытие таковым, подобно тому, как теплота позволяет своему субъекту не просто быть, а быть теплым» [2, с. 176].

В философских рассуждениях о формах элементов, среди которых и выделялись субстанциональная и акцидентальная формы, обе они признавались равноправно существующими, хотя и с разной степенью важности и существенности.

Актуализация — как перевод акциденции из возможности в реальное существование имеет место в человеческой культуре испокон веков. Эти акциденции хранит человеческая история, и именно они, по видимому, и составляют базисную часть нашего коллективного бессознательного, культуры. Появление акцидентального, неожиданного свойства или качества у объекта или действия — вызов культуре! По мере окончания акциденции, оно получает свою культурную интер-

претацию (например, как чудо, как событие) и откладывается в дальнейшем культурном представлении о данном объекте или действии.

Обращение же к неактуализированным акциденциям (к «возможному») позволяет культуре и обществу обозревать возможные горизонты исторических изменений, пусть даже эсхатологические, но имеющие особую ценность именно как истолкования возможных актуализаций.

Применительно к проблематике философии истории концепция соотношения субстанциальной и акцидентальной форм позволяет предположить, что в историческом исследовании выделение данных форм и обращение субстанциальной их компоненте может быть условием формирования нового историко-философского знания.

Сообразно тому, как в философии даосизма диалектика существования Дао и Дэ формирует возможность представления мира в его состоянии абсолютной гармонии, в единстве акцидентального и субстанциального кроется возможность окончательного представления мира как истории, как онтологического разворачивания всех процессов человеческого бытия в едином процессе, соединенном категориями пространства и времени.

Вариативность акцидентального в историческом опыте становится абсолютно закономерной особенностью существования человеческой истории, поскольку сама субстанциальная форма исследуемого феномена представляется чрезвычайно сложной (или слишком простой — в зависимости от подхода). Поиск ответа на вопрос о сущности исторических изменений в акцидентальной природе становится разгадыванием, конкретная культурно-историческая ситуация тем самым может определять существование исследователя в особой исторической акцидентии, заставляя его избирать путь поиска «родного» основания в воззрениях на суть истории.

Субстанциальная же форма исторического опыта, при всем его акцидентальном многообразии, становится предметом подлинно философских рассуждений. Как ни сложна такая постановка вопроса для философа истории, она тем более отличает его позицию от позиций историка или антрополога, вынужденных рассматривать акцидентальную природу истории в качестве основы профессиональной деятельности.

Список литературы:

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М: Мысль, 1976.
2. Человек: Мыслители прошлого и настоящего о жизни, смерти и бессмертии. Древний мир — эпоха Просвещения. М: Политиздат, 1991.

3.4. ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

О ПРОБЛЕМЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Бондарцова Татьяна Михайловна
канд. ист. наук, доц. КГИУ г. Темиртау
E-mail: bondarcova_56@mail.ru

Одной из сложных проблем современности является определение места, роли образования и образованности, как в духовной сфере, так и общества в целом. Образовательное поле Республики Казахстан за годы независимости по единодушному мнению ученых-аналитиков, экспертов пережило и продолжает переживать существенные реформаторские преобразования, содержание которых, целесообразность, последствия являются одной из самых животрепещущих тем казахстанского социума. Данные процессы объективно закономерны, ибо проблема конкурентоспособности казахстанской системы образования относительно стран Европы, России, профессиональная подготовка специалистов на уровне 21 века является стратегической задачей нашего государства [См.: 1].

Сознательно абстрагируясь от анализа конкретных шагов, тех или иных составляющих в выше обозначенном контексте (таких, например, как практика ЕНТ, переход на 12-летнее школьное обучение, внедрение кредитной системы обучения в вузах и многое другое), хотелось бы акцентировать внимание на следующем. Насыщенность событий, перемен в сфере образования неизбежно обуславливают противоречия, возникновение острых моментов, разрешение коих в совокупности могут соответствовать темпу нововведений и реорганизаций либо безнадежно отставать, создавая почву для усугубления старых и возникновения новых проблем. Общеизвестно и исторически достоверно, что нельзя реализовать самую благородную цель, если не выверены средства, нет условий, причем избавленных от нарушений правового и нравственного характера, если не просматривается внутреннее желание, уровень способностей конкретных людей не только познавать эти средства и объективные условия, но и, что важнее, осуществлять свою деятельность на основе осознанного, внутренне действующего целеполагания. Очень емко и точно предостережение об опасности «перевеса» непродуманного над сознательным сформу-

лировано Ф. Энгельсом в «Письме к Блоху Й.»: «История делается таким образом, что конечный результат всегда, получается от столкновения множества отдельных волей... Ведь то, чего хочет один, встречает противодействие со стороны всякого другого и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел» [2, с. 116]. Обратившись к сфере образования РК (и, думается, не только Казахстана), можно обозначить не один ряд острых, актуальных вопросов — проблем. Особое же множество противоречивых подходов, дискуссионных точек зрения возникает как при обсуждении, так и практической реализации базовых составляющих процесса реформирования — финансовой и социальной. Обеспечивает ли, во-первых, современный уровень финансирования сферы образования ход реформ и ожидаемые результаты от внедрения новейших технологий в учебный процесс? Во-вторых, кто и как определяет социальный статус работника образовательной сферы и в какой степени защищенности находится этот работник сегодня? Завтра?

Как известно, новая концепция развития системы образования РК до 2015 года была принята 24 февраля 2004 года и ей отводилась роль основы всего процесса реформирования. На момент ее обсуждения в конце 2003 года государственные расходы на образование составляли 3,1 % от ВВП Республики Казахстан [3, с. 44]. В целях успешной реализации программы ставилась задача увеличения доли государственных расходов на образование как минимум вдвое в течение последующих нескольких лет. Реформирование сегодня идет полным ходом, а финансовая составляющая по-прежнему более чем скромна. Так, по оценкам Центра исследований «Сандж» доля расходов на образование от ВВП Казахстана в течение 2005—2009 гг. колебалась в пределах 3,4—3,6 %. Как наилучший результат — 3,7 % приходится на 2008 год. Аналогичные расходы в тех же рамках и в тех же пропорциональных исчислениях составляют, например, в Японии в 5 раз больше, в России — более, чем в 1,5 раза [См.: 4]. Также, несмотря на осуществляемые поэтапные повышения заработной платы работникам РК образования, материальное вознаграждение их труда по-прежнему далеко не соответствует целям и задачам, возложенным на них. Состояние же человека (и обучающего, и обучаемого), включенного в процесс реализации выше обозначенных проблем, может и должно определяться конкретными материальными и духовными параметрами. То есть, отношения материального и духовного плана, их единство или нарушение его в пользу (во вред) одному из них были и остаются главным источником возникающих противоречий в образовательном пространстве. Разрешение же,

«вхождение» в суть сегодняшних противоречий в сфере образования невозможно без внутренней потребности знать, знать, чтобы понимать и действовать. Иными словами, *всестороннее изучение условий, анализ объективных факторов, в которых протекают реформы, в совокупности с человеческим фактором — важнейшая составляющая успеха*. Ускоренное же внедрение моделей, методик «сверху», достаточно частое пренебрежение истинным, реальным положением дел, отсутствие тщательного анализа собственного опыта — все это предпосылки к возникновению новых серьезных противоречий и кризисных явлений. И самым грозным в данном контексте может стать потеря позиций образования как сферы саморазвития человеческого духа, как сферы, где формируется личность, гражданин. Общепризнанным стал и факт не просто падения, а фактически отсутствия интереса молодежи к самообразованию и получению качественно нового уровня знаний. Об этом, а также «нередко бездумном реформировании как возможном серьезном источнике кризисной ситуации в образовании» поднимают вопрос на страницах печати учителя школ и гимназий [5. с. 23].

После подписания в марте 2010 г. Болонской конвенции Республика Казахстан стала полноправным членом европейской ниши высшего образования, сделав, несомненно, большой шаг в интеграцию мирового образовательного поля. Но в процессе реформирования структур и высшей школы на уровне аналитиков, чиновников, первых лиц министерства, практически не звучит такой момент — что же необходимо сохранить, и сохранено, усовершенствовано из прежней модели системы образования, имевшей прочные позиции и признание качества со стороны международного сообщества. В данном контексте уместно привести такой пример. В сентябре 2010 г. новым министром образования и науки в Республике Казахстан стал Жумагулов Б., занимавший прежде пост заместителя председателя партии «Нур Отан», а в течение нескольких последних лет — пост ректора Казахского национального университета им. Аль-Фараби. Под его руководством реформирование научно-образовательной системы РК получило мощный импульс — принята новая Государственная программа развития образования и подведены итоги первого года ее реализации [См.: 6].

Но нет, например, в этом подробном анализе положения дел информации о прежних документах — Концепции Государственного образования до 2015 года, в чем она перестала соответствовать, в чем оправдала себя и т.д. Сложно найти ответ и на такой вопрос — как реализуется на практике при таком финансировании важнейшая

составляющая кредитной системы обучения — выбор преподавателя студентом по изучаемым дисциплинам? Что, возможно, не прижилось в стране из кредитной системы образования (она начала вводиться в вузах РК с 2002—2003 уч. г.) в силу особенностей исторического развития или в силу возможностей финансирования, а что внедрено в КСО из собственного багажа и предшествующего опыта? Конечно, глубокий, конкретный анализ и оценка предшествующих систем образования (советской в том числе), факторов, способствующих развитию их сильных сторон — это прерогатива ученых-специалистов и времени. *Но вряд ли оспоримо то, что сохранение преемственности, изучение, пропагандирование и использование лучшего в отечественном опыте — еще одна важнейшая составляющая успеха в реформировании образовательного поля.*

Знание, образование, культура — сверхчувственны, идеальны, но объективны и существенно влияют на качество жизни человека и общества в целом. Как известно, в XX веке сменяли друг друга три наиболее известные модели образования — академическая, технологическая, антропологическая [См.: 7]. Именно третья — антропологическая — современна и трудно реализуема, прежде всего, и по причине противоречивого состояния самого человека. Технический прогресс, роль и объем информации, новейшие технологии в обучении дали человеку огромные, кажущиеся безграничными возможности — с одной стороны и мощную зависимость от них, статус жертвы — с другой.

Смена методик и методологий образования, доступность высшего (платного) образования, нерешенность серьезных проблем социального и финансового плана затрудняют поиски многих ответов на предмет прогнозирования в сфере образования. Но одно ясно и неоспоримо. Центральной фигурой в решении конкретно-исторических проблем в такой важнейшей сфере любого общества, страны, как образование, должен быть действующий со знанием человек. Современные же технологии обучения при всем многообразии, мобильности будут эффективными и востребованными, жизнеспособными при наличии таких составляющих, как:

- взаимопонимание, диалог, преемственность на пути осуществления реформ;
- способность обучающихся и обучающихся к самообразованию и самопостижению мира и себя в этом мире;
- высокая социальная защищенность и материальная заинтересованность, достойное финансирование как начальное и конечное звено важнейшего из видов человеческой деятельности.

Список литературы:

1. Назарбаев Н. А. К конкурентоспособному Казахстану, конкурентоспособной экономике, конкурентоспособной нации. Послание Президента РК народу Казахстана об основных направлениях внутренней и внешней политики на 2005 год. Астана, 19 марта, 2004 г. — Казахстанская правда. — 2004. — 21 марта. — С. 1—3
2. Энгельс Ф. Анти-Дюринг — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, М., Политиздат, 1974. — 472 с.
3. Бондарцова Т. М. Казахстан в условиях независимости (Пособие по истории Казахстана). Алматы, изд. дом «Таймас»; 2006. — 119 с.
4. Адилов Т. Система образования в Казахстане: Шаг вперед, два шага назад. Государство и социум // Контур. Информационно-аналитическое издание РК. — 2009. — № 2. — С. 14 —16.
5. Баланецкий О. Ф.; Зуева Л. И. О проблемах школьного исторического образования, тестировании и подготовке к ЕНТ. // Вестник Карагандинского университета. Серия «История, философия». — 2011. — № 3 (63). — С. 22—27.
6. Жумагулов Бакытжан: Образование и наука — на переднем крае модернизации страны. // Казахстанская правда. — 2012. — 29 февраля.
7. Порус В. Н. Обжить катастрофу. //Вопросы философии. — 2005. — № 11. — С. 2—11.

3.5. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ

РАБОТА СО СМЫСЛАМИ: ПОДВИЖНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА НА ОСНОВЕ СМЫСЛОВЫХ АЛГОРИТМОВ

Серебрякова Юлия Вадимовна

*доц. каф. «Философия», кандидат культурологии, Ижевский
Государственный*

Технический Университет, г. Ижевск

E-mail: Julia_srebro@mail.ru

Освоение курса философии в ВУЗе предполагает не только понимание терминологического аппарата дисциплины, но и умения применить теоретические знания на практике (см. общекультурные компетенции специалиста/бакалавра). Однако простое заучивание наизусть базовых категорий и понятий философии обычно бывает хорошо непосредственно перед экзаменом. Более того, даже представляя себе **систему** категорий и понятий, студент, тем не менее, далеко не всегда в состоянии увидеть связи между категориями и понятиями своей специальности и категориями философии.

Поэтому мы предлагаем методику обучения философии не столько по учебникам и словарям, а, образно выражаясь, «с чистого листа»: двигаться от самостоятельного построения смыслового алгоритма как поля смыслов вокруг ключевого слова (категории или понятия) через построение смыслового алгоритма с помощью учебника или философского словаря к сравнению возможностей первого и второго типа алгоритмов и выстраиванию междисциплинарных связей в аспекте конкретного применения философских категорий для специальностей гуманитарных и технических направлений.

Целью методики создания смысловых алгоритмов является обучение точности, здравости и самостоятельности мышления. В задачи методики входят:

- 1) осмысление (и проговаривание) основных философских категорий;
- 2) сравнительный анализ текстов современных учебников и словарей по философии;
- 3) создание смысловых алгоритмов первого — третьего уровней сложности. Смысловые алгоритмы выстраиваются как основа

для беседы о ценностях: о том, что есть добро и зло, что такое достоинство, честь, справедливость, красота, дом, семья, родина, соревнование, конкуренция и т.д. (см. общекультурные компетенции бакалавра/специалиста).

При разработке методики мы уточнили понятие «концепт», применяемое в современных педагогических, психологических, филологических исследованиях. Для профессионально-педагогического описания концепта значимым оказывается то, что концепты служат обработке субъективного опыта путем подведения информации под определенные выработанные обществом категории понятий. Концепт — это объективное явление, которое становится таковым после осознания личностью связей и отношений, осуществляемых через практическую коммуникативную деятельность. Мы же в этом своем исследовании пробуем двигаться в «обратную сторону»: от бытия слова в обыденном языке к языку бытия философии.

В отечественных исследованиях наблюдается разнообразие мнений в определении понятий, объясняющих глубинный слой ноосферы, который именуется *концептом* [2, с. 98]: «понятие», «генотип», «доминанта», «логоэписистема», «лингвокультурема» и т.д. Таким образом, концепт не имеет точной и общепринятой дефиниции. На основе анализа исследований по концептологии (Кубрякова Е., Апресян Ю., Колесов В., Попова Е., Стернин И., Лихачев Д., Степанов Ю. и др.) нами выделены достаточные признаки концепта как единицы обучения, обеспечивающие осознание студентами формы их представления в языке:

1. Единица структурированного знания, состоящая из понятийного, образного, ценностного компонентов.

2. Для этой единицы знания характерна особая семантическая плотность (объем) — представленность в плане выражения рядом синонимов, пословиц и поговорок, литературных сюжетов, философских текстов и т.д.

3. Эта единица знания ориентирована на план выражения, т.е. включенность в ассоциативные парадигматические связи, сложившиеся в лексической системе языка.

Концепты выстраиваются на основе первоначального, исходного слова, вокруг которого сначала с помощью однокоренных слов, а также слов, реконструированных этимологически, моделируется «смысловое гнездо» — ряд слов с синонимическими или контрастными значениями. «Смысловое гнездо» наглядно показывает бытие исходного понятия в языке, его нюансы и возможные смысловые переходы к другим «смысловым гнездам». Таким образом, проектируются смысловые алгоритмы первого уровня.

Смысловый алгоритм первого уровня (проработка ядра «смыслового гнезда») включает в себя ключевые понятия, представленные цепочкой однокоренных слов. Например, исходное словосочетание «сад красоты» образует цепочку: **сад** → **дерево** → **произрастать** → **красота**.

Садкрасоты → красота → нравится → другим → идеал → совершенство.
Красота → красивый → прекрасный → краса → красоваться → украшать → красить. **Сад красоты** → сад → садовник → посадка → сидит → трон → престол → наследство → след → следовать. **Сад** → дерево → деревянный → дрова → древесина → топливо → тепло → уют → очаг → огонь. **Дерево** → смола → смолить → курить → топить → огонь. **Дерево** → растение → произрастать → происходить → исходить → следовать → след → выслеживать. **Произрастать** → расти → рост → развиваться → совершенствоваться → совершенство → идеал.

Смысловые алгоритмы первого уровня задумывались первоначально как линейные. На практике выяснилось, что границей, или первой «крайней точкой» смыслового алгоритма данного уровня является «окольцовывание» — повторение значимых ассоциаций, обычно завершающих цепочку.

Неудачные примеры смысловых алгоритмов первого уровня показательны как обозначающие другую границу, или вторую «крайнюю точку» алгоритмов данного уровня:

Сад красоты → **зимний сад** → **маркиз де сад** → **садовник**.

Сад красоты → зимний сад → Глазырин → сцена → знаменитая песня → деревья спят. Сад → маркиз де Сад → садизм → Франция. Сад → садовник → садоводство.

Этот неудачный пример алгоритма первого уровня показывает, что студент привел только общекультурные стереотипы, простейшие ассоциации, не затрагивающие этимологическое богатство смыслового гнезда.

Следовательно, смысловые алгоритмы первого уровня, выстроенные с учетом этимологии слова, а также с учетом бытования его в русском языке, при максимальном продумывании со стороны студента, показывает варианты «окольцовывания», замыкания цепочки смыслов в цикл. В этом случае весь алгоритм можно начинать рассматривать с любой позиции. В случае приведения только лишь стандартных ассоциаций смысловые цепочки «рассыпаются» и превращаются в набор слов. Т.е. задание, по сути своей, не выполнено. Сделанные нами выводы по построению эффективных смысловых алгоритмов первого уровня позволили уточнить задание по построению смысловых алгоритмов второго уровня.

Смысловые алгоритмы второго уровня выстраиваются в поле

противостояния двух понятий, полярных друг другу по смыслу. Эти понятия уточняют друг друга относительно ситуации и заданы в виде вопроса, например: соревнование или война? Разум или чувства? Разум или глупость? Разум или заумь? Призвание или лень? Гуманизм или антигуманизм? И т.д. Смысловые алгоритмы этого уровня выстраиваются в виде таблицы или в виде цепочки ассоциаций. Например:

Соперничество или распря?

Соперничество → соперник → соревнование → первенство → зависть → ревность. **Распря** → раздор, война → разрушение, смерть → отвага → доблесть. **Раздор** → упрямство → гнев. Раздор → битва → противостояние → стойкость.

Эта небольшая работа, на наш взгляд, удачно демонстрирует как владение смыслами этимологических «корней» слов, так и точность ассоциативной логики: стойкость вырабатывается только там и только тогда, когда есть противостояние (спор, конкуренция, вражда).

Задача построения смысловых алгоритмов третьего уровня — осмысление таких философских категорий, как «время», «пространство», «материя», «сознание», «душа», «общество» и др. Форма алгоритмов этого уровня может варьироваться от ассоциативной цепочки разомкнутого и замкнутого типа до развернутых тезисов в виде перечня. Студентам необходимо построить модель смыслового поля вокруг ключевого слова (центрального понятия или категории), подбирая ассоциации как можно точнее. Поэтому алгоритмы третьего уровня показывают не столько способности студентов к фантазированию, сколько навыки системного логического мышления (навыки собственно культуры мышления, см. общекультурные компетенции). Например:

ВРЕМЯ. ВАРИАНТ 1.

- **Неизбежность:** потерянного времени не вернешь, старение организма;
- **Относительность:** теория относительности;
- **Необратимость и непрерывность:** в одну реку дважды не войдешь;
- **Неравнозначность:** один прожитый человеком день является целой прожитой жизнью для комара;
- **Направленность:** все движется только из прошлого в будущее, машины времени не существует;
- **Зависимость:** все физические величины зависят от времени;
- **Бесконечность:** мы умираем — время остается.

Смысловые алгоритмы первого и третьего уровней качественно отличаются, во-первых, абстрактностью ключевых понятий, во-вторых,

сложностью и системностью алгоритмов третьего уровня. В большинстве случаев начальный этап создания алгоритма третьего уровня — это осмысление противоположного понятия, для навыка, определения которого необходим опыт построения алгоритма второго уровня.

Опыт создания смысловых алгоритмов — это опыт разночтений: начиная с ключевых понятий и категорий философии, студенты в своей самостоятельной работе и на семинарах по философии постепенно переходят к анализу и осмыслению философских текстов (от отрывков — афоризмов, коанов до целостных текстов). При осмыслении основных философских категорий были созданы совместно со студентами первые подвижные терминологические карты (банк терминологических карт). Подвижная терминологическая карта — это свернутая схема понятия/категории, принципиально открытая для последующих дополнений и уточнений (потому и названа подвижной).

Алгоритм создания подвижной терминологической карты таков:

1. Создание смыслового алгоритма на основе слов обыденного языка;
2. Создание смыслового алгоритма на основе определения из философского словаря или учебника;
3. Создание подвижной терминологической карты категории или понятия;
4. Выяснение связей и общих тем между категориальным аппаратом философии и категориями дисциплин гуманитарного и технического направлений.

В проведении исследований были проанализированы работы студентов первого и третьего курсов факультетов «Современные технологии и автомобилестроение», «Управление качеством», «Реклама и дизайн» Ижевского Государственного Технического Университета 2009 — 2012 уч. г. В создании смысловых алгоритмов участвовало 916 человек.

В исследовании использовались следующие словари и учебники:

• Новая философская энциклопедия. В 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ. — науч. фонд; Предс. научно-ред. совета Степин В. С.. — М.: Мысль, 2000 — 2001. (Далее — НФЭ).

• Словарь философских терминов на сайте «Phenomen.ru: Философия online» (Далее — СФТ «РФ»).

• Размышляя о понятиях и категориях философии, отметим сразу же, что мы оставили в стороне их историю. Это — предмет отдельного специального исследования, которое мы надеемся осуществить несколько позже на материале конкретных философских текстов. Нас интересовали категории и понятия в том поле смыслов, которое проговаривается

нашими современниками сейчас. Поэтому мы привлекли в качестве теоретической основы современные словари и учебники по философии. Отметим также, что каждое понятие не только может быть противопоставлено другому (своему иному) понятию, но и, более того, всегда указывает на другие возможные тропинки смысла.

Приведем пример создания подвижной терминологической карты для категории «бытие».

Первый шаг создания подвижной терминологической карты:

Поле актуальных смыслов категории «бытие».

Бытие. Вариант 1.

бессмертие

болезнь — вторжение хаоса

↑

Космос, порядок, гармония ← Быть при сути, быть настоящим, подлинным

↑

параллельные миры

бодрствование

↑

Реальность ← действительность ← **Бытие** → существование, жизнь, присутствие

↓

быт, образ жизни, обыденность. Быт, определяя сознание, отодвигает его от бытия.

↓

обыватель, обычный человек

↓

Корысть ← живущий повседневностью → рутина

↓

враги и границы повседневности как «точки роста» философствования [1, с. 89]

↓

враги: романтизм, революционное преобразование общества, исключительные события, опыт общения с Богом

↓

границы: игра, приключение, праздник, восприятие художественного произведения и творчество, наука и техника, виртуальная реальность

Бытие. Вариант 2.

Сущность сущностей ← **Бытие** → все едино (Потому что существует, есть)

↓
бытие есть, и поэтому его можно мыслить → явление, явь, явленность

↓
Бытие — вечное деяние Бога (вечное сотворение мира впервые)

↓
Может ли тогда бытие определять сознание?

НФЭ. БЫТИЕ (греч. εἶναι, οὐσία; лат. esse) — одно из центральных понятий философии. Онтология — учение о бытии — составляет со времен Аристотеля предмет т.н. «первой философии». В зависимости от того, как тот или иной мыслитель, школа или направление трактует вопрос о бытии, его связи с познанием, с природой (физика) и смыслом человеческого существования (этика), определяется общая ориентация данного направления. В разные культурно-исторические эпохи формировался особый язык для выражения разных определений бытия. Понятия «*сущее*», «*сущность*», «*существование*», «*субстанция*» производны от «бытия» и представляют собой его различные аспекты [3, с. 103].

СФТРФ. БЫТИЕ. 1. Философское понятие, обозначающее существующий независимо от сознания объективный мир, материю. В применении к обществу употребляется термин «общественное Б.». Рассматривая материальность мира и его Б. как понятия тождественные, диалектический материализм отвергает идеалистическое представление о Б. как существующем до материи или независимо от нее, а также идеалистические попытки вывести Б. из акта сознания. Признавая Б. первичным, а сознание — вторичным, диалектический материализм тем не менее трактует сознание не как пассивное отражение, но как активную силу, оказывающую воздействие на Б. 2. Наиболее общее и абстрактное понятие, обозначающее существование ч.-л. вообще. В этом случае Б. следует отличать от реальности, существования, действительности и т.д. как более конкретных и глубоких характеристик объективных процессов и явлений [4].

Второй шаг в построении подвижной терминологической карты:

Выстраиваем смысловые алгоритмы на основе данных философских словарей.

Бытие. Вариант 1.

Познание, природа, смысл жизни ← **Бытие** → онтология

↓
Связь с психологией, физикой, этикой

↓
Сущность, существование, субстанция

Бытие. Вариант 2.

Бытие → объективный мир, материя → разделение на материализм и идеализм

Бытие → существование чего-либо вообще (более «глубокая» категория по сравнению с понятиями «реальность», «существование», «действительность»)

Третий шаг в построении подвижной терминологической карты: сопоставим смысловые алгоритмы на основе обыденного языка (смысловые алгоритмы первого типа) и смысловые алгоритмы на основе данных философских словарей (смысловые алгоритмы второго типа).

Для смысловых алгоритмов первого типа характерны не только более подробные выявленные связи с другими словами обыденного языка, но и указания на осмысления других философских понятий (реальность, повседневность, существование, жизнь, смерть, явь, сон и т.д.). Смысловые алгоритмы второго типа показывают в большей степени структуру категории, а также функциональные связи данной категории с другими категориями онтологии.

Четвертый шаг в построении подвижной терминологической карты: выявим круг тем, общих для философской категории «бытие» и понятий

1) **гуманитарных специальностей:** границы повседневного бытия; аномалии субъективной реальности;

2) **технических специальностей:** аномалии объективной реальности; история техники для повседневности; альтернативные реальности; инобытие техники.

Список литературы:

1. Золотухина-Аболина Е. В. Страна философия. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995 г. — 554 с.
2. Колесов В. В. Концепт культуры: образ - понятие — символ // Вестник СПбГУ. Сер. 2. СПб., 1992. Вып. 3., № 16. — 288 с.
3. Новая философская энциклопедия. В 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ. — науч. фонд; Предс. научно-ред. совета Степин В. С.. — М.: Мысль, 2000 — 2001. — Т. 1. — 674 с.
4. Словарь философских терминов на сайте «Phenomen.ru: Философия online» [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: <http://phenomen.ru/public/dictionary.php?alldictionary=1> (дата обращения 25.04.12).

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ

4.1. ИСТОРИЯ РОССИИ

ТРАНССИБИРСКАЯ МАГИСТРАЛЬ: ДЛЯ КОГО И ЗА ЧЕЙ СЧЕТ

Гилько Максим Александрович

аспирант КрасГАУ, г. Красноярск

E-mail: makgil87@mail.ru

Транссибирская магистраль, ставшая первым транспортным путем, более или менее надежно соединившим основные регионы России, до сих пор играет огромную роль в инфраструктуре страны. С этим связано и восприятие Транссиба как своеобразного «национального проекта» или «всесоюзной стройки», оказавшей положительное влияние на экономику страны и принесшей пользу всем слоям населения. Масштабы строительства неизменно вызывают ассоциации с подвигом: например, недавно популярный деловой журнал «Эксперт» статью о строителях Сибирской железной дороги включил в номер «Забывтые герои России» [8]. Вместе с тем, достаточно мало внимания уделяется вопросу, кто был непосредственно заинтересован в проведении Транссибирской магистрали, и связанной с этим проблеме финансирования данного проекта.

Строительство Сибирской железной дороги продолжалось с 1891 по 1913 гг. По первоначальным расчетам затраты на зауральскую магистраль должны были составить примерно 363 млн. руб. В действительности же имели место огромные перерасходы, многие из которых вряд ли когда-либо были подсчитаны, поскольку составление отчетных документов постоянно затягивалось на несколько лет [4, с. 293].

Согласно официальным данным, к 1903 г. на Сибирскую железную дорогу было истрачено около 540 млн. руб. К этому же времени была закончена и Китайско-Восточная железная дорога, которая обошлась еще примерно в 400 млн. руб. [7]. Разразившаяся в следующем году русско-японская война показала всю техническую

слабость магистрали, а следовательно, и необходимость дальнейших вложений. В итоге, в правительственных сводках сообщалось, что на постройку и исправление пути на территории России к 1913 г. было истрачено чуть более миллиарда рублей [7]. Если к этому прибавить стоимость КВЖД, то окажется, что изначально запланированные расходы были превышены почти вчетверо.

Витте С.Ю., когда сумма издержек приблизилась к миллиарду, заметил: «Громадность жертвы, принесенной Россией на дело сооружения Сибирского пути, которая в настоящее время очень живо чувствуется, заслоняет от глаз современников будущее значение сооружения и мешает его правильной оценке» [5, с. 190]. Несомненно, ретроспективный взгляд является более объективным. Но необходимо понять, какой ценой жителям страны обошлось строительство в то время, и что они получали взамен — т.е., установить внутрисосийскую, социальную цену магистрали.

Кроме того, вопрос источников финансирования строительства Сибирской железной дороги является важным и для установления ее международной цены и оценки места Российской империи в мировой экономике. Известно указание Николая II, что строительство должно вестись «русскими людьми и из русских материалов» [6, с. 148]. Между тем, о «русских деньгах» здесь речи не идет. Действительно, в период планирования магистрали и в первые годы ее возведения правительство внимательно рассматривало все предложения иностранных фирм, готовых вложить свои средства в концессию по постройке. Но стратегическая направленность Транссиб противоречила его передаче частному и тем более иностранному капиталу.

Сибирская железная дорога была построена под государственным руководством и на казенные средства. Важным источником их были налоги, многие из которых были введены или повышены в период с конца 1870-х до начала 1890-х гг. Эти шаги позволили бюджету в течение 15 лет получить до 1,5 млрд. руб. [1, с. 97]. Вдобавок к этому уже в первые десять лет строительства Транссиба был введен квартирный налог, увеличен промысловый и подомовый, чрезвычайно усилено обложение спиртовых напитков, усилено обложение сахара, табака, многих привозных товаров, керосина, спичек, усилен гербовый сбор [4, с. 323]. В результате, в 1903 г., в период послекризисной депрессии на заседании Государственного совета Витте С. Ю. был вынужден признать, что «обложение населения прямыми и косвенными налогами достигло крайнего предела своей напряженности... Дальнейшее обременение податных сил явилось бы мерою ... едва ли

даже вообще допустимою при существующем экономическом положении страны» [1, с. 95].

Тем не менее, собственных бюджетных средств на крупномасштабные вложения не хватало. Это подтверждается, например, тем фактом, что сразу после своего назначения министром финансов Витте С. Ю. планировал провести дополнительную эмиссию бумажных денег («сибирских» рублей) и ими оплачивать железнодорожную стройку в Сибири. Более опытные финансисты отговорили его от этого шага [1, с. 15]. При таком состоянии отечественной экономики важнейшим источником капиталов были правительственные иностранные займы.

Современные подсчеты Бовыкина В. И. показывают, что в 1893 г. в российской экономике насчитывалось 2,1 млрд. руб. иностранных капиталов, 70,6 % которых представляли собой государственные железнодорожные займы. Двадцать лет спустя зарубежные инвестиции достигли суммы в 3,7 млрд. руб., 76,5 % из них являлись правительственными займами [подсчитано по: 2, с. 105]. Согласно данным, приводимым этим исследователем, в период 1893 — 1913 гг. суммарные капиталовложения в железнодорожное строительство выросли с 2,7 до 4,9 млрд. руб., т.е. почти на 2,3 млрд., из которых собственные средства казны покрывали лишь 0,7 млрд., а остальные 1,6 млрд. приходились на иностранные капиталы.

Судя по приведенным данным, объем расходов на Сибирскую железную дорогу — около 1,5 млрд. руб. — оказался примерно равен как внутренним доходам от налогов за предшествовавшие строительству 15 лет, так и сумме иностранных займов в период строительства магистрали. Конечно, нельзя сказать, что какой-то один из этих источников полностью или оба в равной степени обеспечили казну средствами для возведения Транссиба. Такое соотношение доподлинно установить невозможно. Но сравнение этих цифр дает представление о том, чего стоил сибирский путь и в социальном, и в международном плане.

Зарубежные финансово-промышленные круги участвовали в деле строительства Сибирской железной дороги не только посредством его кредитования. Так, Мигулин П. П. — современник Витте С. Ю. — отмечал, что в 1890-х гг. было создано несколько десятков, вместо необходимых полутора десятков, частных предприятий, выпускавших материалы для железнодорожного строительства, причем многие из них имели заграничное правление. Собственных оборотных средств они не имели и поддерживались на плаву исключительно за счет огромных государственных ссуд, хотя их неэффективность зачастую была совершенно очевидна. Но эти предприятия получали выгодные правительственные заказы в ущерб казенным заводам. В результате

такой политики средства, полученные с голодающего населения или из иностранных источников под проценты, перетекали в частные карманы, а зачастую сразу же уходили за рубеж [4, с. 297, 324].

Исследователь международного значения Транссиба Борзунов В. Ф. отмечает, что роль франко-бельгийских промышленных и банковских монополий в финансировании коммерческой деятельности магистрали до сих пор не исследована [3, с. 131]. Очевидно, что для полноценного изучения этой проблемы необходим анализ зарубежных источников. Те данные, которые мы имеем, позволяют сделать следующий вывод: иностранный капитал не получил концессию на постройку Транссиба, но оказывал сильное влияние на реализацию этого проекта и извлекал из него прибыль посредством предоставления займов и создания предприятий, обслуживающих магистраль и имеющих правительственное покровительство.

Между тем, колоссальные вложения именно в транспортный сектор не случайны. На рубеже веков России стояла перед лицом многих экономико-финансовых и социально-культурных трудностей, для решения которых необходимы были комплексные меры. Требовался продуманный долговременный план действий и координация ведомств. Министерство финансов во главе с Витте предпочло более легкий путь и направило средства в строительство железных дорог, поскольку оно почти полностью зависело от этого ведомства: «ни какие-либо другие социальные или экономические реформы не занимали так нового министра финансов, как мысль о том, чтобы сделать Россию возможно более проезжей...» [4, с. 151]. Причем эта политика почти с точностью повторяла действия министерства финансов в 1870-х гг., результатом которых стало большое число убыточных частных железных дорог. И хотя в конце XIX в. предприятие принадлежало государству, к его непосредственной реализации активно привлекались частные, в том числе и иностранные капиталы.

В связи с тем, что министерство финансов в ходе железнодорожного строительства ориентировалось практически только на собственные интересы и интересы связанных с ним промышленных групп, неизбежно процветали злоупотребления и перерасходы, которые не были присущи сугубо Транссибу. То, что вовсе не нужды Сибири являлись целью строительства магистрали, видно хотя бы уже из того факта, что казна не выдала средств на форсирование объявленного Комитетом Сибирской железной дороги комплексного экономического развития региона. Не последовали капитальные вложения и от частного капитала, которому выгоднее было использовать сырьевые богатства Сибири.

Таким образом, важнейшими источниками средств для строительства Транссиба стали повышенные налоги для широких слоев населения и крупные зарубежные займы. Распоряжаясь этими средствами, министерство финансов сделало Транссиб прибыльным проектом, как для отечественных, так и зарубежных финансовых и промышленных компаний. Основная выгода досталась им в процессе возведения пути. Специальных мероприятий для нужд Сибири или для создания прочных рыночных связей между регионами проведено не было. Следовательно, можем сделать вывод, что Транссиб в этот период в значительной степени был ценен для правительства как строящееся предприятие, дающее сиюминутную прибыль, а не как элемент инфраструктуры.

Список литературы:

1. Ананьич Б. В. Россия и международный капитал. 1897—1914. Очерки истории финансовых отношений. — Л.: Наука, 1970. — 316 с.
2. Бовыкин В. И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. — М.: РОССПЭН, 2001. — 320 с.
3. Борзунов В. Ф. Транссибирская магистраль в мировой политике великих держав. В 2-х ч. — М., 2001. — Ч. 2. — 160 с.
4. Мигулин П. П. Наша новейшая железнодорожная политика и железнодорожные займы (1893 —1902). — Харьков: Типо-литография «Печатное дело» кн. Гагарина К. Н., 1903. — 360 с.
5. Пролог Русско-японской войны: материалы из архива графа Витте. — Пг.: Тип. Акц. о-ва «Брокгауз-Ефрон», 1916. — 352 с.
6. Саблер С. В., Сосновский И.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и будущем. Исторический очерк. — СПб.: Государственная типография, 1903. — 451 с.
7. Сигачев С. Цена Транссиба. Сколько стоил Транссиб для Российской нации? [электронный ресурс] — Режим доступа — URL:<http://www.transsib.ru/cat-value.htm> (дата обращения: 03.04.2012)
8. Шувалов В. Железный пояс России // Эксперт, 2011. — № 30 —31. — С. 39 —43.

У ИСТОКОВ РАДИОЦЕНЗУРЫ: ТРУХАНОВСКИЙ В. М.

Дианов Сергей Александрович

*канд. ист. наук, доцент Пермского института (ф) РГТЭУ, г. Пермь
E-mail: dianov-sa@rambler.ru*

«Больше внимания контролю за радио»... Статья с таким названием была опубликована в № 8 «Бюллетеня Главлита РСФСР и ОВЦ» за 1934 г. Автор публикации, уполномоченный Свердловского обллита Вячеслав Михайлович Трухановский, рассказывал о специфике своей работы по радиоцензуре. В частности он отмечал следующее: «Работа по контролю за радио представляет особенные трудности. И трудности эти получаются потому, что слишком многообразна и обособлена область радио» [1, л. 7].

Следует признать, что история политического контроля за такой важной технической новинкой как радио остается сегодня малоизученной. Можно назвать несколько интересных исследований по истории цензуры советского радиовещания [2]. Вместе с тем, историки цензуры подчас передают забвению антропологическую компоненту. История государственных учреждений затмевает деятельность людей, их создававших. В данной публикации освещается жизнедеятельность советского цензора Трухановского В. М., который одним из первых постигал ремесло цензуры радиовещания на Урале.

Трухановский родился 11 июля 1890 г. в г. Нижнем Новгороде в семье преподавателя земледельческого училища. Рос вместе с тремя братьями и сестрой. В 1902 г. семья переехала в Петербург, и родители определили ребенка в гимназию. Учебное заведение Трухановский В. М. закончил в 1910 г., достигнув возраста 20 лет. В этом же году молодой человек поступил на физико-математический факультет в Петербургский университет. «С этого времени я жил вполне самостоятельно, работая в Петроградских газетах в качестве корректора, выпускающего и репортера-рецензента по театрам...», — писал позднее Трухановский в своей автобиографии [3, л. 7]. В мае 1916 г. он оставил учебу и поступил волонтером в 16 Инженерно-строительную дружину Западного фронта, находившуюся в это время под Барановичами. До осени 1917 г. Трухановский работал в дружине старшим рабочим-табельщиком. Затем, вернувшись в Петроград, он решил снова учиться и поступил уже на медицинский факультет университета. Параллельно Вячеслав Михайлович был принят на работу в издательства петроградских газет «Красная звезда» и «Петроградская правда».

В январе 1918 г. Трухановский получил назначение на должность выпускающего редактора газеты «Северная коммуна». В сентябре 1918 г., осваивая восьмимесячный курс советской партийной школы, партийным комитетом ВКП (б) 1-го городского района Петрограда он был рекомендован в члены коммунистической партии.

В мае 1919 г. Трухановский В. М. был переведен из Петрограда в Вятку, заняв на новом месте должности секретаря и заместителя редактора газеты «Красный набат», органа печати 3-й армии Восточного фронта. Нередко редактор красноармейской газеты выезжал на передовую, принимая участие в боях. В один из таких жарких дней Трухановский получил контузию, и некоторое время провел в госпитале. В августе 1919 г. вместе с редакцией газеты Трухановский В. М. прибыл в г. Екатеринбург. После демобилизации по направлению Уралбюро ЦК РКП (б) в начале 1920 г. Трухановский поступил на работу в редакцию газеты «Уральский рабочий». Кроме того, некоторое время ему приходилось исполнять обязанности редактора екатеринбургской ежедневной газеты «Известия». В 1922—1924 гг. Трухановский трудился в редакциях газет «Уральская новь» и «Уральский гудок».

Работая в редакциях, Трухановский выступал и в ипостаси талантливого литератора. В своей автобиографии, датированной 20 апреля 1924 г., он писал: «Являюсь автором напечатанных в количестве более сорока рассказов, разбросанных по самым различным журналам Республики... В себе чувствую большую склонность к литературе, какую намерен развивать и дальше». Одновременно с желанием писать ему хотелось продолжить изучение медицины. «Если представится возможность, хотел бы закончить медицинское образование, ибо для литератора, по моему мнению, нужно знать и сущность человека», — писал Трухановский В. М. [3, л. 7об.]. Заметим и то, что к своим 35 годам он овладел двумя иностранными языками — немецким и французским.

В январе 1924 г. Трухановский В. М. был командирован в Тюменский округ Уральской области на должность заместителя редактора тюменской газеты «Трудовой набат». Тюменский период деятельность занял чуть более одного года. Далее последовал его перевод в Ишимский округ, где в 1925—1926 гг. Трухановский В. М. работал редактором газеты «Серп и Молот». В 1926 г. он оказался в Кунгуре и проработал здесь три года ответственным редактором окружной газеты «Искра» [4, л. 137 об.]¹³⁴. В Кунгуре же Трухановский ввязался в конфликт с местным цензором Юматовым Н. И.

Инициатором конфликта выступил редактор «Искры». 27 февраля 1928 г. Трухановский В. М. направил письмо в Уральский обллит на имя главного цензора Ланге М. Р. От имени всей редакции он подверг-

нул критике деятельность Юматов Н. И. «Контроль над репертуаром [зрелищных мероприятий] осуществляет зав. Окрлитом единолично, — писал Трухановский В. М. — В силу перегруженности он не может уделить достаточного внимания подбору репертуара. По этой причине и по ряду других подбор репертуара в Кунгуре оставляет желать лучшего» [5, л. 44]. Трухановский просил Уралобллит разъяснить вопрос, «кто и каким образом должен осуществляться контроль над репертуаром зрелищных мероприятий». Обращение редактора «Искры» рассматривалось цензурным ведомством более месяца. 4 апреля 1928 г. на имя Трухановского В. М. в Кунгур был направлен ответ за подписью начальника Уралобллита. «Контроль за репертуаром согласно существующих законоположений возлагается исключительно на органы Главлита, каковым на территории округа является окружная инспекция печати и зрелищ (окрлит)», — писал Ланге М. Р. [5, л. 54]. Копия ответа Уралобллита поступила и в окрлит. Это не могло не обострить отношения Трухановского В. М. с цензором Юматовым Н. И. Чиновники и в дальнейшем, очевидно, продолжали враждовать. Подтверждением этому является содержание секретной директивы Уралобллита от 5 сентября 1928 г., направленной в редакцию газеты «Искра». В обход окрлита Ланге М. Р. лично инструктировал Трухановского В. М. о том, как следует освещать в печати, проходившие повсеместно на территории Уральской области военные маневры РККА [5, л. 88]. Примечателен и факт того, что из Кунгура Трухановский В. М. и цензор Юматов Н. И. были переведены примерно в одно время — в первой половине 1929 г. Год спустя Юматов Н. И. возвратился в Кунгур и занял место Трухановского, получив назначение на должность редактора «Искры». В 1934 г. они станут работниками аппарата Свердловобллита, и некоторое время будут работать бок о бок.

В 1929 г. Трухановский В. М. вновь на редакторской работе в г. Свердловске. В 1930 — 1932 гг. он занимал должности редактора газет «Гудок», «Голос рабочего», а также пост заведующего уральским отделением РОСТА. В середине 1932 г. началась его работа в уральском цензурном ведомстве. В Уралобллите Трухановский трудился до ноября 1934 г., занимая должность уполномоченного при областном радиокомитете [3, л. 12 об.].

Цензура радиовещания на Урале, как и в СССР, в рассматриваемый период времени находилась фактически в зачаточном состоянии. 24 мая 1930 г. Главлит РСФСР в циркуляре № 1141/с «О контроле над радиовещанием» потребовал от своих местных органов усилить цензурный контроль за деятельностью радиоузлов, станций и обществ. «Некоторые органы Лита совершенно устранились от какого

бы то ни было предварительного или последующего просмотра радиопередач, очевидно считая, что контроль над радиовещанием не входит в круг их обязанностей» [6, л. 27]. Начальник пермского горлита Казанцев Г. С., характеризуя деятельность своих предшественников за период с 1930 по октябрь 1932 г., прямо указывал на полное отсутствие контроля за радиовещанием в г. Перми. По данным на 1 сентября 1933 г. вне поля зрения Казанцева Г. С. оставалось 13 радиоузлов, «которые имелись при некоторых предприятиях города» [1, л. 13]. «До сих пор этот участок работы почему-то отодвинут на задний план, — писал Трухановский в вышеупомянутой статье для «Бюллетеня Главлита». — Главлит, почему то особенностям радиоработы должного внимания не уделил» [1, л. 7 об.].

Свою деятельность по радиоцензуре Трухановский В. М. распределил на три основных направления:

1) ежедневный контроль за текстовым и музыкальным микрофонным материалом, передающимся в радиоэфир через радиостудии дикторами;

2) контроль за радиоперекличками;

3) контроль за радиотрансляциями из садов, клубов и т.д.

Работа цензора вносила существенные коррективы в развитие системы радиовещания на Урале. Не случайно в 1932—1933 гг. Управление Уральского округа связи НКПТ СССР периодически делало попытки ограничить полномочия цензурного органа, ссылаясь на некие «соглашения с Главлитом» [1, л. 7]. Особенно настойчиво «связисты» настаивали на освобождении от предварительной цензуры технической процедуры радиоперекличек. Большие трудности представляла собой и деятельность по контролю за трансляциями совещаний и заседаний различных советских учреждений. «Трудно остановить оратора, говорящего из зала, — замечал Трухановский. — Остается одно — выключить микрофон, а это не всегда удобно».

Размышления Трухановского В. М. получили положительную оценку со стороны руководителей Главлита. «Тов. Трухановский правильно подошел к организации цензурной работы по радио», — говорилось в рецензии на его статью в «Бюллетене Главлита РСФСР» [1, л. 7 об.]. Вместе с тем, по признанию самого уполномоченного Свердловобллита, в радиоэфир периодически продолжала попадать засекреченная информация, не подлежащая публичному освещению. Осенью 1934 г. цензор допустил серьезную оплошность: в свердловской радиогазете «Последние известия» была обнаружена «политическая ошибка». В начале 1935 г. в постановлении Первого райкома ВКП (б) г. Свердловска политредактору Свердловобллита Трухановско-

му В. М. был объявлен выговор. Разбирательство и привлечение к партийной ответственности, очевидно, сыграло решающую роль в перспективе его дальнейшей работы в цензурном ведомстве.

Покинув Свердловобллит, 15 марта 1935 г. Трухановский получил назначение на должность управляющего свердловским областным отделом «Союзкинохроники». В кинематографии он проработал до 1936 г. В документах Главлита его фигура более не упоминается.

В последующем проблемы, актуализированные Трухановским В. М., получают новое развитие. На областном совещании в июле 1934 г. в г. Свердловске было принято решение об установке на квартирах начальников райлитов контрольных радиоточек. При этом оплата за их установку и эксплуатацию возлагалась на местные радиовещательные организации. Подобные решения цензоров не могли устраивать уральские отделения связи. Конфликт интересов стал неизбежным. Примером выяснения отношений цензоров и связистов предложим считать ситуацию в Каменском районе.

20 октября 1934 г. в адрес Челябинского обллита было направлено письмо начальника Каменского райлита Пошлякова И. В.. Согласно доводам цензора, заведующие четырех районных радиоузлов были им проинструктированы о принципах цензуры микрофонного материала, радиопрограмм и пр. Кроме того, действуя согласно инструкциям Уралобллита, цензор уведомил заведующего городским радиоузлом о том, что имеющаяся у него радиоточка освобождена от абонентской платы, а все расходы по ее содержанию отныне несет сама радиовещательная организация [7, л. 20]. Ответные действия администрации радиоузлов в отношении райлита Пошляков И. В. называл «полнейшей глупостью». На «претензии» цензора связисты подали жалобу в Челябинское областное управление связи. Ответ областных чиновников был краток: никаких прав контроля над радио у райлита нет. За неуплату абонентской платы сотрудники Каменского радиоузла, несмотря на протесты Пошлякова, сняли у последнего радиоточку и предъявили квитанцию о наложении штрафа. Подобные действия, безусловно, поставили под сомнение авторитет районного цензора в местных редакциях газет, типографиях и т.д. В связи, с чем Пошляков И. В. просил начальника Челябинобллита Шмелева П. Н. разобраться в ситуации и помочь ему восстановить контроль над радиовещанием в районе. Однако обллит не спешил вмешаться в конфликт. Спустя месяц, 23 ноября 1934 г., Пошляков И. В. вторично обратился к руководству со словами: «...Нечего сказать, хорошая оперативность в работе. Однако я продолжаю ждать Ваших разъяснений, кто прав, я или отдел Челябинского радиоуправления» [7, л. 18]. К сожалению,

в нашем распоряжении нет ответного письма Челябинобллита. Ситуация же, в которую попал Пошляков, была типична и для других райлитов. В конце 1934 г. — начале 1935 г. сведения о противодействии, исходящем от связистов, приходили от цензоров Троицкого района Челябинской области, а также Коми-Пермяцкого округа, Верещагинского, Нытвенского и Сарапульского районов Свердловской области [1, д. 111, л. 49—53]. Таким образом, логично утверждать, что конфликты со связистами приводили к дезорганизации в работе цензуры.

Список литературы:

1. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 123.
2. Горяева Т. М. Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920-х — начале 1930-х годов. Документированная история. М.: РОССПЭН, 2000. 175 с.
3. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 20. Д. 5247.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 9. Д. 3644.
5. ГАПК. Ф. Р-307. Оп.1. Д. 1.
6. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-577. Оп. 2. Д. 23.
7. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 3.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1945-1953 ГГ.

Ивахненко Галина Станиславовна

*соискатель кафедры «История России» Волгоградский
государственный университет*

E-mail: GIVAHNENKO@yandex.ru

Выбор объектом исследования сельских культурно-просветительных учреждений Нижнего Поволжья в 1945—1953 гг. обусловлен рядом причин.

Во-первых, Нижневолжский регион был и остается одним из наиболее значимых сельскохозяйственных районов России, где роль сельского хозяйства и соответствующей инфраструктуры, всегда была дос-

таточно велика. Накануне Великой Отечественной войны на колхозы и совхозы региона приходилось около 6 % посевной площади зерновых культур страны и примерно 7,5 % заготовленного государством хлеба [1, с. 335]. Во-вторых, культпросвет учреждения всегда занимали особое положение в социально- культурной инфраструктуре села. Уровень их развития — это показатель уровня культуры деревни. В-третьих, восстановить хозяйство в сжатые сроки можно было только с усилением агитационно-идеологического воздействия. Общество, вышедшее из войны, было охвачено противоречивыми настроениями. И, помимо вопросов подъема экономики и создания социальных условий, в послевоенный период перед властью стояла проблема сохранения и упрочнения политического строя. По мнению историка Зубковой Е. Ю., послевоенное общество можно идентифицировать как «социум, ориентированный на выживание». Такая способность поддерживалась «как после победным оптимизмом и порожденными им надеждами, так и необходимостью противостоять послевоенным трудностям — бытовой неустроенности, голод, болезням, преступности [2, с. 81].

Это неминуемо привело к низкой обеспеченности социальных и культурно-бытовых потребностей жителей, особенно в деревне, где к недостаточному обеспечению продуктами и промышленными товарами (по крайней мере, хуже, чем в городе), добавлялась слабо развитая культурная инфраструктура.

С переходом на мирное строительство политическая и культурно массовая работа среди населения стала приобретать особенное значение. Наибольший упор партийные органы делали на активизацию избитален, восстановление которых не требовала больших материальных затрат. Сеть их в Нижнем Поволжье уже в конце войны в целом была внушительной — более 2100. Практически они имелись в каждом селе [3, с. 56].

Однако полностью осуществить план восстановления сети культпросвет учреждений в годы войны было проблематично, прежде всего, из-за слабо обеспеченной материальной базы и недостаточного финансирования, вернее, неполного освоения отпущенных средств. Например, в Сталинградской области за 1945 г. по причине отсутствия помещений совсем не работали 151 изба-читальня, 10 клубов, 32 библиотеки [4, с. 47].

Помимо недостатка помещений, культпросвет учреждения испытывали нехватку топлива, книг, периодической печати. Не было бумаги, красок, цветных карандашей, географических карт, музыкальных инструментов, подходящей мебели [5, с. 46].

Надо отдать должное, и центральные и местные партийные органы неоднократно ставили вопрос о работе культпросвет учреждений. Так, в Постановлении Совета Министров РСФСР от 21 сентября 1946 г. «О мерах помощи сельским клубам и избам-читальням» местным органам вменялось контролировать состояние культпросвет учреждений, освобождать занятые не по назначению помещения, обеспечивать топливом, мебелью, инвентарём [6, с. 140].

В соответствии с политикой центральных органов строили свою работу и местные органы власти. На заседании Сталинградского бюро обкома ВКП (б) от 21—26 июня 1947 г., Сталинградского исполкома Облсовета от 21 ноября 1947 г. прямо указывалось, что следует немедленно освободить помещения культпросвет учреждений, используемых не по назначению (склад для зерна, квартиры и т.д.) [7, с. 35].

Но, принятые областными властями решения на уровне сельских советов не всегда исполнялись. У местных советских и партийных органов не хватало средств, да и желания обустроить культпросвет учреждения. Отпускаемые ассигнования по-прежнему использовались неудовлетворительно. По бюджету Сталинградской области на нужды библиотек за 1947 г. было израсходовано 35 % ассигнований; на избы — читальни и сельские клубы 32 %. По этой причине многие здания культурно-просветительных учреждений практически весь исследуемый период не ремонтировались и оставались без оборудования. В итоге, в Михайловском районе из 5 сельских клубов не были отремонтированы — 3, из 11 изб-читален — 8 [8, с. 7].

Поэтому, в деле восстановления культпросвет учреждений большую роль сыграл энтузиазм самих колхозников. Газета «Сталинградская правда» послевоенных лет на своих страницах неоднократно рассказывала о помощи, которую оказывали активисты и сельская молодежь культпросвет учреждениям. Так, в Неткачёвском районе в Гусельском, Тетеревятском и других сельских советах с помощью общественности были отремонтированы или построены клубы. А колхозники Терещенской сельскохозяйственной артели смастерили для своей избы-читальни мебель. Силами колхозников для всех культурно-просветительных учреждений района было заготовлено топливо [9, с. 8].

Несмотря на слабую материальную базу, избы-читальни, клубы, сельские библиотеки были настоящими культурными центрами колхозной деревни. Работники этих учреждений проводили разнообразные виды мероприятий, которые с одной стороны были направлены на удовлетворение культурных потребностей сельских жителей, с другой —

обеспечивали реализацию политики партии на местах, служили определенной силой агитационного и идеологического влияния.

Прежде всего — это пропаганда задач по восстановлению народного хозяйства, разъяснение сельским труженикам постановлений февральского пленума ЦК ВКП (б) от 1947 г. «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период» и т.д. Стремясь обеспечить тружеников села в период весеннего сева, многие избы-читальни, красные уголки, колхозные клубы переносили свою работу непосредственно в поле на полеводческие станы, в тракторные и полеводческие отряды.

Большое значение имела лекционная работа, проводимая культпросвет учреждениями. При сельских клубах и избах-читальнях создавались постоянно действующие лектории, к работе в которых активно привлекались внештатные лекторы — общественники из числа сельской интеллигенции. Так, в Астраханской области в 1946 г. было создано 19 лекторских групп, в составе которых работали 624 внештатных лектора — общественника, в том числе учителя — 289, агрономы — 133, врачи и средний медицинский персонал — 179 человек [10, с. 10].

Желание сельских жителей повысить уровень знаний, и, прежде всего, агротехнических, стремление разобраться в международной политической обстановке обусловили тематику лекций. Например, в годовом заключительном отчёте Астраханского областного отдела культпросвет работы за 1946 г. указано, что большинство лекций из 2 640 было прочитано на общественно — политические темы — 1170 (44 %) и на тему сельского хозяйства — 856 (32 %) [11, с. 11].

Значительной была и сеть кружковой работы. Например, в 1950 г. в Сталинградской области было создано 2939 кружков, с охватом 56 678 человек. Многие кружки действовали на полевых станах и в полевых бригадах. Например, в Ново-Анненском районе, в ст. Филоновской из 7 имевшихся кружков, только 1 был в клубе, а остальные на станах. Руководителями кружков были агрономы, учителя и другие колхозные специалисты [12, с. 56].

Потребности сельских жителей, связанные с невысокой грамотностью, недостатком общеобразовательных знаний обусловили такие формы работы, как организация столов-справок, справочная работа в период выборов в Верховный совет и местные советы, вечера вопросов и ответов, громкая читка периодической печати и многое другое [13, с. 58 —59].

Достаточно активной была работа с молодёжью и детьми: тематические вечера, утренники, сбор лекарственных трав, привлечение к

физкультуре и спорту (волейбольные, футбольные, городошные команды), сбор колосьев, организация агитбригад и т.д.

Стоит признать, что были и недостатки в работе культпросвет учреждений. Например, количество сельской интеллигенции, привлечённой к лекторской работе, было в целом незначительным. Достаточно сказать, что из имевшихся в Астраханской области 3 400 учителей, только 8,5 % (289 человек) участвовали в распространении научно-просветительских знаний, из 1070 медицинских работников — соответственно только 17 % или 186 человек [14]. Острой проблемой был невысокий уровень образования культпросвет работников. Например, в докладе заведующего Сталинградским областным отделом культпросвет работы за 1947 г. констатировалось, что из 1354 работников культурно-просветительных учреждений — 447 (33 %) были со средним и высшим образованием, остальные 67 % — с начальным [15, с. 13—16].

В Астраханской области в 1950 г. из 497 культпросвет работников среднее образование не имели — 270 чел. (54,5 %). Причём, наибольший процент лиц со средним специальным образованием (61 %) был среди библиотечных работников. В то время, как (88 %) клубных работников из 265 не имели даже общего среднего образования [16, с. 59].

Во всех культпросвет учреждениях Саратовской области в 1948 г. работали 2 199 человек, из них 2060 (93,5 %) — в селе. Уровень образования и стаж представлен следующими цифрами: высшее образование было у 42 % культпросвет работников, среднее — у 27 %, ниже среднего — у 31 %; стаж до 1 года свыше 90 %. [17, с. 69] Т.е. большая часть культпросвет работников имели образование ниже среднего и стаж менее 5 лет, что определяло уровень работы.

Учитывая невысокий уровень образования и стажа работников культпросвет учреждений, в помощь им повсеместно были образованы советы клубов (по 7—10 человек). В состав входили председатель сельского совета, депутаты, представители педагогических коллективов, актив сельскохозяйственного производства, колхозники. Для улучшения работы в сельских культпросвет учреждениях широко был принят обмен достижениями, организация соцсоревнований, организация районных съездов специалистов-работников.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы: за 1945—1953 гг. сеть культурно-просветительных учреждений в Нижнем Поволжье в целом была восстановлена, правда в некоторых случаях формально (имеется в виду практика размещения культпросвет учреждений в непригодных помещениях). Положение культпросвет учреждений оставалось тяжелым, что напрямую было связано с общим тяжёлым

положением советской деревни и сельского хозяйства: повышением налогов, голодом, отсутствием техники, нехваткой специалистов и др.

С другой стороны, наличие этих проблем объяснялось и недостаточной заинтересованностью сельских партийных, советских и колхозных органов в расширении и укреплении сети культпросвет учреждений.

В заключение хочется заметить, что политика советского государства в отношении культурно-просветительных учреждений была непоследовательной. Власть, которая была призвана создать условия существования культпросвет учреждений, к сожалению, преследовала свои идеологические цели и в течение послевоенных лет стала превращать идейность и духовность из символов общественного служения в особые формы зависимости и подневольности, в оправдание любой идейно-лакейской посредственности. Но, идя навстречу требованиям самих жителей деревни, культпросвет учреждения всячески способствовали подъёму культурного уровня села. Такая самоотверженная многофункциональная работа может сегодня служить примером самодостаточного развития культурной инфраструктуры села.

Примечания:

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. Изд. 8-е. Т. 4. М., 1970. С. 85.
2. Зубкова Е. Ю. Общественная атмосфера после войны // Свободная мысль.-1992. — № 6. — С. 81.
3. Долгов В. М. Нижневолжская деревня в Великой Отечественной войне (партийное руководство сельским хозяйством в 1941 —1945 гг) // Под. ред. профессора В.Б. Островского. — Саратов. — из-во Саратов. ун-та. — 1993 г. С. 56.
4. Годовой отчет о работе культпросвет учреждений по Сталинградской области за 1945 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). — Ф. 113. — Оп. 14. — Д. 130. — Л. 47.
5. «О состоянии политико-просветительной работы в Сталинградской области 1947 г.» Докладная записка ст. инспектора управления политработы т. Лисовского. // ЦДНИВО. — Ф. 113. — Оп. 14. — Д. 130. — Л. 46.
6. «О состоянии и мерах улучшения культпросвет работы в области».Краткая справка к докладу зам. зав. областного отдела культпросвет работы т. Тюменева. // ЦДНИВО. — Ф. 113. — Оп. 14. — Д. 212. — Л. 140.

7. «О состоянии и мерах по улучшению работы с кадрами культпросвет учреждений области в 1947 г» Доклад зав. Сталинградским отделом культ-просвет работы т. Воскобойниковой. // ЦДНОВО. — Ф. 113. — Оп. 24. — Д. 18. — Л. 35.
8. Справка отдела пропаганды и агитации Сталинградского обкома ВКП (б) за январь 1948 г.// ЦДНОВО. — Ф. 113. — Оп. 24. — Д. 25. — Л. 7.
9. Справка отдела пропаганды и агитации Сталинградского обкома ВКП (б) за январь 1948 г.// ЦДНОВО. — Ф. 113. — Оп. 24. — Д. 25. — Л. 8.
10. Документальные материалы Астраханского областного отдела культурно-просветительской работы 1946 —1953 гг.// Государственный архив Астраханской области (ГААО). — Ф. 1871. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 10.
11. Там же Л. 11.
12. Годовой отчет о областного отдела культпросвет работы Сталинградской области за 1949 —1950 гг.// Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). — Ф. 215. — ОП. 4 — Д. 105 —Л. 54—56.
13. Там же Л. 58 —59.
14. Документальные материалы Астраханского областного отдела культурно-просветительской работы 1946 —1953 гг. // ГААО. — Ф. 1871. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 11.
15. Протокол № 517 заседания бюро Сталинградского обкома ВКП (б) от 21—26 июня 1947 г. № 12. «О состоянии и мерах по улучшению работы с кадрами КПУ области» (доклад зав. обл. отделом КПУ) // ЦДНОВО. — Ф. 113. Оп. 24. Д. 18. Л. 13 —16.
16. Годовой текстовый отчёт о работе Астраханского областного отдела культурно- просветительской за 1950 г. // Ф. 1871. —Оп. 1. — Д. 55. — Л. 59
17. Отчёт о работе Саратовского областного отдела культпросвет работы за 1947 г.// Государственный Архив Саратовской области // ГАСО. — Ф.Р. 2866. — Оп. 1. — Д. 26. — Л. 69.

Список литературы:

1. Долгов В. М. Нижневолжская деревня в Великой Отечественной войне (партийное руководство сельским хозяйством в 1941 —1945 гг) // Под редакц. профессора Островского В. Б.. —Саратов. — из-во Саратов. ун-та.-1993 г. С. 91
2. Зубкова Е. Ю. Общественная атмосфера после войны // Свободная мысль. — 1992 . — № 6. — С. 81.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. Изд. 8-е. Т. 4. М., 1970. С. 335

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ В УКРАИНЕ В СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Орлов Владлен Николаевич

*ассист. каф. ист. Украины ПНПУ им. Короленка В. Г.,
г. Полтава, Украина*

E-mail: vladlen-orlov@rambler.ru

Феномен новых религиозных движений (НРД) для Украины не является архаическим, но, просуществовав достаточный промежуток времени и пройдя длительный период адаптации, он стал неотъемлемой частью украинской государственности, и составляющей его религиозной среды. В разных регионах Украины НРД развивались на различном уровне, что продиктовало необходимость детального анализа их районирования.

Проблемой религиозно-географического районирования территории Украины занимались такие исследователи, как Ковальчук А. [3—5], Павлов С. [11—12], Шаблий О. [17], Шевчук Л. [18]. В этом разрезе следует отметить также исследования белорусского географа Озема Г. [9]. Следует заметить, что общими проблемами распространения религий в контексте общественной географии, географии культуры и регионалистских исследований, занимались Кучабский А. [6], Любицева О. [8], Мезенцев К., Ровенчак И. [15—16]. Непосредственно решение проблемы религиозного районирования НРД в Украине предложено украинскими историками Огороковой И. и Игнатушей А. [10]. Этногеографическое районирование, в частности, методология его проведение, была выработана украинским географом Днистрянским М. [1]. В контексте современного академического религиоведения выделение ряда религиозных районов было осуществлено украинским ученым Колодным А. [2; 13].

Под определением «религиозный район» следует понимать значительную часть территории Украины, объединяющую несколько областей, в пределах которых наблюдается своеобразная территориальная организация религии, обусловленная сакральной интенсивностью жизни; соотношение количества населения на одну религиозную общину; отношение количества конфессий к определенной численности населения, уровень обеспеченности культовыми объектами; наличие присущей данной территории духовной и административной иерархии [18, с. 142]. По мнению Любицевой О., к составляющей географии культуры можно

отнести географию религии, которая изучает геопространственную организацию религиозной сферы [8, с. 51].

Белорусский географ Озем Г. отметил, что сепарирование отдельных религиозно-географических районов, которые нельзя охарактеризовать как автономные и замкнутые, может показаться малокомпетентному в этом вопросе, искусственным процессом. Однако, с целью осознания различий уровня религиозности территориальных единиц, процедура территориального регионирования является оправданной и необходимой [9, с. 6].

В этом контексте необходимо проанализировать основные религиозно-географические аспекты районирования, которые существуют в научном наследии современного периода. Так, украинским географом Павловым С. предложено четыре основных религиозно-географических региона (далее — РГР) Украины:

1) Западный, включающий Волинскую, Ривненскую, Тернопольскую, Ивано-Франковскую, Львовскую, Закарпатскую и Черновицкую области;

2) Центральный, в который вошли Житомирская, Винницкая, Хмельницкая, Черкасская, Киевская и Черниговская области;

3) Южный: с Автономной Республикой Крым, Одесской, Николаевской и Херсонской областями;

4) Восточный, представленный Сумской, Харьковской, Полтавской, Кировоградской, Днепропетровской, Запорожской, Донецкой, Луганской областями [12, с. 11].

В 1999 году собственный подход к религиозно-географическому районированию, предложила Шевчук Л., состоящие из четырех религиозных районов: Западного, Центрального, Восточного и Южного. Западный: Львовская, Волинская, Ривненская, Тернопольская, Хмельницкая, Винницкая, Черновицкая, Ивано-Франковская и Закарпатская области; Центральный представлен семью областями Украины: Киевской, Житомирской, Черниговской, Сумской, Полтавской, Черкасской, Кировоградской. Восточному региону принадлежат Харьковская, Луганская, Днепропетровская, Донецкая и Запорожская области. Южный — Одесская, Херсонская, Николаевская области и Автономная Республика Крым [18, с. 144].

Украинских исследователем Шаблием О. предложено подобное РГР, которое также распределяет территорию Украины на четыре региона, однако, его важным отличием является то, что в Западном РГР было выделено пять субрегионов, в частности: Западный, который состоит из галицкого (Ивано-Франковская, Львовская и Тернопольская области); буковинского (в пределах Черновицкой области);

закарпатского (в пределах Закарпатской области) западно-волинского (в пределах Волинской и Ривненской областей); подольско-волинского (охватывающий территорию Винницкой, Житомирской и Хмельницкой областей), которые в классификации Павлова С. были отнесены к Центральному РГР. В Центральный РГР автором были отнесены Киевская, Кировоградская, Полтавская, Сумская, Черкасская и Черниговская области. Восточный РГР, по сравнению с классификацией Павлова, значительно сужен и охватывает лишь четыре административно-территориальные единицы Украины: Днепропетровскую, Донецкую, Луганскую, Харьковскую области. Южный РГР — в пределах Запорожской, Одесской, Николаевской, Херсонской областей и АО Крым [17, с. 611].

Украинских географом А. Ковальчуком было предложено следующее РГР, состоящее из девяти регионов: Галицкого (Ивано-Франковская, Львовская и большая часть Тернопольской области, не учитывая северные районы); Западно-Волинского (Волинская, Ривненская и северную часть Тернопольской области); Закарпатского (Закарпатская область); Буковинского (в пределах Черновицкой области); Волинско-Подольского, который представлен Винницкой, Житомирской и Хмельницкой областями; Центрально-Северного (Киевская, Полтавская, Сумская, Черкасская, Черниговская области и город Киев); Центрально-Южного (Кировоградская, Николаевская, Одесская и Херсонская области); Крымского (Автономная Республика Крым и город Севастополь); Восточного (Харьковская, Луганская, Донецкая, Запорожская и Днепропетровская области). Необходимо отметить, что два последних региона, содержащие наивысшую концентрацию новых религиозных движений, автором были охарактеризованы как неорелигиозные [3, с. 12—14]. Подобная сентенция выполняет аффирмативную функцию, еще раз подчеркивая гетерогенность НРД и их максимальную концентрацию на юге и востоке страны.

Заслуживает внимания этногеографическое районирование территории Украины, предложенное Днистрянским М.. Конечно, подобное районирование учитывает этнодемографический и этносоциальный фактор, однако для общего понимания методологии районирования, его стоит продемонстрировать следующим образом: Закарпатская и Черновицкая области; Волинско-Галицкий район (Волинская, Ривненская, Ивано-Франковская, Львовская и Тернопольская области); Центральный (Винницкая, Житомирская, Киевская, Кировоградская, Полтавская, Сумская, Хмельницкая, Черкасская и Черниговская области); Донецкий (в пределах Донецкой и Луганской областей); Одесский (в пределах Одесской области); Центрально-Причерноморский (Николаевская и

Херсонская области); Днепроовско-Харьковский (Днепропетровская, Запорожская и Харьковская области); Крымский (Автономная Республика Крым) [1, с. 144.].

Используя предыдущие наработки, украинские историки Огорокова И. и Игнатуша А. предложили районирование Украины не только по общим религиозно-географическим факторам, но и по уровню распространения новых религиозных движений, уделив особое внимание реконструированным (неоязыческим) НРД. Согласно данному структурированию, Западный регион включает Ивано-Франковскую, Закарпатскую, Тернопольскую, Волинскую, Львовскую, Ривненскую, Хмельницкую, Черновицкую области. Центральный регион: Киевская, Житомирская, Черниговская, Сумская, Винницкая области; Южный регион: Николаевская, Днепропетровская, Кировоградская, Одесская, Запорожская, Херсонская области и Автономная Республика Крым; Восточный регион: Донецкая, Луганская, Харьковская области [10, с. 140]. Характерно, что в представленном районировании неопределенной остается позиция относительно Полтавской области, которая находится на границе религиозных районов, и поэтому исследователи не нашли четких признаков ее принадлежности к данному распределению, что повлекло ее отсутствие в РГР. Особое место в данном районировании принадлежит городу Киеву, так как на его территории происходит значительное распространение НРД.

Среди религиоведов первым исследователем, который предложил собственный взгляд на регионализацию территории Украины, используя фактор распространения НРД, является украинский ученый Колодный. Учитывая комплекс исторических, этнографических, хозяйственных и ряда других факторов, им предложен следующий подход к районированию Украины, состоящий из 12 основных районов, в частности: Волинь (Волинская и Ривненская области); Север (Киевская, Житомирская, Черниговская области и город Киев); Слобожанщина (Сумская и Харьковская); Галичина (Ивано-Франковская, Тернопольская, Львовская); Закарпатье (Закарпатская область); Буковина (Черновицкая); Подолье (Хмельницкая и Винницкая); Степь (Кировоградская, Полтавская и Черкасская); Юг (Одесская, Николаевская, Херсонская); Восток (охватывает территорию Донецкой и Луганской областей); Крым (в рамках Автономной Республики Крым) [2, с. 145].

На основе полученных результатов, используя статистические данные за 2010 год [13; 14], можно сделать попытку районирования территории Украины по принципу распространения новой религиозности. Статистические сведения о религиозных общинах НРД в Украине, как на общегосударственном, так и на региональном уровне,

являются несовершенно, нецелостными, что проявляется в отнесении представленных религиозных общин к категории «другие религиозные движения» наряду с традиционными для Украины конфессиями. Процесс статистического учета религиозных общин Украины требует дальнейшей доработки и усовершенствования, в частности создания, наряду с категорией «Православие», общей категории «Новые религиозные движения». Предлагается вниманию читателя следующее авторское религиозное районирование территории Украины, которое представлено четырьмя районами: Закарпатским, Западным, Центральным и Юго-Восточным.

Закарпатский регион сформирован в рамках Закарпатской области. Основанием выделения в отдельный регион является достаточно высокий уровень наличия НРД, в том числе, вестернизированных (неохристианских), которые имеют высокую концентрацию в данном регионе. Например, из 49 общин (на 1 января 2010 года) религиозных организаций Церкви Живого Бога, 43 сосредоточены именно в Закарпатской области, что составляет 87,76 % от общего их количества.

Западный охватывает территорию Волынской, Ивано-Франковской, Львовской, Ривненской, Тернопольской, Хмельницкой и Черновицкой областей. Эти семь регионов Украины отличаются достаточно низким уровнем распространения НРД. В нем можно выделить подольско-буковинский субрегион (Хмельницкая и Черновицкая области), который отличается несколько более высоким уровнем распространения новой религиозности.

Центральный регион охватывает территорию девяти административно-территориальных единиц (Винницкая, Житомирская, Киевская, Кировоградская, Полтавская, Сумская, Черкасская, Черниговская и город Киев). Этот регион, по сравнению с Западным, отличается более высоким уровнем концентрации общин НРД. В частности, следует отметить, что в Винницкой, Киевской, Черкасской областях и городе Киеве наблюдается значительный процент присутствия НРД. Например, из 635 религиозных общин Церкви Полного Евангелия, 181 община (28,5 %) сосредоточена именно в этом регионе.

Юго-Восточный регион, территориально, является наибольшим. Он охватывает десять административно-территориальных единиц (Автономную Республику Крым, Днепропетровскую, Донецкую, Запорожскую, Луганскую, Николаевскую, Одесскую, Харьковскую, Херсонскую области и город Севастополь). Для этого региона характерным является высокий уровень представительства различных НРД, в частности, вестернизированных, реконструированных и

неоориентальных. Настоящим лидером по численности новых религиозных движений общегосударственного и регионального уровня, является Донецкая область. Так, представительство Церкви Креста составляет 61 общину, что соответствует 74,39 % общегосударственного представительства. Однако, выделение Донецкой области в отдельный религиозный район нецелесообразно, потому что соседние области, Днепропетровская и Запорожская, также представляют значительный процент присутствия НРД. Например, из 166 общин Украинской христианской евангельской церкви — 125 (75,3 %) имеют свое представительство в Юго-Восточном регионе.

Украинский историк Литвин В., отмечая рост новой религиозности за годы независимости Украины, зафиксировал их концентрацию (почти 75 % представительств) именно на юго-востоке государства [7, с. 308]. Эта позиция является наиболее удобной, поэтому распределение данного региона на восточный и южный, или дробление на микро-регионы, не целесообразно.

Таким образом, можно констатировать, что в современных научных исследованиях особое внимание уделено проблеме распространения и концентрации НРД в Украине. Данная проблематика является предметом исследования историков, географов и религиоведов, что и обуславливает многообразие позиций относительно районирования территории Украины.

Список литературы:

1. Дністрянський М. С. Етногеографія України: навчальний посібник — Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2008. — 232 с.
2. Історія релігії в Україні : у 10 т. / за ред. Колодного А. ; редкол.: Колодний А. (голова) [та ін.] — К., 2010. — Т. 8: Нові релігії України. — 828 с.
3. Ковальчук А. С. Географія релігії в Україні. — Автореф. дис. ... 11.00.02 — Львів, 2000. — 20 с.
4. Ковальчук А. С. Географія релігії в Україні : монографія — Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. Івана Франка, 2003. — 308 с.
5. Ковальчук А. С. Релігійно-географічне районування: критерії і показники // Український географічний журнал. — 2000. — № 3. — С. 40—43.
6. Кучабський О. Г. Релігійна сфера обласного регіону: трансформація і територіальна організація (на матеріалах Львівської області) : автореф. дис. ... 11.00.02 — Львів, 2000. — 20 с.

7. Литвин В. М. Україна на межі тисячоліть (1991 —2000 рр.) — К.: Видавничий дім «Альтернативи», 2000. — 360 с. — («Україна крізь віки»: в 15 т. ; т. 14).
8. Любіцева О. О. Місце географії культури в системі географічних наук та її структура // Український географічний журнал. — 2009. — № 2. — С. 48—51.
9. Озем Г. З. Территориальная структура религиозной сферы и конфессиональное районирование Белоруси: автореф. дисс. ... 25.00.24 — Минск, 2010. — 22 с.
10. Огорокова І. Г., Ігнатуша О. М. Особливості регіонального поширення нетрадиційних релігій та неоязичництва в сучасній Україні // Наукові записки історичного факультету Запорізького державного університету. — Вип. XXII. — Запоріжжя: Просвіта, 2008. — С. 139 —142.
11. Павлов С. В., Мезенцев К. В., Любіцева О. О. Географія релігій : навчальний посібник [для студентів географічних і філософських факультетів вищих навчальних закладів] — К.: АртЕк, 1999. — 504 с.: іл.
12. Павлов С. В. Організація релігійно-географічної сфери України : автореф. дис. ... 11.00.02 — Львів, 1999. — 18 с.
13. Релігійна мережа України // Історія релігії в Україні : у 10 т. / за ред. Колодного А. ; редкол.: Колодний А. (голова) [та ін.]. — К.: Український видавничий консорціум, 2011. —Т. 7: Релігійні меншини України. — С. 593—599.
14. Релігія і влада в Україні: проблеми взаємовідносин. Інформаційно-аналітичні матеріали до круглого столу на тему: «Державно-конфесійні відносини в Україні, їх особливості і тенденції розвитку» (Київ, 8 лютого 2011 р.). — К., 2011. — 82 с.
15. Ровенчак І. І. Географія культури: проблеми теорії, методології та методики дослідження : автореф. дис. ... 11.00.02 — Львів, 2010. — 32 с.
16. Ровенчак І. Українська географія релігії: історія формування та предмет дослідження // Історія української географії. Всеукраїнський науково-теоретичний часопис. — Тернопіль: Підручники і посібники, 2003. Випуск 2 (8). [електронний ресурс] — Режим доступу до журн. — URL:<http://ukr-tur.narod.ru/istoukrgeo/allpubl/antropos/ukgeorelig.htm>.
17. Шаблій О. І. Суспільна географія: теорія, історія, українознавчі студії — Львів: Львівський національний університет імені Івана Франка, 2001. — 744 с.
18. Шевчук Л. Т. Сакральна географія : навч. посібник — Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 1999. — 160 с.

4.2. ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

ОБ ИЗУЧЕНИИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ В АМЕРИКАНСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ В 40-Е — 50-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Лебедева Анна Ильинична

*кандидат исторических наук, ФГБОУ ВПО «Камчатский
государственный университет имени Витуса Беринга»,*

*г. Петропавловск-Камчатский
E-mail: lebedevaanna@yandex.ru*

Вторая мировая война и изменившаяся международная обстановка после ее окончания послужили импульсом к началу энергичного и всестороннего изучения Советского Союза в США. Вопрос о развитии русистики и советологии в США достаточно широко представлен в отечественной и американской историографии. Работы советского периода имеют отчетливо идеологический характер, но в последнее время появились и новые научные исследования по данной теме [2, 3, 4, 7, 8, 9]. Американская историография становления и развития русистики и советологии в США весьма обширна. Пристального внимания заслуживает статья Эммонса Т., опубликованная в 1995 г. на страницах «Американского исторического обозрения», в которой дается анализ исследований по истории России/СССР, опубликованных в этом журнале и других изданиях [14]. Некоторые работы американских историков, посвященные развитию российских исследований в США, опубликованы в отечественных научных периодических изданиях [10, 11].

Первые шаги в преподавании российской истории в университетах США были сделаны на рубеже XIX — XX вв., однако какого-либо значительного интереса со стороны американцев к нашей стране до второй мировой войны не наблюдалось. Рост интереса к победителю нацистской Германии и одновременно основному оппоненту Запада — Советскому Союзу, привел к тому, что во второй половине 40-х — 50-е годы в США активизировались исследования в области российской истории. Одновременно с этим многие высшие учебные заведения стали включать в свои учебные планы курсы по истории нашей страны. Более популярным стало изучение студентами-историками русского языка, поскольку многие из них выбирали в качестве специализации проблемы российской или советской истории.

В рассматриваемый период в университетах США активно развивались т.н. региональные исследования (Area Studies), целью которых было комплексное изучение разных стран и частей мира. Отечественные и зарубежные исследователи отмечают, что для второй половины 40-х — 50-х годов XX в. характерно фокусирование внимания на изучении литературы, языков и истории [6, 12].

Преподавание истории России/СССР осуществлялась в высших учебных заведениях разных типов: двухгодичных колледжах, колледжах свободных искусств, педагогических колледжах и крупных университетах. В большей степени преподавание этих курсов реализовывалось в специальных центрах и институтах, созданных при крупных университетах, которые сочетали исследовательскую и образовательную деятельность, поскольку в американской высшей школе наука и образование традиционно взаимосвязаны. Эти институты и центры в первую очередь готовили магистров и докторов. Активной работе данных учреждений способствовало солидное финансирование, которое осуществлялось, в указанный период, прежде всего, частными благотворительными фондами.

Рост внимания к преподаванию российской истории проявлялся не только в подготовке специалистов с докторскими степенями. В послевоенный период существенно увеличилось число курсов по истории России и СССР на первой ступени высшей школы, т.е. при подготовке бакалавров, специализировавшихся в области гуманитарных или социальных наук. На рубеже 40-х — 50-х годов федеральным ведомством образования была проведена серия исследований учебных планов для бакалавров в различных типах колледжей и университетов [16, 17, 18]. Из большого перечня представленных в этих учебных планах курсов, можно выделить группу предметов по истории одной страны. Например, в 110 колледжах свободных искусств среди подобных курсов наиболее популярными были история США (100 % учебных заведений), Англии (97 %), России (24 %). Помимо этих предложений, число курсов по истории одной страны было незначительным [18, с. 201]. Из 191 педагогического колледжа историю США предлагали в 99,5 % учебных заведений; Англии — в 64 %; России — в 18,8 %; Франции — в 2,6 %; Германии — в 3,2 % [16, с. 32]. Исследование 77 Лэнд-грант колледжей и университетов штатов показало, что историю США читали во всех университетах и колледжах; Англии — в 55 %; России — в 39 %; Франции — в 10,7 %; Германии — в 15 %; Испании — в 6,9%; Италии — в 3,8 %; Китая — в 6,1 %; Японии — в 5,4 % [17, с. 70].

Все вышеперечисленные исследования основаны на разной выборке учебных заведений, но даже при этом прослеживается определенная тенденция, которая показывает, что курс по истории России/СССР устойчиво занимал третье место (после истории США и Великобритании) по количеству предлагавших его учебных заведений. Что же касается количества часов, выделявшихся на изучение российской истории, то оно также превышало часы, отводившиеся для знакомства с историей Франции, Германии и других стран, за исключением США и Великобритании. В конце 1950-х годов комиссия Американской исторической ассоциации, изучив содержание высшего исторического образования, пришла к выводу, что к 1958 г. из 502 колледжей и университетов, охваченных исследованием, 18 % увеличили учебную нагрузку на изучение курсов по истории России/СССР и стран Восточной Европы [15, с. 74].

И все же основной акцент делался на подготовку специалистов-докторов, которые в дальнейшем должны были заниматься преподавательской деятельностью или работать в правительственных и коммерческих организациях. По данным комиссии Американской исторической ассоциации в рассматриваемый период больше всего докторов в области истории выпускали университеты северо-восточных штатов страны. Эти штаты лидировали и в подготовке докторов, специализировавшихся по российской истории [15, с. 28]. Из 77 университетов, предлагавших докторские программы по истории в 1950-е годы, история России/СССР читалась в качестве вводного курса в 22 % из них, в 82 % учебных заведений этот предмет предлагался как курс повышенного уровня для наиболее способных студентов первой ступени высшей школы и студентов исследовательских школ, и в 27 % — в качестве курса третьего уровня, предназначенного только для студентов, обучавшихся по магистерским и докторским программам [15, с. 123]. Эти цифры, на наш взгляд, говорят о том, что российская история преподавалась на относительно высоком уровне. Если говорить об изменениях, произошедших в предложении курсов по интересующей нас тематике за десять лет (1948 —1958 гг.), то в отчетах этих же 77 учебных заведений, представленных комиссии в 1958 г., 18 раз встречается упоминание о росте количества курсов по данной тематике и ни разу — о сокращении [15, с. 124].

Среди университетов, осуществлявших подготовку специалистов по российской истории, в указанные годы лидировали Колумбийский и Гарвардский. Первый — в подготовке специалистов по российской тематике в целом, второй — в подготовке докторов в области истории России и СССР. Число докторских диссертаций по российской и

советской истории, защищенных в 1940 —1958 гг., достигло в Гарвардском университете 30; Колумбийском — 21; Калифорнийском университете в г. Беркли — 10; Йельском — 9 [13]. Примечательным является тот факт, что наиболее успешная школа американских русистов в Гарварде была основана русским историком-эмигрантом Карповичем М. М., под руководством которого только в 1950-е годы подготовили и защитили свои диссертации такие известные историки-русисты, как Раев М. (1951 г.), Малиа М. (1951 г.), Хеймсон Л. (1951 г.), Персен У. (1953 г.), Талер Р. (1955 г.), Салливан Дж. (1955 г.), Мендел А. (1957 г.), Роджер Дж. (1957 г.), Адлер Ч. (1958 г.) и др. [2, с. 11].

Если рассматривать динамику развития российских исследований в США, то по сравнению со второй половиной 1940-х годов, 1950-е годы отличались замедленными темпами, что сказалось, в частности, на подготовке специалистов по истории России/СССР. Основной причиной была Холодная война, которая с одной стороны усиливала интерес к СССР, а с другой приводила к вражде, мешала контактам, способствовала упрощенным оценкам, которые давались друг другу противоборствующими сторонами, что, в свою очередь, тормозило развитие полноценных исследований. Первый искусственный спутник Земли, запущенный Советским Союзом в 1957 г. дал новый импульс развитию русистики. Мы видим, таким образом, что начало серьезному развитию русистики, а вместе с тем и подготовке специалистов по российской истории в США, относится к послевоенному времени. Ухудшение отношений между Вашингтоном и Москвой в конце 40-х — начале 50-х годов XX в., с одной стороны, обостряло интерес американцев к прошлому страны-соперницы, а, с другой, вело к взаимному отторжению двух конкурентов за влияние в мире. Запуск советского спутника, на наш взгляд, усилил первую тенденцию и ослабил вторую.

Список литературы:

1. Блинкин Я. А. Как в США готовят «специалистов» по истории СССР? // Вопросы истории. — 1972. — № 10. — С. 163 — 169
2. Болховитинов Н. Н. Роль русских историков в становлении русистики в США // Вопросы истории. — 2001. — № 4. — С. 3 —20.
3. Болховитинов Н. Н. Русские ученые-эмигранты (Вернадский Г. В., Карпович М. М., Флоринский М. Т.) и становление русистики в США. М.: РОССПЭН, 2005. 139 с.
4. Козьяков В. Н. Формирование русских исследовательских центров в Колумбийском и Гарвардском университетах в 1945—1948 гг. // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. М., 2002.

5. Краснов И. М. Изучение истории СССР в США: некоторые цифры и факты // История СССР. — 1964. — № 6. — С. 166—183.
6. Милякова Л. Б. «Русские» центры при университетах США // Славяноведение и балканистика в зарубежных странах. М.: Наука, 1983. С. 49—66.
7. Некрасов А. А. Становление и этапы развития западной советологии: текст лекций. Ярославль. 2000. 68 с.
8. Петров Е. В. История американского россиеведения: учеб. пособие — СПб: Б.И., 1998. 214 с.
9. Петров Е. В. Основные этапы становления и развития в университетах США типового направления «American Research on Russia» // Проблемы славяноведения: труды центра славяноведения. 2000. Вып. 2.
10. Малиа М. В поисках истинного Октября (Размышления о советской истории, западной советологии и новой книге Ричарда Пайпса) // Отечественная история. — 1992. — № 4. — С. 178—187.
11. Рибер А. Изучение истории России в США // Исторические записки. — № 3 (121). — 2000. — С. 65—105
12. Atkinson D. Soviet and East European Studies in the United States // Slavic Review. — Vol. 47. — № 3 (Fall 1988). — P. 397—413.
13. Dossick J. J. Doctoral Research on Russia and Soviet Union. N.Y.: New York University Press, 1960. 248 p.
14. Emmons T. Russia Then and Now in the Pages of the American Historical Review and Elsewhere: A Few Centennial Notes // AHR. — Vol. 100. — № 4 (October 1995). — P. 1136—1149.
15. Perkins D., Snell J. The Education of Historians in the United States. N.Y.: McGraw-Hill, 1962. 244 p.
16. Sanders Jennings B. Undergraduate History Curriculum in Teachers Colleges // Higher Education. — Vol. 6. — № 3 — (Oct. 1949). — P. 31—34.
17. Sanders Jennings B. Undergraduate History Curriculum in the 94 Land-Grant Colleges and State Universities // Higher Education. — Vol. 6. — № 6 (Nov. 1949). — P. 67—71.
18. Sanders Jennings B. The History Curriculum in 110 Privately Controlled Liberal Arts Colleges: A Summary // Higher Education. — Vol. 6. — № 17 (May 1950). — P. 201—202

ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ВИШИ 1944—2000-Е Г.Г.

Поддубная Александра Антоновна

*студент 4 курса, Уральский Федеральный университет им. Первого
Президента России Ельцина Б. Н., г. Екатеринбург*

Бабинцев Владимир Алексеевич

*канд. ист. наук, доцент, Уральский Федеральный университет
им. Первого Президента России Ельцина Б. Н., г. Екатеринбург
E-mail: Alex.poddub@gmail.com*

22 июня 1940 года в Компьенском лесу подписан акт о капитуляции Франции, предусматривавший расчленение страны: на двух третях территории (северные и западные департаменты) устанавливался немецкий оккупационный режим, а южная часть и колонии сохраняли суверенитет под властью французского правительства. Последнее собралось в курортном городке Виши и дало «зеленый свет» на изменение конституции Третьей Республики. Текст нового устройства государства провозглашал лозунг «Труд, семья, отечество», а вся полнота власти переходила к «главе государства» маршалу Анри Филиппу Петену. Премьер-министром становится Пьер Лаваль. (Параллельно в Лондоне Де Голль активно формирует движение Свободная Франция). Виши тесно взаимодействует с Германией: предоставляет материальные и людские ресурсы, формирует Французский союз ветеранов для наведения порядка и истребления инакомыслия, т. ж. принимает ряд антисемитских законов и законов против иностранцев, занимается депортацией в Германию «неприемлемых» общественных элементов. В 1942 году из-за успехов союзников в Северной Африке нацисты оккупируют всю территорию Франции. С 1943 режим ужесточается: появляется Милиция, задачи которой истреблять «терроризм» — отряды Сопrotивления и «язву еврейства». Тем временем наступает 1944 год, отряды Сражающейся Франции разворачивают масштабную борьбу на территории Франции, 6 июня, в «День Д» союзники высаживаются в Нормандии. Немцы, ощутив горящую под ногами землю, отстраняют Петэна с Лавалем от власти и сажают под арест. 25 августа 1944 года происходит Освобождение Парижа, режим Виши объявляется незаконным и нелегитимным [5]. События укладываются в рамки 1940—1944 г.г., но современные исследователи считают, что Виши уникальный феномен и этими рамками ограничиваться не стоит. Он включает в себя последствия событий 1939 г. и военные действия 1940 в Западной Европе, события 1940—1944,

«чистки», последовавшие за Освобождением, амнистии 40-х и 50-х г.г., судебные процессы и «охоту» за военными преступниками [7: 496—497] (1944—1998). Также Виши это конструкт ментального мира, формирование которого рука об руку идет с событиями мира реального. Оно начинается с развертывания двойственного процесса чисток-амнистии.

«Стихийная чистка» стартует 6 июня, когда местные ячейки Сопrotивления, организовав восстание, перешли к самовольным расправам. С 31 августа они начали создавать собственные военные трибуналы, так называемые «чрезвычайные суды» ФФИ, которые действовали по 15 октября. В ноябре 1944 года учреждаются специальные судебные органы для рассмотрения дел об измене и коллаборационизме. С марта 1945 г. начинает работу Верховный Суд, специально учрежденный для разбора преступлений первых лиц государства: его глав, глав правительства, министров и пр. [1: 214—215; 230—232]. Самыми яркими стали процессы Петэна 23 июля — 17 авг. 1945 г. и Лавала 4—9 окт. 1945 года и пр. Со второй половины 1946 года начинается третий этап рассмотрения дел, представляющий меньший интерес [9: 332] и предпоследний этап чисток. На основе материалов судебных процессов будет строиться официальная версия истории.

20 июня 1948 г. в Вердене Де Голль внезапно отдает честь Маршаллу как спасителю Отечества во время Первой мировой. С этого момента берет отсчет процесс реабилитации и амнистии. В продеголлевском издании появляется статья полковника Реми, употребившего метафору лука с двойной тетивой. Лук — это Франция, а тетивы — это Петэн и Де Голль, обе были необходимы для того, чтоб страна могла выжить. Бывшие вишисты начали активно появляться в свете, выступать на банкетах, читать лекции, печатать мемуары и пр. Все эти события отчасти можно связать с развернувшейся контрчисткой внутри рядов Сопrotивления и преследованием коммунистов. Но в большей степени это было обусловлено внешнеполитической обстановкой: Холодная война заставила объединить общество и бросить основные силы на реконструкцию страны [1: 357—358].

К декабрю 1949 года начинается последняя фаза чисток: правительство готовит приказ об амнистии мелких чиновников. К октябрю 1952 г. из 39 тыс. человек было приговоренных к разным срокам тюремного заключения осталось в тюрьмах 1 тыс. 570 человек. Из 40 тыс. тех, кто был лишен гражданских прав, в этом статусе пребывало около 10 тыс. человек. В 1951—1953 г. были приняты два закона об амнистии, в результате чего процесс интеграции вишистских элементов в общество завершился [5: 6—7; 9: 316—332].

Для закрепления официальной версии истории вскоре после Освобождения создан Комитет по истории второй мировой войны при премьер-министре Франции. Основателями комитета были известные историки Февр Л., Ренувен П., Лябрусс Э. и др., генеральным секретарем являлся профессор Анри Мишель. Здесь сформировалось 2 официальных направления: воспевающее героический «Дух Сопротивления» и его борьбу с вишистами и оккупантами и пытавшееся оправдать Виши направление. Его появление было продиктовано амнистиями и компромиссом, санкционированным свыше. Наиболее видной фигурой этого направления был Робер Арон, создавший труд «История Виши» (1954) [2]. Книга написана исключительно на французском материале: показаниях с «маленьких Нюрнбергов», мемуарах, дневниках, устных воспоминаниях. Здесь сформированы основные постулаты — мифологемы о событиях 1940—1944 г.г.

Перемирие 1940 г. носило вынужденный характер: Петэн пришел к власти, чтоб сохранить порядок, законность и обеспечить целостность нации и государства (включая управление колониями, чьи ресурсы позволяли нормально функционировать метрополии). Новое правительство было призвано защитить страну от произвола оккупантов. Мнимая лояльность Рейху видных деятелей режима являлась на самом деле саботажем требований оккупационных властей. Но некоторые жесткие поступки объяснялись усиленным давлением со стороны Германии. Главным злодеем и заядлым коллаборационистом был премьер-министр Пьер Лаваль. Таким образом, оккупированная Франция ведет «двойную игру» — Лаваль улыбается немцам, а Петэн, прикрывая тылы, совместно с антигитлеровской коалицией разрабатывает план контратаки Рейха.

Эти почти канонические положения сохранялись в неприкосновенном виде до 1972 года. Имя Роберта Пакстона ознаменовало смену поколения научной элиты, а вместе с этим и переломный момент в контексте вопроса исторической памяти. В 1972 этот «молодой американский ученый» выпускает монографию «Виши: Старая Гвардия и Новый порядок». Почти сразу же, в 1973 году следует французский перевод. Момент был выбран крайне удачно: в 1970 году скончался Шарль де Голль, символ незыблемости голлистского мифа, в 1972 г. в свет вышел фильм Марселя Оффуса «Грусть и жалость», интерпретировавший обстановку во Франции как гражданскую войну. Кроме того, Жорж Помпиду публично даровал прощение Полю Тувье, видному члену вишистской Милиции. Теперь книге Пакстона суждено было стать символом коренного перелома в осознании французами своего прошлого. Но монография не была рассчитана на массовую

аудиторию, поэтому основными ее потребителями стала интеллектуальная элита: ученые, журналисты, общественные деятели. Тем не менее, книга произвела эффект «разорвавшейся бомбы». Каждое мало-мальски значительно французское издание публиковало рецензию, сам автор стал человеком года в научных кругах, а его имя почти стало нарицательным.

Пакстон впервые к исследованию привлек материалы немецких архивов. Кроме того, он тщательно проанализировал образы Виши в историографии и создал первую цельную концепцию Французского государства в 1940—1944 г.г. Книга буквально разгромила ряд мифологем, позволявшим изгнать из коллективной памяти, либо подавить воспоминания о негативных моментах Виши. Автор установил, что коллаборационизм не был навязан Франции нацистами, инициатива сотрудничества исходила от французоз, что часто отрицал Гитлер. Истоки как ни странно, эндогенны. Со времен Великой Французской революции в развитии страны существуют две традиции: революционная и патриархальная. Ценности первой были провозглашены как знаменитый лозунг: «Свобода, равенство, братство», ценности второй выразила Национальная революция Филиппа Петэна: «Семья, труд, Отечество». Основным фактором для выбора индивида становились его собственные взгляд, а не вопрос выживания. Петэн был точно таким же коллаборационистом и стремился сотрудничать с Германией, как и Лаваль. Нежелание проливать кровь на французской земле исключало существование какого-то ни было плана высадки союзников. Концепция «двойной игры» оказалось несостоятельной. Отряды вишистской милиции активно боролись с маки, коммунистами, агентами большевизма и прочими элементами [11: 291—294; 8; 13: 763—765].

Продолжает традицию Пакстона Анри Руссо. Работа 1987 г. «Синдром Виши» оказалась новаторской не только в области методологии, но и в области предмета исследования, в качестве которого предстает коллективная память. Автор показывает, что в этом контексте Виши предстает как коллективный невроз, навязчивая идея трагичного прошлого. Руссо анализирует различные формы выражения и векторы коллективной памяти Виши и предлагает периодизацию с 1944 года, с выделением четырех основных фаз; «Неоконченная скорбь» (1944—1954); «Вытеснения» (голлистского экзорцизма) (1954—1971); «Расколотое зеркало» (или «Возвращение вытесненного») (1971—1974) и «Одержимость» после 1974 года до наших дней [6]. На первом этапе перестройка памяти осуществляется на основе дуального процесса чистки-амнистии. Создается коллективное воспоминание при помощи энтузиазма, связанного с Освобождением: теперь нация —

победительница может смело утверждать, что Виши был нелегитимен и недействителен. Автор подчеркивает, что в период 1940—1944 шла полномасштабная гражданская война, не противостояние Соппротивление — коллаборационизм, нечто более страшное, расколовшее всю французскую нацию [10: 2—5]. Поэтому логическим завершением этого процесса стала амнистия, подразумевающая примирение граждан и гражданский мир [4: 626]. Законы об амнистии, изданные между 1951 и 1953 [10: 9] годами, оказались частью традиции, которая существовала во Франции после каждого кризиса единства. Они были направлены на то, чтоб вытеснить индивидуальные проступки и воспоминания. По мнению Поля Рикера, это своеобразная «юридическая амнезия» [4: 624; 626—627]. Напротив, Руссо отмечает, что проекта создания затяжной амнезии у новой власти не было. Эта операция была необходима, скорее, для быстрой интеграции бывших вишистских элементов в общество при восстановлении страны в условиях Холодной войны. Последствия Освобождения, чистки, представляют собой компромисс: проработав наиболее острые моменты Виши, власть не отвергает многие коллаборационистские элементы, а создает так называемый голлистский консенсус.

На втором этапе «Вытеснения» или голлистского экзорцизма доминирующие коллективные памяти (коммунистов и голлистов) занимаются формированием коллективных памятей прочих слоев населения. Специально для этого создаются типовые модели героического прошлого. Каждый индивид должен пересмотреть свой личный опыт в Виши в связи с ними. Но «за бортом» остаются те, чья судьба не писывалась в героические модели — к примеру, военнопленные, узники концентрационных лагерей, да и прочие слои населения, те, кто просто не хотел выделяться среди нации, либо не удостоился особой судьбы. В основном, воспоминаниях таких элементов были подавлены, а частично и вовсе вытеснены. Тем не менее, экзорцизм призван создать коллективное чувство, что Франция является державой-победительницей во Второй Мировой войне. По мысли Руссо, миф о единой Сражающейся нации под руководством Де Голля позволил стране занять место в Совбезе ООН с правом вето, т.е. активно влиять на мировую политику [10: 8—9].

Но вскоре вытесненное и подавленное прошлое буквально «взрывается»: происходит диссенсус между различными векторами коллективных памятей. Наступает третья фаза, фаза «Разбитого зеркала»: вскрываются эндогенные мотивы коллаборационизма в контексте реванша патриархальной традиции, общество вспоминает так же об исконно французском антисемитизме. Таким образом,

голлистский миф оказывается, подорван, консенсус, до поры до времени удерживавший единство общества, рухнул [10: 10; 4: 621—624].

Четвертый этап или «Одержимость» подробно раскрывается в работе «Прошлое, которое не проходит» (1994). Синдром Виши эволюционировал, точнее точка критического осмысления ряда событий сдвинулась дальше: рефлексия коснулась процесса Освобождения. Насколько были адекватными материалы, полученные на показательных процессах 40-х, можно ли на них строить интерпретацию периода Виши. Недавние процессы Тувье и Папона ставят вопрос, а не пересмотреть ли корректность проведения «чистки», или же наоборот, молчать, перевернуть страницу истории, прекратить «отложенное правосудие», ставшее рудиментом. Руссо настаивает на несогласованности, незаконченности «чистки»: она не дала понять истинную природу государственного антисемитизма, осознать роль Виши должным образом [10: 6]. Анализируя события 1974—1994 годов в контексте методологии «Синдрома Виши», автор замечает, что прошлое помогает создавать наш ментальный мир. За 20 лет основными направлениями рефлексии остались все те же Еврейский вопрос, геноцид и коллаборационизм, однако, приобрели иные масштабы. В процесс переоценки прошлого вовлечены официальные лица, медиа, ученые, общество требует раскрыть многие государственные тайны, дать официальную оценку событиям, что влияет и на систему правосудия, процесс образования, политику коммемораций, создание музеев, установку памятников [10: 11—16]. Тем самым общество пытается вытеснить остатки травматической памяти, появляется так называемая «проработка» наиболее болезненных моментов, которая поднимается до национального приоритета.

Пик исследований в духе методологии Руссо приходится на середину 90-х г.г. Параллельно зарождается «ревизионизм «ревизионизма»», который ставит под вопрос существование коллективного нервоза и «одержимости» травматическим опытом прошлого. Такое направление представляют ученые англоязычных стран: Англии, Америки, Канады, такие, как Бертран Гордон М., Маруф Хэйзен и пр. «Нулевые» ознаменовались исследованием отдельных проблем: повседневной жизни в оккупации, травматического опыта определенных регионов, репрессий в отношении отдельных групп населения и историями единичных человеческих судеб. Появляется целая плеяда англоязычных авторов: Кармен Калил, Линн Тейлор, Ханна Даймонд, Ричард Винен и пр. [12]. С середины десятилетия следует изменение взгляда на сущность периода 1940—1944 годов: Виши рассматривается как прелюдия к деколонизации, к распаду Французской империи.

Воплощение этой точки зрения, опять же, работы иностранных авторов: Джинио Р., Дженнинга Э., Томаса М. и пр. Французская рефлексия постепенно переходит в другое русло — главным предметом детальной проработки становится война в Алжире (1954—1962).

Список литературы:

1. Верг А. Франция 1940 —1955 — М.: Издательство иностранной литературы, 1959. — 615 с.
2. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки: /под ред. Дементьева И. П., Патрушева А. И. М., 2002. 432 с. [Электронный ресурс] / URL: http://www.amstud.msu.ru/full_text/texts/dementyev/part2/glava3_2.htm(дата обращения: 09.04.12)
3. Молчанов Н. Н. Генерал де Голль. — М.: Международные отношения, 1988. — 475 с.
4. Рикёр П. Память, история, забвение/ Пер. с франц. — М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. — 728 с.
5. Руссо А. Франция Виши и Франция Сопrotивления. [Электронный ресурс] / URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/7166/>(дата обращения: 11.04.12)
6. Трубникова Н. В. История и память в бесконечном диалоге: дискуссии французских историков. [Электронный ресурс] / URL: www.culturalnet.ru/main/getfile/562 (дата обращения: 06.04.12)
7. Gordon В. М. The «Vichy Syndrome» Problem in History // French Historical Studies. — 1995. — Vol. 19. No 2. — p. 495-518. — URL: <http://www.jstor.org/stable/286785> (дата обращения: 15.04.2012)
8. Evans М. Robert Paxton: The Outsider. // History Today.2001. Vol. 51. Issue 9. [Электронный ресурс] / URL: <http://www.historytoday.com/martinevans/robert-paxton-outsider>(дата обращения: 08.04.12)
9. Farmer P. Vichy: political dilemma. New York, Columbia University Press, 1955. — 376 p.
10. Rouso H.,Conan E. Vichy: An Ever-Present Past. Hanover, NH: University Press of New England, 1998. — 432 p.
11. Temkin M. 'Avec un certain malaise': The Paxtonian. Trauma in France, 1973—74 // Journal of Contemporary History April 2003 — p. 291 —306.
12. Watkins G. Review Article: Recent work on France and the Second World War // Journal of Contemporary History. 2002. № 4. p. 637 —647.
13. Wright G. Review on Vichy France: Old Guard and New Order, 1940 —1944. by Robert O. Paxton // Political Science Quarterly, 1973 Vol. 88, No. 4. — p. 763 —765.

ИСТОРИЯ И РАЗРЕШЕНИЕ ГРУЗИНО-ЮЖНООСЕТИНСКОГО КОНФЛИКТА

Рожкова Елена Константиновна

*канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры всеобщей истории ОГПУ,
г. Оренбург
E-mail: serozh98@mail.ru*

Тажиева Дина Муратовна

студентка исторического факультета V курса ОГПУ

Распад Советского Союза как огромного многонационального государства способствовал углублению кризиса в межнациональных отношениях на всей его бывшей территории. Проблемы этнического характера на территории СССР существовали всегда, другое дело, что их замалчивали и о них не говорили вплоть до 90-х годов. Сдерживание многих проблем в сфере межнациональных отношений привело к резкому обострению конфликтов после распада Советского Союза. Во многих регионах это обострение вылилось в межэтнические конфликты в разных формах, в том числе в открытые столкновения людей.

Одним из ярких примеров является грузино-южноосетинский конфликт. История противостояния этих двух бывших территорий Советского Союза уходит в далекое прошлое. Зачатки конфликта проявились еще в 20-х годах XX века, после того, как Южная Осетия была передана в состав Грузии. В апреле 1922 года декретом ВЦИК и Совета Народных Комиссаров Грузинской ССР по национально-государственному размежеванию Закавказья была создана Югоосетинская автономная область. Однако автономия Южной Осетии носила во многом номинальный характер [8, с. 6].

В конце 1980-х годов в Грузии начался подъем националистического движения, которое выступало за ликвидацию автономных образований в составе Грузинской ССР [6, с. 98]. В 1990 году Грузия официально отказалась от признания основных юридических норм, касающихся ее статуса в составе СССР, то есть принятых после 1921 года. Южная Осетия, в свою очередь, воспользовалась ситуацией и объявила о суверенитете, аргументируя свою позицию тем, что до 1922 года ее территория не входила в состав Грузии [6, с. 99].

Такое положение не устраивало Грузию, к власти в которой в том же году пришли представители националистических партий и движений. Председателем Верховного совета ГССР был избран председатель Хельсинкской группы Грузии, глава объединения «Круглый стол —

Свободная Грузия» Звиад Гамсахурдия. 10 декабря 1990 года Верховный совет республики Грузии упразднил Югоосетинскую автономную область, включив ее территорию в состав Грузии на общих основаниях [8, с. 7].

19 января 1992 года в Южной Осетии прошел референдум о независимости республики. Свыше 98 % от принявших участие в голосовании высказались за независимость. 29 мая 1992 года Верховный Совет Республики Южная Осетия принял Акт о государственной независимости.

24 июня 1992 года в Сочи подписано четырехстороннее российско-грузинско-осетинское (Северная и Южная Осетия) Соглашение о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта. 14 июля 1992 года в Южную Осетию вошли смешанные российско-грузинско-осетинские миротворческие силы, после чего завершился период открытого военного противостояния [8, с. 372].

В настоящее время политический статус Южной Осетии остается неопределенным. Самопровозглашенная республика не признана мировым сообществом, а официальный Тбилиси считает Южную Осетию Цхинвальским регионом Грузии, но фактически не контролирует его.

Таким образом, конфликт между Грузией и Южной Осетией с момента его зарождения и до сегодняшнего времени не затихает. Территориальные претензии Грузии вылились в следующую главу грузино-южноосетинского конфликта, которая начинается в августе 2008 года.

Причины начала вновь разгоревшегося столкновения участники видят по разному. 8 августа командующий грузинскими миротворцами Мамука Курашвили назвал действия Грузии в Южной Осетии «операцией по наведению в Цхинвальском регионе конституционного порядка». Государственный министр Грузии по реинтеграции Темур Якобашвили пояснил, что «целью руководства Грузии является не взятие городов. В Тбилиси хотят лишь поставить точку на криминальном режиме, чтобы никто не угрожал нашим городам, гражданам и инфраструктуре». Грузинская сторона заявила, что действия грузинской армии в Южной Осетии были ответом на нарушение режима прекращения огня. 22 августа государственный министр Грузии по вопросам реинтеграции Темур Якобашвили заявил в интервью украинскому агентству «УНИАН»: «...решение атаковать Цхинвали было принято только тогда, когда колонна российской военной техники начала входить в Южную Осетию. Цхинвали бомбили русские после того, как мы взяли его на четыре с половиной часа. Мы бомбили окрестные высоты. Подчеркиваю, не населенные пункты» [2].

В южноосетинской интерпретации, война вызвана этническим конфликтом между осетинами, которые защищали исконно осетинские земли, и грузинами, которые ущемляли права осетин и виновны в геноциде; осетины при умеренной поддержке русских войск навсегда изгнали грузин и добились независимости. 8 августа 2008 года президент Южной Осетии Эдуард Кокойты сообщил о многочисленных жертвах среди мирных жителей Южной Осетии и обвинил президента Грузии Михаила Саакашвили в геноциде осетинского народа.

Глава МИД России Сергей Лавров заявил, что причинами ввода российских войск в зону конфликта стали агрессия Грузии против неподконтрольных ей территорий Южной Осетии. Действия грузинской армии в отношении мирных жителей С. Лавров квалифицировал как геноцид. Он отметил, что большинство населения Южной Осетии — граждане России и что «ни одна страна мира не осталась бы безучастной к убийству своих граждан и изгнанию их из своих жилищ». Лавров заявил, что Россия «этот конфликт не готовила» и выступала с предложением принять резолюцию Совбеза ООН, призывающую Грузию и Южную Осетию отказаться от применения силы. Он отметил, что как только безопасность в регионе была восстановлена, президент России объявил об окончании военной операции [7].

С 8 августа начинаются военные действия, которые заканчиваются подписанием плана мирного урегулирования грузино-осетинского конфликта 16 августа 2008 года.

Президент России Дмитрий Медведев подписал указы о признании государственного суверенитета республики Южная Осетия. «Россия призывает другие государства последовать ее примеру. Это нелегкий выбор, но это единственная возможность сохранить жизни людей», — заявил Медведев Д. [4]. Но, по мнению многих экспертов после событий августа 2008 года во взаимоотношениях России и Южной Осетии сложилась следующая ситуация: Южная Осетия четко ориентируется на вступление в состав России на правах Северной Осетии. Но этот вариант крайне не выгоден для руководства Северной Осетии. Югоосетинские лидеры получают в составе РФ статус и возможности, равные североосетинским. Это психологически вряд ли приемлемо для североосетинского руководства, которое за последние годы привыкло к роли «старшего брата» [5, с. 137].

Очень интересна позиция мирового сообщества и в частности США по вопросу грузино-южноосетинского конфликта. Грузия не была признана агрессором. Запад единодушно встал на сторону Грузии, которая, по сути, развязала конфликт в Южной Осетии. Россия была вынуждена вмешаться в него. Во время встречи на открытии

олимпийских игр в Пекине президент США Джордж Буш и премьер-министр РФ Владимир Путин обсуждали вопросы Южной Осетии. Итогом их переговоров стала просьба американской стороны уважать грузинский суверенитет. «Я хочу подчеркнуть от имени президента, что США поддерживают территориальную целостность Грузии», — заявила официальный представитель Белого дома Дана Перино [1].

Таким образом, короткая пятидневная война имеет огромные последствия. Конечно, значительны людские жертвы. Достаточно серьёзны экономические последствия. Но для России важны геополитические уроки. Война в Южной Осетии в полной мере продемонстрировала то, что, несмотря на достаточно спокойные отношения между РФ и США, складывающиеся в последнее время, Белый Дом видит в России потенциального противника. В полной мере проявилась антироссийская направленность западных стран, которая якобы затихла с распадом СССР.

Список литературы

1. Артемьев А. Дипломатическое мычание // Интернет-газета «Газета.Ru».- 2008. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL:http://www.gazeta.ru/politics/2008/08/09_a_2806030.shtml.
2. В Тбилиси уверены, что Саакашвили не давал повода для начала войны // Интернет-газета «RUPOR.INFO». — 2008. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL:<http://www.rupor.info/news-v-mire/2008/08/21/v-tbilisi-uvereni-chto-saakashvili-ne-daval-povoda/>.
3. Гушер А. Молчать и медлить больше нельзя // Азия и Африка сегодня. — 2007. — № 4. С. 3 —10.
4. Дмитрий Медведев признал независимость Южной Осетии и Абхазии // Бизнес-газета «РБК». — 2008. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://top.rbc.ru/politics/26/08/2008/229753.shtml>.
5. Казин Ф. А. Взаимоотношения России с Южной Осетией и Абхазией в сравнительной перспективе // Полис. — 2009. — № 1. С. 130 — 142.
6. Кан Сам Гу. Генезис конфликтов в Закавказье и Роль России // МЭиМО. — 2002. — № 10. С. 93 —102.
7. Почему действия России в Грузии были правильными («The Financial Times», Великобритания) // Интернет-газета «inoСМИ.ru».-2008. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL:<http://www.inosmi.ru/world/20080813/243190.html>.
8. Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992 —2008 годы) / Отв. ред. и рук. авт. кол. Гусейнов В. А. М.: Красная звезда, 2008. — 392 с.

4.3. ЭТНОЛОГИЯ

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Голуенко Татьяна Александровна
канд. полит. наук, доц. кафедры регионологии АлтГТУ
им. Ползунова И. И., г. Барнаул

Дмитренко Маргарита Александровна
студент АлтГТУ им. Ползунова И. И., г. Барнаул
E-mail: dmitrenko_margarita@mail.ru

Одной из насущных проблем современности является проблема этнонациональных конфликтов. Этнонациональные конфликты способны легимитизировать и делигитимизировать любой политический режим, интегрировать и дезинтегрировать любое политэтническое государство. Сегодня мы наблюдаем ситуацию, когда многие страны мира столкнулись с подобного рода проблемами.

Все больше экономические, социальные и политические конфликты оказываются перегруженными этническими, языковыми, религиозными и культурными противоречиями. Конечно, со всеми этими проблемами человечество сталкивается не впервые. Новыми являются интенсивность и острота, с которыми в последней трети XX в. проявляются этнические вопросы. При этом этнонациональная проблематика имеет много аспектов.

В научной литературе в целом сложились два основных теоретических подхода к анализу причин возникновения этничности: примордиализм и конструктивизм [7, с. 113—116].

Примордиалисты рассматривают этничность как врожденное свойство человеческой идентичности, как объективную данность, своего рода изначальную характеристику человека.

Конструктивисты же считают, что этническая идентичность только кажется врожденной, «примордиальной», в действительности это гибкий социально конструируемый феномен, который возникает в рамках человеческого взаимодействия, а не предшествует ему. Этничность с точки зрения ряда исследователей, не нуждается в культурном или историческом толковании — она возникает из современных социальных условий. Конструктивисты уверены, что всплески этнонационализма в большинстве случаев имеют место

тогда, когда они провоцируются «конструирующими элитами» на фоне общего социального неблагополучия (социального неравенства, культурной дискриминации и пр.) [1, с. 175—176].

Этнические конфликты имеют долгую историю и сопровождают человечество на протяжении тысячелетий.

Однако специфика современного этапа общественного развития становится катализатором возникновения и эскалации этнополитических конфликтов, придавая им другое количественное и качественное измерение. В современной действительности можно наблюдать две противоречивые тенденции. С одной стороны — это глобализация, а с другой — взрыв этничности такого масштаба и силы, что исследователь Фрэд Риггс назвал его «третьим цунами» [4, с. 85].

Рост интереса к этнической проблематике связан с процессами, наблюдаемыми в современном мире. Мощные модернизационные сдвиги, приведшие к мобильности и миграции большого числа людей, с одной стороны, формируют единое глобальное поликультурное пространство, а с другой — уменьшают готовность народов ассимилироваться [1, с. 177].

К числу факторов, катализирующих этнополитические процессы и способствующих возникновению и развитию конфликтов, относятся:

- экономические основы глобализации;
- быстрые перемены социально-экономического положения одних этнических групп по отношению к другим;
- политика экономического протекционизма;
- деятельность преступных этнических группировок;
- рост числа националистических организаций [4, с. 85—89].

Рассмотрение процесса этнизации в рамках подобного рода общественных связей — один из наиболее интересных путей анализа этого сложного явления. Дискус об этничности связан с проблемой государства. Сегодня весь мир разделен на определенное количество наций. Это самый важный признак социально-политической организации человечества. В этой связи у всё большего числа людей формируются представления о том, что сообщество, основанное на этнических признаках и этнической самоидентификации, обязательно должно институционально и законодательно оформиться, т.е. сложиться как нация. Только таким образом оформленное сообщество сможет обеспечить свое будущее [2, с. 115—116].

Подобная логика порождает еще одну детерминанту этнонациональных конфликтов — территориальные претензии и споры. Согласно современным взглядам, государство обладает суверенитетом на определенной территории, т.е. государство сводит вместе политическую власть и общество на одном пространстве. Пока политически ограниченная государственная территория является основ-

ной единицей в международном обществе, нельзя избежать национального государства. Оно образует фундамент национального суверенитета.

Известный социальный антрополог Геллнер Э. считает этнонациональные конфликты реакцией на нарушение политического принципа, согласно которому этническая и национальная единицы должны совпадать, т.е. определенная этническая группа должна доминировать в государстве. Этот политический принцип суть национализм в терминологии исследователя. Нарушается он разными способами:

- политическая граница не охватывает всех представителей соответствующей нации;
- политическая граница охватывает всех представителей данной нации, но включает также инородцев;
- политическая граница не охватывает представителей данной нации и включает представителей другой [3, с. 23—24].

Таким образом, несовпадение политических границ с этническими границами может также послужить основанием для конфликта.

Одним из самых значительных политических порождений глобализации в конце XX в. является распад СССР и политической системы.

Как отмечал Путин В., крушение Советского Союза стало для российского народа настоящей драмой. Десятки миллионов наших сограждан и соотечественников оказались за пределами российской территории.

Хотя искусственно созданные территориальные границы, разделяющие народы и трансформирующие этнические процессы, возникли не с распадом СССР и характерны не только для постсоветского пространства, однако ученые Совета по миграции РАН и Центра Карнеги, говоря о миграции как о социальном феномене, четко обозначают рубежность 90-х гг. XX в., в связи с дезинтеграцией СССР, оставившей за пределами исторической родины более 25 млн. человек.

Надо отметить, что на территории СССР процесс «выталкивания» иноязычного населения, прежде всего русских, из Средней Азии и Казахстана; наблюдался еще в 70-е, 80-е годы прошлого века. На рубеже 80-х, 90-х годов этнополитические конфликты в СССР приобрели постоянный характер.

С 1988 по 1991 гг. на этнической почве в бывших республиках СССР вспыхивало более 150 конфликтов, в том числе 20 — с человеческими жертвами [4, с. 88—89].

В настоящее время в ЦА существует ряд факторов, способных при стечении обстоятельств, стать аккумулятором роста конфликтности в регионе.

Во-первых, это дифференциация по уровню развития регионов внутри стран. Такого рода дифференциация приводила, и будет приводить к проявлению различных форм общественно-политических

движений, основанных на этнической принадлежности их членов и их территориальном обособлении. Например, в Таджикистане в начале 1990-х годов протестные движения приняли форму борьбы: по географической принадлежности — «долинные — горные» таджики, по местам проживания — ленинабадские-памирские. В Киргизии деление основывается на принадлежности к северному (Бишкекскому) или южному (Ошскому) регионам. Причем это противостояние проявляло себя за последние 20 лет уже трижды: в 1990 году, в 2005 году и в июне 2010 года. В Узбекистане особую роль исторически играет Ферганская долина.

Во-вторых — борьба за перераспределение ресурсов (территориальных, водных, энергетических и финансовых) между представителями различных этнических групп. Особенно остро эта борьба проявляется в республиках, испытывающих острый дефицит пригодных к обработке земель. Достаточно вспомнить случаи межэтнического противостояния, наблюдавшегося между таджиками и турками-месхетинцами в 1989 году (Таджикистан), узбеками и киргизами в 1990 году, июнь 2010 года (Ошская область), таджиками Исфаринского района Таджикистана и киргизами Баткенского района Киргизии в 1989—1990 годах.

Третий фактор — большая плотность населения в местах компактного проживания представителей одной национальности. При этом нетрудно спрогнозировать ситуацию, когда в политическом противостоянии может быть использован вопрос об этнической принадлежности и принадлежности к тому или иному региону внутри страны. Как в начале 1990-х годов, так и в июньских событиях на юге Киргизии эксплуатация этнических и религиозных лозунгов с целью привлечения рядовых граждан республик на свою сторону является составной частью практики и идеологии многих протестных движений и даже открытых бунтов.

В-четвертых, это проблема анклавов. Последствия национально-территориального размежевания СССР, включая Кавказ и Центральную Азию, инициированного советской властью в 1924 году, до сих пор определяют состояние межэтнических отношений. Политическая карта ЦА имеет множество примеров деления компактных мест проживания народов и передачи их под юрисдикцию «соседей». Например, Ферганская долина как единый социокультурный, но многоэтнический организм была поделена на три части, отошедшие соответственно Узбекистану (с городами Наманган, Андижан, Маргилан, Фергана), Таджикистану (Ходжент) и Киргизии (Ош, Джалал-Абад, Узген). В результате проживающие там этнические группы оказались разделены государственными границами, которые не совпадают с этническими.

Чаще всего вспышки межэтнических конфликтов происходят в местах цивилизационных разломов — несовпадений этнических и территориальных границ, а именно — в приграничных районах. В основе многих, если не всех, этнотерриториальных претензий лежит историческая память. Восстановление справедливости, как правило, выражается в призывах к возвращению на историческую родину когда-то вытесненных из нее народов: туркмен — на полуостров Мангышлак в Казахстане, киргизов — на Памир в Таджикистане, казахов — на Ташкентский оазис в Узбекистане.

В-пятых, проблемы трудовой и нелегальной миграции. Следует выделить два основных вектора ее направленности: Россия и Казахстан. С наступлением летнего периода трудовая миграция в Казахстан принимает большой и неконтролируемый масштаб. Как следствие большого наплыва рабочих в РК усиливаются социально-экономические проблемы. Это, в свою очередь, создает реальные предпосылки этнической неприязни к трудовым мигрантам и способствует росту межэтнической напряженности в Казахстане и, как следствие — в регионе [6, с. 132—134].

Регион Большого Кавказа также является поставщиком конфликтов на постсоветском пространстве. Пять вооруженных межэтнических конфликтов имели место в Кавказском регионе. Это — армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха, грузино-осетинский и грузино-абхазский конфликты, два конфликта внутри России — осетино-ингушский и российско-чеченский. Кавказский регион стал своеобразным поставщиком непризнанных республик постсоветского пространства. Три из четырех де-факто государств СНГ возникли на Южном Кавказе (Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия). Еще одно непризнанное образование — Чеченская Республика Ичкерия — существовало, в общей сложности, шесть лет (1991—1994, 1996—1999 гг.).

Помимо Чечни попытка создания де-факто государства была предпринята в 1998—1999 гг. в Дагестане (так называемая Кадарская зона). Кроме непризнанных образований на постсоветском Кавказе существовали не контролируемые государствами территории, не имевшие никаких властных институтов (Кодорское ущелье Абхазии — в 1994—2006 гг., Грузинская Сванетия — в 1991—2004 гг.).

В августе 2008 г. Кавказский регион оказался в фокусе глобальной политики. Именно на Южном Кавказе впервые после распада Советского Союза в декабре 1991 г. были нарушены принципы так называемого «беловежского национализма» (когда границы между республиками бывшего СССР определялись и признавались в качестве межгосударственным рубежомей). Таким образом, именно здесь был создан первый прецедент пересмотра

границ между республиками СССР. Более того, впервые после 1991 года на территории бывшего СССР были успешно реализованы сепаратистские проекты. На Кавказе появились первые в Евразии частично признанные государства (чью независимость отрицает ООН, но признает РФ — постоянный член Совета Безопасности). Следовательно, речь идет не просто об отделении той или иной территории от государства, являющегося членом ООН. Де-факто такое отделение было совершено Абхазией в сентябре 1993 г., Южной Осетией — в июне 1992 г., Нагорным Карабахом — в сентябре 1991 г., Чечней — в ноябре 1991 г. Речь идет о признании итогов осуществления сепаратистских проектов.

Таким образом, после распада СССР мы увидели на Большом Кавказе и конфликты между государствами, и внутригосударственное противоборство. Но во всех этих конфликтах важнейшей причиной был сепаратизм. Именно реализация сепаратистских проектов (сначала ориентированных на выход из состава СССР, а затем — на отделение от новых независимых государств) сделала если не полностью невозможным, то, по крайней мере, проблематичным политическую интеграцию различных этнических сообществ в рамках одного государства [5, с. 39—41].

Таким образом, проблема этнических конфликтов на постсоветском пространстве и в настоящее время является актуальной темой для исследования, поскольку имеющиеся разногласия являются хорошей почвой для роста напряженности и появления конфликтов, самыми опасными из которых являются межэтнические. При этом происходит слияние межэтнических и межгосударственных противоречий, чреватых взрывом насилия внутри республик региона [6, с. 135].

Список литературы:

1. Абгажава Д. Этнизация и конфликт// Вестник Санкт — Петербургского университета. — сер. 6. — выпуск 3. — 2009. — С. 175 —179.
2. Авксентьев В. Этническая конфликтология: в 2 ч. — Ставрополь, 1996, Ч. 2.
3. Геллнер Э. Нации и национализм — М. 1991.
4. Кесян Г. Этнополитические конфликты — следствие социальных трансформаций // Обозреватель/Observer — № 6. — 2009. — С. 85 —91.
5. Маркедонов С. Сепаратизм на Большом Кавказе// Актуальные проблемы Европы — № 3: Сепаратизм в современной Европе. — 2009. — С. 39—64.
6. Рудов Г. Центральноазиатский узел: рубить нельзя — развязывать!// Международная жизнь. — № 9. — 2010 — С. 121 —136.
7. Скворцов Н. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1996.

СИНКРЕТИЧНЫЕ ИСЛАМО-ЯЗЫЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ТЮРКОВ-МУСУЛЬМАН СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

Идиатуллов Азат Корбангалиевич

канд. ист. наук, ст. преподаватель УлГПУ, г. Ульяновск

E-mail: AzKoIdiat@yandex.ru

Тюрки-мусульмане — наиболее многочисленная часть исламской уммы России. Крупнейшими народами среди тюрков-мусульман России, согласно переписи населения 2002 г., являются татары (5,6 млн. чел.) и башкиры (1,7 млн. чел.). Считается, что мусульманско-языческий синкретизм характерный для татар и башкир, представляет собой упрощённый тип синкретизма, в формировании которого отчётливо участвуют два компонента: древнее язычество и ислам [4, с. 22].

Объектом нашего исследования стали исламо-языческие представления о душе и духах двух групп тюрков-мусульман Среднего Поволжья и Приуралья: 1) татар-мишарей Ульяновской области; 2) татар и башкир Уфы. Объём выборки — 437 человек. В Ульяновской области было опрошено 420 татар-мишарей, в Уфе — 17 тюрков-мусульман (татар и башкир). Генеральная совокупность мишарей Ульяновской области составляет 168766 человек. Ошибка при данном объёме выборки не превышает 5 %, что соответствует приближённой (близкой к обычной) надёжности результатов выборочного исследования. Данные по татарам и башкирам Уфы не являются репрезентативными, но используются нами для выявления возможных тенденций в религиозной жизни мусульман Поволжья и Приуралья.

Синкретизм ислама и язычества был давно известен исследователям, изучающим быт и верования татар. Например, в конце XVIII века отмечалось, что симбирские «татары, имея веру магометанскую, которую составляет известная книга, называемая Алкоран» и сверх неё придерживаются довольно большого количества суеверий, как то: «гонение в первых числах апреля из жительство своих нечистых духов и отпущение на волю изловленных диких птиц, очищение в лесных дорогах упавших от ветра на земле сучьев ...» [2, с. 1].

Удивительную сохранность языческих представлений в современном мировоззрении мишарей Ульяновской области подтверждают и материалы анкетирования проведённого нами в 2008—2009 гг. [3, с. 64—67] Например, в ответах мишарей о душе и духах наблюдается ярко выраженная этническая специфика: 6 % респондентов продолжают представлять душу умершего в виде крылатого создания (обычно

бабочки — «күбэлэк»), которое в течение года со дня смерти летает среди людей, а по четвергам («атна кить») возвращается в родной дом в поисках молитвы о себе. Если молитвы в родном доме душа не услышит, она отправляется за ней в соседние дома. Около 64 % мишарей полагают, что души умерших могут оказывать определённое влияние на живых людей, хотя с позиций ислама подобное представление не приемлемо и граничит с одним из самых тяжких грехов — разделением единства Бога (ширк). Причём 45,3 % мишарей считают, что душа покойника оказывает влияние в первую очередь на своих родственников. 47,1 % тюрков-мусульман Уфы (татары и башкиры) также считают, что душа покойника оказывает влияние на своих родственников; 17,6 % опрошенных в Уфе посчитали, что влияние души покойника распространяется на всех людей (не только на родственников).

Подобные представления говорят о сохранности в среде мишарей, и возможно других мусульманских тюрков региона, культа предков, который проявляется в ощущении тесной связи умершего и оставшихся в живых родственников. В современной исламской обрядности мишарей подобная связь прослеживается в запрете употреблять пищу в доме умершего в течение 3-х дней после смерти и погребения, определяя, таким образом, поведение его ближайших родственников. Однако ни один из респондентов не склонен думать, что от души покойника может исходить какая-либо опасность. Поэтому не стоит рассматривать ответы о влиянии души только лишь с позиций древнего языческого элемента религиозного мировоззрения мишарей, так как собственно языческое представление о душе ещё в конце XIX — начале XX веков носило двойственный характер [5, с. 185 —186]. Двойственные представления о влиянии души были характерны и для других народов Поволжья. Так, ещё в середине XIX века мордва веровала, что умершие родственники «могут из-за могильной жизни не только миловать, но и наказывать живых» [6, с. 12]. Мы полагаем, что представление о том, что душа не может оказать дурное влияние на ближайших родственников, у части тюрков-мусульман возникло относительно недавно и связано с нестабильной социально-экономической ситуацией в нашей стране в начале и середине 90-х гг. XX вв. В таких условиях люди обычно ищут поддержку в ближайшем окружении, а потому даже после смерти своих родственников продолжают испытывать «духовную связь» с ними, ожидая от умерших близких «помощи и доброго совета». Иными словами, вера в воздействие души умерших на современном этапе жизни мишарского субэтноса — это не только наследие культурной традиции мишарей, но и своеобразное неязыческое образование в их религиозном мировоззрении. Ещё одна причина данного

новообразования раскрывается в контексте влияния СМИ и массовой культуры на мировоззрение современной молодёжи. Известно, что с 80-х гг. XX века резко усилился поток информации в СМИ о потустороннем мире, приведениях. Наиболее образно эта информация представлена в знаменитых голливудских фильмах и сериалах: «Привидение», «Полтергейст», «Секретные материалы». Видимо произошло частичное смешение языческих представлений молодых мишарей с образами приведений массовой культуры, происходящее на фоне нестабильной социально-экономической ситуации.

Синкретичны представления тюрков-мусульман о духах. Несмотря на то, что мишари довольно часто называют духов общими понятиями, в т.ч. мусульманскими (*жџин* и *шайтан*), это не мешает им с достаточной определённостью давать описания конкретных духов. Например, более 69 % опрошенных респондентов продолжают верить в *су-анасы* («мать воды»), *аздыка* (злой дух тюркской и иранской мифологии), *шурале* («хозяин леса», леший), *зба-иясе* («хозяин дома», домовой), хотя в иерархии духов на первое место нередко ставят шайтана, Иблиса и джина. Всё это вполне согласуется с представлением некоторых испытуемых мишарей (13,2 %) о духах как материальных существах. 58,8 % опрошенных в Уфе также верят в духов (шайтан, домовой, йорт-иясе).

Интересно также, что 12,1 % мишарей и 11,8 % мусульман Уфы считают, что вышеназванные духи не подчиняются Аллаху, 46 % мишарей и 35,3 % мусульман Уфы склонились к противоположной точке зрения, а 18,9 % и 47,1 % соответственно посчитали, что они относительно независимы. Можно предположить, что некоторая нерешённость вопроса о субординации духов и Аллаха вызвана сохранением языческих представлений о равноправном поведении духов природы и жилища, так называемых «хозяев» и «матерей» (*иясе* и *анасы*). 47 % мишарей ответили, что злых духов можно прогнать, прочитав определённую молитву. Уфимские респонденты склонились к тому мнению (47,1 %), что для гонения злых духов необходима молитва муллы. Таким образом, ислам наиболее сильно повлиял на ту сферу взаимодействия с духами, которая касалась их изгнания, практически не затронув более существенные пласты, связанные с представлениями о духах, их влиянии на человеческую жизнь. Здесь проявляется характерная черта народного ислама тюрков Поволжья и Приуралья: вера в реальную способность мусульманских священнослужителей прогнать нечистую силу. Эта черта отличает их от большинства среднеазиатских народов, которые в вопросах избавления от джинов доверялись в основном не официальным священнослужителям, а шаманам или суфиям [1, с. 107].

Но даже в вопросах избавления от злых духов некоторое влияние имеет языческое предание. Так, например, среди средств борьбы со злыми духами прозвучали и такие, как пальба из ружья, произнесение ругательств, использование различных оберегов, в том числе и не мусульманского происхождения (например, для защиты дома в дверной косяк вставляют иголку).

По мнению мишарей, злые духи обитают в основном в заброшенных домах, мельницах, банях (57,2%). Во многом, такой взгляд на злых духов был привнесён мусульманским представлением о неверных джинах и Иблисе, которые изо всех сил стараются сбить с пути верного мусульманина, отсюда и приуроченность их к местам связанным прямо или косвенно с жизнью человека.

Таким образом, синкретизм ислама и язычества — это достаточно часто встречающееся явление в анимистических представлениях тюрков-мусульман исследуемого региона.

Список литературы:

1. Басилов В. Н. Культ святых в исламе. — М.: Мысль, 1970. — 144 с.
2. Быт и верования татар Симбирской губернии в 1783 г. // Симбирские губернские ведомости. — 1851. — № 44. — С. 1—3.
3. Идиатуллин А. К. Духовная культура мишарей Ульяновской области (в контексте проблемы религиозного синкретизма). — Ульяновск: УлГТУ, 2010. — 172 с.
4. Кудряшов Г. Е. Динамика полисинкретической религиозности: Опыт историко-этнографического и конкретно-социологического исследования генезиса, эволюции и отмирания религиозных пережитков чувашей. — Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1974. — 356 с.
5. Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. — М.: Наука, 1972. — 248 с.
6. Орлова Д. Н. Село Напольное // Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. — Симбирск: Губернская типография, 1866. — Вып. 2. — С. 1—43.
7. Статья выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации в рамках научно-исследовательского проекта «Синкретичная религиозность мусульманских народов России (на примере поволжских татар, башкир и карачаевцев)», код МК-1839.2012.6

ХАРАКТЕР ОТРАЖЕНИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССОЙ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «КУЗБАСС»)

Новиков Дмитрий Валерьевич

*кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории
народной художественной культуры ФГБОУ ВПО «Кемеровский
государственный университет культуры и искусств», г. Кемерово
E-mail: d.v.novik@mail.ru*

Этническое возрождение народов России началось после распада СССР. В течение всего времени его существования к нему проявляется интерес со стороны отечественных средств массовой информации. Так, на страницах периодической печати Кемеровской области сложилась устойчивая тенденция освещения различных аспектов развития национальной культуры этносов, проживающих на территории региона. При этом деятельность каждого из них отражается с неодинаковой полнотой. Для анализа нами были привлечены материалы газеты «Кузбасс» за сентябрь 2004 г. Это массовое издание, фиксирующее события областного, городского и районного значения.

Наибольшее количество сюжетов посвящено коренному населению области. В основном на страницах «Кузбасса» фигурируют шорцы. Газетные материалы освещают мероприятия в области экологии и социально-экономического развития территорий их компактного проживания. Пример — публикация главного специалиста ГУ «Областной комитет природных ресурсов» Рябухиной И. в рубрике «Итоги конкурса». Здесь подчеркивается актуальность проведения дней защиты от экологической опасности. В числе наиболее активных участников упоминаются гг. Междуреченск, Новокузнецк и Новокузнецкий район. В указанных городах функционируют шорские общественные объединения и культурные центры. Однако их роль в данных мероприятиях не освещена [20].

Развитие автобусных перевозок Кемеровской области освещает статья начальника отдела по организации работы автовокзала и автостанции ГУ «Кемеровопассажиравтотранс». Уделено внимание автобусному сообщению Горной Шории. Так, отмечен действующий маршрут г. Новокузнецк — пос. Мундыбаш. Планировался запуск рейсов — г. Новокузнецк — пос. Каз — пос. Темиртау. Кроме того, перечислены маршруты, связывающие гг. Новокузнецк и Междуреченск, Таштагол, Горную Шорию с областным центром и

центрами соседних областей. Это рейсы г. Таштагол — г. Томск и г. Новосибирск. Планировался рейс и на г. Барнаул. Из г. Кемерово автобусы отправляются в гг. Мыски и Осинники [7]. Аналогичной проблематике посвящено информационное сообщение о поступлении в Мысковский ПАТП нового автобуса. Он был предназначен для работы на маршруте г. Мыски — пос. Чузас [32]. Развитию торговой инфраструктуры в местах компактного проживания шорцев посвящено краткое сообщение об открытии в пос. Калтан второй очереди губернского магазина [2]. Информационное сообщение о большом количестве мокрого снега, выпавшего на юге Кемеровской области, также затрагивает вопросы состояния инфраструктуры отдаленных поселков. Стихийное явление послужило причиной падения деревьев, повредивших линии электропередач. В результате ряд населенных пунктов Таштагольского района оказался обесточенным. Отмечены действия главы гг. Таштагола Макуты В. Н. по восстановлению электроснабжения, которое носит стационарный характер [23].

В одной из статей рассматриваются вопросы реализации в Кемеровской области закона № 122 ФЗ, касающегося замены льгот денежными компенсациями. Автор приводит мнения специалистов. К примеру, управляющий отделением ПФ РФ по Кемеровской области Стариков В. А. рассказал о составлении базы данных по льготникам. Данная категория населения, по его информации, учтена, в частности, среди жителей труднодоступных поселков Таштагольского района. Исходя из этого, действие закона распространяется на все национальные группы региона [24].

Авторы двух публикаций, вышедших в указанный период, уделяют внимание социальным и экономическим проблемам отдаленных поселков Горной Шории. В каждой из них это делается на примере отдельного населенного пункта Междуреченского района. Так, в качестве основных проблем жителей пос. Теба корреспондент называет отключения электроэнергии, большую задолженность по ней, отсутствие дорог, ведущих к поселку. Указаны трудности, испытываемые поселковой администрацией в деле его благоустройства. Здесь же отмечены и такие явления, как воровство электроэнергии селянами, безработица и алкоголизм, отсутствие перспектив для молодежи. Автор статьи констатирует, что жители не стремятся самостоятельно менять положение. Ориентируются на ожидание поддержки со стороны органов власти. В тексте фигурирует начальник отдела по работе с территориями городской администрации Междуреченска Камзычакова Ю. М. Она входит в число представителей шорского народа, занимающих различные, в том числе руководящие

должности в сфере государственного управления. Однако в целом национальный аспект рассмотренной проблемы не выделен [30]. В конце сентября 2004 г. в пос. Ортон было подписано двустороннее соглашение между администрацией г. Междуреченска и ГУИН Минюста по Кемеровской области «О совместном сотрудничестве по развитию территорий отдаленных поселков Ортон и Майзас». Оно направлено на повышение жизненного уровня населения Междуреченского района. Это также попало в поле зрения журналистов. Информация о данном соглашении опубликована в виде заметки в рубрике «Факт». Упоминается о стремлении администрации города и управления колоний ГУИН, находящихся в данных поселках к координации усилий по развитию местной инфраструктуры, созданию рабочих мест [31].

Также две статьи освещают проблемы занятости коренного населения Горной Шории, за счет реализации таежных даров. Характеризуются состояние и перспективы развития промышленной переработки недревесных ресурсов леса (НРЛ) в Междуреченском районе Кемеровской области. В числе инициаторов указаны Ассоциация шорского народа, общественная экологическая организация «Инициатива», фонд развития городов мыски и Междуреченск. Здесь прослеживается факт совместной работы Ассоциации с другими общественными и государственными организациями. При этом переработка природных ресурсов и решение проблем занятости фигурируют еще в Уставе шорского объединения, в перечне основных задач. Автором статьи отмечена поддержка со стороны Всемирного союза охраны природы. Подчеркнуто, что развитие данной отрасли решит главную (по мнению корреспондента) проблему горно-шорских поселков — отсутствия рабочих мест и трудностей в реализации собранной в тайге продукции. Приведены слова Тунекова М., являвшегося тогда президентом Ассоциации шорского народа. Последний упомянул о прошедшем в г. Осинники в 2001 г. VI съезде коренных народов. По сведениям журналиста, Тунеков М. также руководил, на тот момент, базовой перерабатывающей факторией. Здесь же указан руководитель еще одной фактории («Батын») В. Кадымаев [29]. Освещается и деятельность Новокузнецкого райпотребсоюза по переработке и сбыту даров леса. Отмечена деятельность заготовительных пунктов в с. Кузедеево. Проблематика статьи не увязывается напрямую автором с вопросами состояния уровня жизни коренных жителей Горной Шории. Вместе с тем, рассматриваемые здесь процессы обуславливают возможность обеспечения занятости представителей шорского народа [33].

Тематика возрождения и развития традиционной шорской культуры также отражена в материалах «Кузбасса». В основном, они посвящены совместному проведению национальными обществами праздничных мероприятий, и деятельности музеев на юге Кемеровской области. Представители общественного движения «Шория» (г. Мыски) упомянуты в числе посетителей обрядовой украинской свадьбы, прошедшей в Тяжинском районе [14]. Шорцы (и татары), проживающие в г. Осинники участвуют в проведении Рождества и Пасхи. Организатором является местный центр немецкой культуры «Содружество» [22].

Два информационных сообщения рассказывают о деятельности Таштагольского музея этнографии и природы Горной Шории (в связи с его 15-летием). Отмечены экспозиции, некоторые уникальные экспонаты. В цифрах отражены показатели приема посетителей, проведения экскурсий и лекций, сотрудничества с музеями других регионов. Кратко охарактеризовав исследовательскую и культурно-просветительскую деятельность музея, новаторство в организации экспозиций корреспонденты подчеркивают, что здесь полностью отражена культура шорцев [8; 11]. Также два сообщения информируют читателей об открытии в г. Междуреченске городского краеведческого музея. Авторы упоминают этнографический зал. В числе новых экспонатов отмечают шорскую утварь [5; 28]. Упомянутый этнографический зал представляет культуру коренных жителей, поскольку г. Междуреченск расположен на территории исконного проживания шорского народа. В городе действуют его национальные общественно-политические организации, центры культуры. Характер и направления их взаимодействия с указанным музеем автором затронуты не были. В 2004 г. был издан шорский букварь «Шор-Пичик» профессора Курпешко-Таннагашевой Н. Н. Его презентация, прошедшая в сентябре в г. Таштаголе попала в поле зрения журналистов [19]. Автором сообщения подчеркивается, что в букваре фигурируют мрасский и кондомский диалекты шорского языка.

Некоторые материалы затрагивают определенные аспекты культуры алтайцев, содержат упоминания о данном народе. По классификации профессора Потапова Л. П., шорцы относятся к северной группе алтайцев [17, с. 7—9]. На этом основании мы сочли возможным привлечь эти материалы к анализу, хотя они и выходят за рамки Кемеровской области. Так, одна из кратких заметок описывает историко-этнографическую экспедицию в урочище Кок-Су, проводившуюся в 2004 г. Автором отмечен перевод этого названия с алтайского языка — «Синяя река». Упомянуто, что одна из скал являлась в прошлом культовым местом [18]. Следует отметить, что поклонение

природным объектам и их духам-хозяевам являлось широко распространенной практикой в шаманизме. Сегодня в ряде районов проживания шорцев прослеживается стремление восстановить сакральное значение таких объектов. Указание на этническую принадлежность охотника-алтайца содержится в статье корреспондента, принявшего участие в туристическом путешествии по Алтаю [13].

Следующая, по количеству, группа сюжетов отражает этнокультурные процессы в среде славянского населения Кемеровской области. В указанный период на страницах «Кузбасса» освещались русские и украинские праздники, в том числе церковные. Затрагивалась деятельность некоторых фольклорных коллективов. Ряд статей и кратких сообщений содержит упоминания соответствующих национальностей. Это касается и публикаций, не посвященных напрямую этнической тематике (отражающих социально-экономическое положение деревень Мариинского района, а также состояния лесничества, лесного хозяйства Кемеровской области). Ввод авторами отдельных слов придает материалам национальную окраску («русская» печь, «русское» лесничество) [12; 16]. В рубрике «Календарь» рассматриваются памятные даты отечественной и зарубежной истории. Одна из них связана с полковником Алкснисом В. Автором отмечено, что его мать — из староверов Горной Шории [10]. Однако здесь же указано на принадлежность полковника к латышскому народу.

Не всегда указания на национальную принадлежность, встречающиеся в прессе, делаются посредством этнонимов. Это может быть связано с недостаточной осведомленностью журналистов в соответствующих разделах этнологии. Либо со стремлением придать своему материалу определенную окраску, посредством ввода в текст элементов просторечного лексикона. Вероятно, этим объясняется наличие слова «хохлушка» в одной из статей. Последняя освещает жизнь семьи, занимающейся коневодством [25].

В следующих сюжетах зафиксированы мероприятия, которые в различных формах, на разных уровнях способствуют развитию традиционной культуры славянского населения региона. Так, одна из статей посвящена обрядовой украинской свадьбе, прошедшей недалеко от с. Преображенка Тяжинского района. Среди участников названы представители украинского общества «Явир», немецкой, еврейской, белорусской общественных организаций, армянской общины «Урарту», ассоциации телеугов, казачьего общества г. Анжеро-Судженска, общественного движения «Шория» г. Мыски, Центра татарской культуры «Дуслык», центра славянской культуры Кемеровского района «Добродя». Это соответствует задаче, фигурирующей во всех уставах

национальных общественных организаций Кемеровской области. Она сводится к изучению культур проживающих по соседству народов с целью укрепления взаимопонимания и уважения. В частности, с момента первых шагов деятельности данных обществ налаживалась практика взаимного посещения мероприятий.

В статье упомянуты такие персонажи, как кучер-казак и казачата. Кратко описывается история возникновения с. Преображенка. Оно было основано в 1894 г. крестьянами, переселившимися из Украины. Отмечено сокращение сегодня численности украинского населения села, а также смешение русских, украинцев, белорусов и татар. Автор уделяет внимание деятельности центра славянской культуры «Ярославна» по сохранению украинских обычаев. Он действует в Тяжинском районе с 2003 г. Основные направления работы — сбор старинных предметов, проведение песенных фестивалей, фольклорных праздников (в том числе данной свадьбы). Корреспондент упоминает венчание рушником, другие традиционные элементы свадьбы. Это песни, пляски, выкуп места возле невесты, торг пампушек, свечи-обереги, домовые, ритуальное снятие с невесты девичьего венка. Сюда же относятся породнение семей, чаша-братина, молотьба жита. Подчеркивается переплетение русских, украинских и белорусских обычаев на данном празднике. Кроме того, в статье нашли отражение национальные костюмы гостей и участников, исполнение шорских, телеутских, татарских и еврейских песен. Здесь же зафиксированы игра на армянском музыкальном инструменте «дудук», исполнение украинского гопака, немецких пожеланий.

Отмечено присутствие представителей власти. Это губернатор Тулеев А. Г., его заместитель Свиридова И. А. (сегодня она является ректором Кемеровского государственного университета), главы областных департаментов, городских и районных администраций. В том числе глава Тяжинского района Косинский Д. П. Среди гостей находились и представители Союза женщин Кузбасса, консульства Украины г. Тюмень. Руководитель общества «Явир» А. Марченко фигурирует в статье как инициатор свадьбы. При этом не указано, каким образом взаимодействуют «Явир» и «Ярославна». Автор делает вывод о степени важности интернационального сближения в Кемеровской области. Приводит аналогичные мнения одного из деканов Кемеровского государственного университета культуры — Рудич Л. (упомянувшей шорцев, телеутов, татар), и председателя Союза женщин Кузбасса Леоновой Л. [14].

Почти одновременно вышло краткое сообщение о работе выставки «В гостях у «Параскевы пятницы» в Новокузнецком художественном музее. Здесь были представлены, по сведениям корреспондента,

произведения сотрудников новокузнецкого Центра традиционной русской культуры «Параскева пятница», и студии традиционной росписи «Лепесток» того же города. В сообщении дана информация об указанном Центре: 6-летний (на тот момент) период работы, реализация задач по сохранению, возрождению и развитию русской культуры. Награды от администраций области и города. Руководителем являлась Павловская Е., выпускник Алтайского государственного университета культуры и искусств [15]. Отметим здесь же опубликованное интервью журналиста с главой Кемеровского района Глебовым А. К. В основном, речь велась о проблемах социально-экономического развития. Говоря о культурной жизни, глава упомянул о 15-летнем юбилее «Хора русской песни», о проведении областного конкурса русской песни [21].

К данной группе сюжетов нами отнесены и материалы, освещающие деятельность Православной церкви. Основанием является длительное развитие культуры восточнославянских народов в ее рамках. Мы предполагаем, что наличие такой информации в прессе может ориентировать читателя, прежде всего на процессы в сфере самосознания русских. В рассматриваемый период опубликовано краткое сообщение о посещении г. Новокузнецка главой Русской старообрядческой церкви [1]. Появилась также статья, содержащая детские воспоминания автора о праздновании Успенья [9].

Функционирование немецких обществ отражено в сообщении о 5-летнем юбилее осинниковского центра «Содружество». Отмечены следующие направления его работы: курсы по возрождению традиций, обычаев, изучению языка для взрослых; деятельность клуба «Югендвельт» для детей и молодежи (занятия немецким языком, теннисом); проведение праздников. Указано, что организация Рождества и Пасхи проходит при участии шорского и татарского населения (автор не называет конкретных объединений данных народов, действующих в городе, и форм их участия в праздниках) [22]. Выше упомянуто также об участии представителей немцев в обрядовой украинской свадьбе.

В качестве отдельного сюжета нами выделено сообщение о международной кулинарной олимпиаде. Она проходила в г. Томске. Участвовали представители различных городов Сибири, в том числе Кемерово. Здесь интерес представляет упоминание о номинации «Этническая кухня» [4]. В задачи корреспондента, видимо, не входило указание конкретных национальных блюд. На основании только данного сообщения нельзя составить представление о том, кухня каких народов, проживающих в Кемеровской области, была представлена на олимпиаде.

Не остались вне поля зрения журналистов и некоторые аспекты функционирования региональных органов государственной власти,

имеющих отношение к этнокультурным процессам на территории области. Так, в рубрике «Курьер» опубликовано краткое информационное сообщение об учреждении звания «Почетный работник культуры Кузбасса». Среди кандидатов на присуждение фигурируют сотрудники департамента культуры и национальной политики Администрации Кемеровской области [3]. В материалах газеты «Кузбасс» отражены изменения в структуре указанных органов. Примером, в частности, является интервью автора одной из статей с начальником департамента культуры областной Администрации Зауэрвайн Л. Т.. На тот момент она возглавляла департамент в течение месяца. Среди обсуждавшихся вопросов было слияние департаментов культуры и национальной политики, осуществленное в 2004 г. Обосновывая логику такого шага, Зауэрвайн кратко объяснила основное содержание национальной политики в Кемеровской области. По ее мнению, оно полностью входит в сферу культуры. Отмечено появление, в рамках нового департамента, управлений культуры и национальной политики. Первое возглавила Зауэрвайн Л. Т., второе — Гвоздкова Л. И. [34].

События в г.Беслане сентября 2004 г. нашли отклик в среде интеллигенции области. В том числе общественных, национальных организаций. И это получило отражение в печати. На страницах «Кузбасса» данная тема подробно не освещена. Она представлена только несколькими краткими сюжетами. Однако и они дают читателю представление о характере национальных обществ Кемеровской области, задачах их деятельности. Речь идет об опубликованных отзывах со стороны Кемеровского областного представительства Международного союза общественных организаций «Союзная общественная палата «Россия — Беларусь», Президиума Координационного совета национальных общественных объединений Кемеровской области, Консультативного совета общественных объединений области. В данных текстах указывается на разжигание межнациональной вражды, как одну из целей террористов. Выражается негативное отношение к захвату ими школы, от имени всех народов, проживающих в Кемеровской области. У читателя формируется представление о единодушной позиции представителей данных этносов. Поднимается вопрос об угрозе межконфессиональных столкновений, мусульман и христиан. Боевики названы «людьми без национальности и веры» [6; 26; 27].

Таким образом, авторство газетных материалов принадлежит не только профессиональным журналистам, но и сотрудникам государственных учреждений. Это способствует компетентному рассмотрению проблем, в частности, развития инфраструктуры шорских поселков, решения вопросов экологии. «Этническая»

информация представлена достаточно разрозненными сюжетами. Вместе с тем, при условной группировке они дают представление о некоторых аспектах возрождения традиций и региональной национальной политики Кемеровской области. Относительно подробно освещается развитие лишь некоторых из проживающих в области народов. Это, в частности, коренные жители и русские. Деятельность большинства остальных этносов либо фигурирует в виде кратких упоминаний, либо практически не отражена. Сюда, к примеру, можно отнести армян. Авторы не всегда увязывают описываемые ими мероприятия с работой национальных общественных объединений региона. Это может быть связано с недостаточной осведомленностью корреспондентов относительно данной работы. В свою очередь, недостаточная осведомленность журналистов, возможно, обусловлена отсутствием стремления самих национальных обществ сотрудничать со средствами массовой информации. Следует также отметить тенденцию формирования у читателей представления о мирном характере межнациональных отношений на территории Кемеровской области. Так, газетные материалы, опубликованные в течение рассмотренного периода, не содержат данных относительно напряженности русско-шорских отношений в ряде районов Горной Шории, о проявлениях бытового национализма и его социально-экономических причинах. Помимо культурно-просветительных, социальных и экологических мероприятий, материалы прессы отражают изменения в структуре государственных органов управления, связанных с национальной политикой на областном уровне.

Список литературы:

1. Визит владыки // Кузбасс. — 2004. — 3 сентября. — С. 2.
2. В Калгане // Кузбасс. — 2004. — 14 сентября. — С. 1.
3. В Кемеровской области // Кузбасс. — 2004. — 25 сентября. — С. 3.
4. Вкусно готовим, с удовольствием! // Кузбасс. — 2004. — 3 сентября. — С. 2.
5. В Междуреченске // Кузбасс. — 2004. — 11 сентября. — С. 3.
6. Жители многонационального Кузбасса // Кузбасс. — 2004. — 3 сентября. — С. 1.
7. Зотов И. За границу на автобусе / Зотов И. // Кузбасс. — 2004. — 2 сентября. — С. 3.
8. История одного народа // Кузбасс. — 2004. — 7 сентября. — С. 2.
9. Карев Н. Успениев день / Карев Н. // Кузбасс. — 2004. — 4 сентября. — С. 11.
10. Кладчихин В. О чем молчите, сентябри? / Кладчихин В. // Кузбасс. — 2004. — 2 сентября. — С. 16.

11. Культура шорского народа // Кузбасс. — 2004. — 25 сентября. — С. 3.
12. Лебединская Н. Времянка / Лебединская Н. // Кузбасс. — 2004. — 16 сентября. — С. 14.
13. Макеева В. Дорогу осилит идущий / Макеева В. // Кузбасс. — 2004. — 25 сентября. — С. 8—9.
14. Мжельская В. Крылья эту свадьбу вдаль несли / Мжельская В. // Кузбасс. — 2004. — 2 сентября. — С. 4.
15. Назаренко Н. Посиделки у Параскевы / Назаренко Н. // Кузбасс. — 2004. — 4 сентября. — С. 14.
16. Нужен ли обществу труд лесников? // Кузбасс. — 2004. — 16 сентября. — С. 12.
17. Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев / Потапов Л. П.. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1953. — 443 с.
18. Про «церковь» на горе // Кузбасс. — 2004. — 3 сентября. — С. 4.
19. Родная речь // Кузбасс. — 2004. — 22 сентября. — С. 2.
20. Рябухина И. Экология — безопасность — жизнь / Рябухина И // Кузбасс. — 2004. — 1 сентября. — С. 3.
21. Смотрим в будущее с оптимизмом // Кузбасс. — 2004. — 17 сентября. — С. 2.
22. «Содружеству» — пять лет // Кузбасс. — 2004. — 3 сентября. — С. 2.
23. Сюрпризы осенней непогоды // Кузбасс. — 2004. — 29 сентября. — С. 2.
24. Теперь бы льготников учесть // Кузбасс. — 2004. — 3 сентября. — С. 2.
25. Тимошук А. «Подкованное» счастье / Тимошук А. // Кузбасс. — 2004. — 4 сентября. — С. 8.
26. Уважаемые кузбассовцы! // Кузбасс. — 2004. — 3 сентября. — С. 1.
27. Участники палаты // Кузбасс. — 2004. — 3 сентября. — С. 1.
28. Худик Л. Без культуры нет истоков / Худик Л. // Кузбасс. — 2004. — 21 сентября. — С. 4.
29. Худик Л. В тайгу, за прибылью! / Худик Л. // Кузбасс («Опора»). — 2004. — 17 сентября. — С. III.
30. Худик Л. Иждивенчество бывает заразным / Худик Л. // Кузбасс. — 2004. — 8 сентября. — С. 3.
31. Худик Л. Ортонское соглашение / Худик Л. // Кузбасс. — 2004. — 22 сентября. — С. 2.
32. Чуазас — не богом забытое место // Кузбасс. — 2004. — 10 сентября. — С. 2.
33. Шипилова Т. Фирма веники вяжет! / Шипилова Т. // Кузбасс («Опора»). — 2004. — 17 сентября. — С. III.
34. Штраус О. «Учусь быть чиновником» / Штраус О // Кузбасс. — 2004. — 28 сентября. — С. 4.

4.4. ИСТОРИОСОФИЯ

ФЕНОМЕН ПРОСВЕЩЕНИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОСМЫСЛЕНИЮ

Шуякова Елена Николаевна

канд. ист. наук, ст. преподаватель РГЭУ «РИНХ», г. Ростов-на-Дону

E-mail: lshuyakova@mail.ru

В общественных науках для описания процессов общественного взаимодействия с целью интеллектуального обогащения и собственно развития общества по пути прогресса нередко используется такая понятийная дефиниция как просвещение. Изучение содержания данной дефиниции — это классическая тема философской науки. Однако к данной проблематике зачастую обращаются и социологи, и культурологи, и педагоги [1]. Целесообразным представляется при осмыслении заявленной темы опереться и на исторические методы познания, которые позволяют разобраться во всей неоднозначности и многогранности собственно концепции понятия просвещение.

Ни одно столетие ученые, общественные деятели пытались осмыслить феномен просвещения. Например, Кант И. и Мендельсон М., посвятившие свои работы этому явлению. Нередко и среди современников можно услышать о целесообразности распространения практики просвещения и, главным образом, в подростково-молодежной среде. Представители органов государственной власти Российской Федерации призывают общественность к правовому и политическому просвещению населения страны: «Именно духовно-нравственное воспитание, просвещение всегда были основным заслоном для зла» [2]. Однако все еще остается неясным ответ на вопрос: а в чем собственно заключается природа или суть просвещения?! С тем, чтобы ответить на этот вопрос, вероятно, стоит обратиться к историческому прошлому. Точнее, ко времени известному нам как начальный период становления и развития социальной мысли — период развития Древней Индии и Древнего Китая. Кроме того, следует обратить внимание и на просветительскую традицию Древней Греции. И, таким образом, представляется возможным выделить как минимум два подхода: (1) основанный на опыте мыслителей-просветителей Древней Индии и Древнего Китая и (2) собственно, древнегреческая традиция, послужившая основой всему

последующему ходу развития общественной и научной мысли в деле понимания просвещения.

Сама этимология слова «просвещение» явствует о его связи со словом «свет». Следовательно, можно предположить, что просвещение есть действия, связанные с просветлением человека, повышением степени осознанности совершаемых им действий. Как свидетельствует опыт Древней Индии и Древнего Китая, именно это и было конечной целью просвещения. Способствовать этому была призвана определенная система знаний. Отсюда устремления древних мыслителей к поиску знаний, причем таких, которые призваны были сформировать представление у человека об основах его жизнедеятельности, о том, как стать просветленной, счастливой личностью. В общем виде можно сказать, что это были знания — позволяющие человеческому сообществу в целом гармонично развиваться. То есть, смысл просвещения сводился к распространению такого рода знаний среди современников и, самое главное, их сохранение для передачи потомкам. В Древней Индии таким собранием просветительских знаний служат тексты Вед («Веды» — дословно знания, мудрость). В этих текстах знания предстают в формате законов, фактически, как непреложная истина, обеспечивающая прогрессивное развитие общества. Путь к этому по мысли, например мудреца Канада (VI — V вв. до н.э.) «лежит через знание, истинное постижение реальности. Такое познание предполагает исследование категории бытия» [3]. В свете этого актуальной для древнеиндийского интеллектуального сообщества была теория познания. Ее детально прорабатывали представители джайнистского учения (основатель Махавира Вардхамара VI в. до н.э.). В учении буддизма, например, раскрывалась природа просветленной личности, которая заключалась в ее способности: правильного суждения, правильного решения, правильной речи, правильной жизни, правильного стремления, правильного внимания и правильного сосредоточения. При этом провозглашалось, что совершенствование познания невозможно без морали. Следовательно, древнеиндийская традиция понимания просвещения сводилась к накоплению знаний, позволяющих познать все сферы человеческой жизнедеятельности (вплоть до системы мироустройства). В этих целях адептами просвещения разрабатывались концептуальные основы познавательной деятельности человека. Определенную значимость данному учению и собственно подходу к сути просвещения и его предназначения в жизни человека придает жизнестойкость данного учения. По сей день существует большое число последователей данного учения.

Несколько иной подход к просвещению был избран древнекитайскими мыслителями. Их мирозерцание заключалось в осмыслении тех или иных явлений. Главными задачами движения просветителей был поиск ответов на вопросы, связанных с нравственностью, житейской мудростью, управлением. Именно законам нравственности первостепенное внимание уделял основоположник китайской мудрости Конфуций (живший в 551 — 479 гг. до н.э.). Центральным местом в учении Конфуция была категория ли — «ритуал», «правила», «закон»: «Без соблюдения ли ничего не смотреть и ничего не слушать; без соблюдения ли ничего не говорить и ничего не делать», — говорил Конфуций [4]. Он же призывал вернуться к первоистокам человеческой жизнедеятельности, что возможно посредством: (1) «исправления имен» и (2) морального самосовершенствования. «Исправление имен» означало приведение существующих реалий общественно-политической жизни в соответствие с традиционными нормами, восстановление прежних понятий и представлений относительно отношений между людьми. Тезис об «исправлении имен» связан с идеей самосовершенствования личности, в основе которого лежит понятие жэнь — «человеколюбие», «гуманность», принцип идеального человеческого поведения: «Гуманность» — это значит «не делать другим того, чего сам себе не желаешь». Главная цель самосовершенствования выражена Конфуцием в формуле «преодолеть себя и восстановить (чжоуские) правила», ли. Овладение духовными ценностями прошлого, полагал Конфуций, позволяет человеку правильно понимать «веления Неба», ибо «жизнь и смерть зависят от судьбы, а богатство и знатность происходят от Неба» [5]. Всякое учение должно дополняться размышлением: «учиться и не размышлять — напрасно терять время» [6], считал Конфуций.

Однако, уже просветителями Древней Греции, для которых также основополагающим остается поиск идей, знаний — предпринимаются попытки обобщения накопленного багажа знаний, теоретизирования и построения новых концептуальных обоснований. В свете этого наблюдается отход от мифологического к естественным основам познания. Так, уже в V в. до н.э. появились космогоничные и физические гипотезы Эмпедокла, Анаксагора и атомистов Левкиппа и Демокрита, в которых объяснялось происхождение миров и в которых выдвигались догадки о природе и свойствах материальных частиц, образующих своими сочетаниями все вещи. То есть, древнегреческими учеными создавались предпосылки для смены целеполагания в сфере интеллектуального развития общества, а именно был совершен отход от поиска и накопления первичных знаний к их концептуальному

обобщению и теоретизированию. Показательна в этом плане работа школ софистов, где основополагающим для учителей было научить своих подопечных красноречию, методам убеждения и воздействия на других. Именно древнегреческая традиция работы со знаниями получила распространение в научном мире и общественной мысли. Влияние этого подхода ощущается и по настоящее время.

Таким образом, обобщая все вышесказанное можно попытаться выявить исторически обусловленную суть или природу феномена просвещения. Его характеризовать призвана деятельность интеллектуальной части общества, направленная на поиск, сбор, накопление и распространение знаний. Основополагающим в этом процессе представляется целеполагание, которое формулирует перед собой просветитель, вследствие чего формируется и целеполагание просветительской деятельности в целом. Это, кстати, оказывает влияние на специфику знаний. Итак, согласно древневосточной традиции главным целеполагание в просвещении было: создание благоприятных условий для гармоничного развития, как отдельного человека, так и общества в целом. Этому и была призвана служить система морально-нравственных устоев, развивающих внутреннюю, духовную культуру каждого индивида. И, совершенно иное понимание просвещения представляет опыт древнегреческих мыслителей. В их просветительских конструкциях на первое место выступает личность отдельного индивида и ее внешние проявления, точнее — развитие его внутренних качеств и потенциала в целях эффективного воздействия на окружающий мир. И, таким образом, прерогатива уже отдается не столько знаниям, способным преобразовывать личность, сколько самой этой личности и ее способностям пользоваться определенными знаниями. Именно этот второй подход концептуального осмысления просвещения и стал господствующим в научной сфере на многие годы. Это подтверждают и знаковые для изучения заявленной темы труды Канта И. «Что такое просвещение?» и Мендельсона М. «Что значит просвещать?». Оба мыслителя исходили из того, что просвещение связано с улучшением общественного состояния, является движением вперед, к совершенствованию. Способствовать этому была призвана, по мысли Канта, способность человека свободно пользоваться своим разумом. Следовательно, просвещение, как считал Мендельсон, «...относится к теоретическому. К разумному познанию (объективно) и навыкам (субъективно) — к разумному размышлению, о вещах человеческой жизни по мере их важности и их влияния на предопределение человека» [7, с. 75].

Забегая вперед можно отметить, что данная традиция понимания природы просвещения в итоге привела к тому, что в настоящее время

данное понятие либо отождествляется с такими понятиями как пропаганда и агитация (например, распространен термин антинаркотическая пропаганда), либо к полному искоренению данного понятия из сферы общественно значимой жизни. Может в связи с этим в современном российском обществе растет количество социальных проблем, решение которых носит лишь сиюминутный характер?!

Список литературы:

1. Асоян Ю. А. «Сумерки просвещения»: как в России просвещение было переименовано в культуру. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2009. № 15. С. 11—24; Луняев Е. В. Этическая полемика русского просвещения. // Известия Российского государственного педагогического университета им. Герцена А. И.. 2006. Т.3. № 20. С. 32—34; Трифонова Г. А., Чуващенко И. А. Развитие экологического движения в России. // Научные труды Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета, 2008, № 20. С. 505—514; Чувинова И. В. Информационно-просветительские технологии социально-культурной деятельности как средство формирования здорового образа жизни подростков./Автореферат, к.п.н. Тамбов, 2007 — 19 с. и др.
2. Выступление Д. А. Медведева на встрече с участниками Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 3 февраля 2011 года. // Сайт Время и вера. [электронный ресурс] Режим доступа. — <http://www.verav.ru/common/mpublic.php?num=854>.
3. Цит по: Краткий очерк истории философии. /Под ред. Иовчука М. Т., Ойзермана Т. И., Щипанова И. Я. М., изд-во «Мысль», 1971 г. // Сайт OCR Biografia.Ru. [электронный ресурс] Режим доступа. — <http://www.biografia.ru/about/filosofia07.html>.
4. Цит по: Краткий очерк истории философии. / Под ред. Иовчука М. Т., Ойзермана Т. И., Щипанова И. Я. М., изд-во «Мысль», 1971 г. // Сайт OCR Biografia.Ru. [электронный ресурс] Режим доступа. — <http://www.biografia.ru/about/filosofia08.html>.
5. Там же.
6. Там же.
7. Мендельсон М. Что значит просвещать? // Кантовский сборник. 2011. № 3.

4.5. ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

ПРОЦЕСС ТЕРМОКРЕКИНГА — ОСНОВА СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НЕФТЕХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Ахмадова Хава Хамидовна

доцент, канд. техн. наук, профессор, ГГНТУ, г. Грозный

E-mail: hava9550@mail.ru

Сыркин Алик Михайлович

проф., канд. хим. наук, УГНТУ, г. Уфа

E-mail: Syrkinam@mail.ru

Махмудова Любовь Ширваниевна

проф., докт. техн. наук, профессор, ГГНТУ, г. Грозный

E-mail: mhs66@mail.ru

Процесс термического крекирования, первый патент, на промышленное внедрение которого был получен в 1912 г., и в настоящее время применяется в нефтепереработке в различных формах [18].

Начиная с 1913 г. жидкофазная система термического крекинга получила широкое промышленное применение, и именно благодаря этой системе, мир обязан производством громадного количества бензина из тяжелых продуктов [2, 3].

Ценность этого «знаменитого» в свое время процесса заключается не только в том, что он с начала возникновения и до середины XX в. дал возможность получать из тяжелых нефтяных остатков дополнительные количества бензинов, обладающих по сравнению с прямыми, повышенной детонационной стойкостью, но и способствовал зарождению и развитию нефтехимической промышленности.

Термокрекинг, будучи весьма гибким процессом в технологическом отношении, в зависимости от конъюнктурных требований может использоваться по-разному [16]. Так, при необходимости увеличения выработки дизельных топлив установка может быть переведена на легкое крекирование тяжелых нефтяных остатков с выводом крекинг-флегмы. Печь глубокого крекинга в этом случае может быть использована для термического риформирования низкооктановых фракций прямогонных бензинов.

При необходимости увеличения выработки бензина установка может работать по проектному варианту схемы с питанием печи глу-

бокого крекинга легкой флегмой, получаемой при висбрекинге.

При любом использовании установок термического крекинга в качестве побочного продукта получается газ, содержащий значительное количество ценных для нефтехимии углеводородов.

До 1-й мировой войны 1914—1918 гг. промышленное производство органических продуктов базировалось только на переработке коксующегося каменного угля и пищевого сырья.

Крекинг явился первым процессом, который значительно расширив сырьевую базу для развития нефтехимической промышленности, дал возможность осуществлять различные синтезы на основе нефтяных углеводородов.

Вопросами термического крекинга индивидуальных углеводородов, нефти, ее дистиллятов и нефтяных остатков с получением автомобильных бензинов и сырья для нефтехимии в течение многих десятилетий занимались многие исследователи, как в СССР, так и за рубежом.

Фундаментальные теоретические и экспериментальные исследования в этой области сделаны Зелинским Н. Д., Тиличевым М. Д., Сахановым А. Н., Эглоффом Г., Добрянским А. Ф., Обрядчиковым С. Н. Фростом А. В., Орочко Д. И., Нагиевым М. Ф. и др. [8].

Ведущая роль в становление и развитие промышленности химической переработки крекинг-газов принадлежит США.

В США из крекинг-газов было освоено производство изопропилового спирта (1918 г.), алифатических химических продуктов (1920 г.), хлорпроизводных на основе непредельных газов и других ценных продуктов.

Выработка спиртов, главным образом изопропилового и их простых и сложных эфиров получила в США впервые крупные, непривычные для органического синтеза масштабы.

Развитие процесса крекинга, вызванное бурным развитием в 1920-годы автомобильной промышленности, авиации, электропромышленности и других отраслей индустрии вызвало усиленный спрос на нитроцеллюлозные лаки, нашедшие себе применение в самых разных областях народного хозяйства [12].

С 1924 по 1930 г. в США производство нитролаков увеличилось с 16,2 тыс. до 235,5 тыс. т.

В СССР выработка нитролаков приблизилась в 1936 г. к 150 тыс. т в год, и имела перспективу к дальнейшему увеличению.

В связи с этим потребность в компонентах, из которых создавались нитролаки, также увеличивалась.

Производство нитролаков было основано на свойствах нитроцеллюлозы растворяться в органических растворителях. Количество требуемых разнообразных растворителей составляло около 50 %, считая на нитролак.

Одними из ценных растворителей, требуемых для лакокрасочной промышленности, являлись амиловые спирты $C_5H_{11}OH$.

Получение амиловых спиртов в 1920—1930-е годы имело огромное значение, так как они являлись весьма ценным растворителем жиров, масел, смол, а также употреблялись в лаковой и нитроцеллюлозной промышленности, главным образом в виде ацетатов. Амиловый спирт имел первостепенное значение в экстрагировании масел из семян. Кетоны, получаемые из амиловых спиртов, являлись хорошими растворителями для суррогата олифы, эфировой смолы, смол каури, манильских и понтыанских смол, смол глипталного типа, амберолей, кумароно-виниловых и ацетатовых смол, нитроцеллюлозы, этилцеллюлозы и т.д. [5].

Такая исключительно разнообразная растворяющая способность амилового спирта и его производных в 1920-е годы заинтересовала многих исследователей.

Разработка методов получения амиловых спиртов из нефтяных углеводородов являлась крайне важной и актуальной задачей.

Основной сырьевой базой для производства амиловых спиртов до промышленного внедрения процесса термического крекинга служили сивушные масла, получаемые в качестве побочного продукта при выработке этилового спирта брожением [12].

Первая в СССР работа по получению спиртов из непредельных углеводородов продуктов крекинга нефти была поставлена в 1927—1929 гг. Марковичем М. Б. и Пигулевским В. В. в Химгазе [4].

Амиловые спирты получались как непосредственно из углеводородов, содержащихся в нефти, так и из продуктов крекинга нефтяного сырья.

Амилены, являющиеся сырьем для производства амиловых спиртов, содержались в значительных количествах в низкокипящих фракциях крекинг-дистиллятов жидкофазного и парофазного крекингов.

По данным Моора В. Г. и Кацмана С. В. [7] фракция парофазного крекинг-дистиллята 30—45 °С содержала около 40 % амилена нормального строения и 17 % амиленов с третичным атомом углерода при двойной связи. Эти данные подтвердил в своих исследованиях Брукс Б. Г. [19].

Классическая реакция обработки амиленов серной кислотой для последующего получения амиловых спиртов была разработана в 1930-е годы и применена для использования амиленов, содержащихся в крекинг-газе, рядом советских химиков: Пирик О. Г. (Баку) [15]; Назаровым (Ленинград) [9]; Масловым и Чаадаевой (Грозный) [5].

Работами ГрозНИИ и АзНИИ было показано, что нефтяные углеводороды, получаемые при крекинге и пиролизе могут служить источником получения как амилового, так и этилового спиртов [5, 11].

Назаровым С. А. были разработаны методы получения амилового спирта из газов пирогаза [9] и из продуктов парофазного и жидкофазного крекинга [14].

Прессдистиллят подвергался названными авторами фракционировке на колонне с отбором фракций, выкипающих до 50 °С и включающих почти все амилены. Отобранная фракция обрабатывалась 80 % серной кислотой при 20 °С в специальной мешалке в течение часа при давлении до 5—6 ат. Выход смеси чистых, преимущественно вторичных амиловых спиртов, составлял около 13 % на парофазную головку (фракцию до 55 °С), что составляло приблизительно 1,3 % на парофазный прессдистиллят.

На головную фракцию до 55 °С жидкофазного прессдистиллята выход амиловых спиртов около 6 %, т.е. до 0,5 % на дистиллят.

В американской практике [19] был принят способ обработки амиленов до диамилсульфата, когда молекула серной кислоты связывала не одну, а две молекулы амилена, и расход кислоты соответственно снижался почти вдвое.

По исследованиям советских специалистов Попова и Прокофьева была выявлена возможность замены серной кислоты, применяемой для связывания амиленов, кислым гудроном от очистки фракций пиролиза нефти [13].

Первая опытная амилоспиртовая установка была построена в Грозном в 1936 г. В качестве сырья для опытной установки по получению амилового спирта в Грозном было запроектировано использование стабильного крекингового газового бензина, получаемого из головки прессдистиллята и бензиновых углеводородов, извлеченных из крекинг-газа.

В Баку такая установка в это время конструировалась.

Нефтяная промышленность СССР располагала значительными ресурсами амиленов в виде газов крекинга и пиролиза нефти. Для утилизации амиленов крекинг-газов с получением амиловых спиртов необходимо было выделять соответствующую узкую фракцию, что достигалось угольной адсорбцией или холодной фракционировкой.

Таким образом, газы различных форм крекинга, как по значительному содержанию ценных для нефтехимии углеводородов, особенно олефиновых, представляли в 1920—1930е годы большой интерес для организации их химической переработки.

Промышленность химической переработки непредельных газов возникла в середине 1920-х годов, причем ведущая роль принадлежала США [6].

Одними из первых изучением химического состава газов крекинга занимались в начале 1920-х годов Эглофф и Морелль [10, 22].

Ими в работе [18] приведен состав десяти газов жидкофазного крекинга системы Даббса со следующими пределами по содержанию углеводородов, приведенными в таблице 1:

Таблица 1**Состав газов жидкофазного крекинга системы Даббса**

Компоненты	Содержание углеводородов, % масс		
	от	до	среднее
Непредельные углеводороды	14,0	5,1	8,74
Кислород	0,02	1,4	0,44
Окись углерода	0,1	0,6	0,37
Водород	4,0	11,1	5,42
Пред. углеводороды +азот	79,6	89,6	84,4

В СССР впервые газы крекинга исследовались Сахановым А. Н. и Тиличевым М. Д. Значительная часть их исследований в этом направлении была направлена на изучение влияния сырья и режима крекинга на состав получаемых в процессе газов [17]. В своей работе [17] на основе 12 анализов газов они выводят усредненный состав газа жидкофазного крекинга (таблица 2).

Саханов А. Н. и Тиличев М. Д., анализируя составы газов по американским источникам и составы промышленных газов крекинга отечественных нефтей показывают, что химический состав газов крекинга в основном довольно однообразен: газ содержит значительное количество до 60 —80 % об. предельных углеводородов и несколько меньшее количество (до 40 —20 % об.) непредельных углеводородов и водорода. Средние данные по составу анализированных ими газов крекинга приведены в таблице 2.

Такие компоненты, как углекислый газ, окись углерода и кислород, находятся в газах крекинга в весьма небольших количествах.

В таблице 3 приводятся данные по составу газов от крекинга американских нефтей, в таблице 4 газов крекинга отечественных нефтей.

Анализы газов крекинга, произведенные Центральной Лаборатории Грознефти в 1928 г. подтвердили эти результаты [17].

Таблица 2**Усредненный состав газа жидкофазного крекинга**

Компоненты	Содержание углеводородов, % масс		
	от	до	среднее
Углекислота	0,0	0,2	0,0
Непредельные углеводороды	3,4	10,8	6,7
Окись углерода	2,1	5,8	3,7
Водород	15,0	22,0	17,8
Пред. углеводороды +азот	68,2	76,1	72,0

Таблица 3

Газы крекинга из американских нефтей

Сырье	CO ₂ +H ₂ S	O ₂	CO	H ₂	Непред. угл	Пред. угл	Уд. вес
Газойль Мид-Континента	0,5	0,2	0,1	3,9	12,0	82,5	0,894
Керосин, Техас	0,0	0,6	0,4	11,1	8,7	79,2	0,860
Мазут, Кентукки	0,6	0,6	2,2	3,1	2,2	91,3	0,806
Мазут, Пануко	13,1	1,0	0,9	5,0	4,1	72,2	0,806
Мазут, венецуэльский.	7,8	1,9	3,1	6,5	9,1	73,1	0,956

Таблица 4

Газы крекинга из отечественных нефтей

Сырье	Условия крекинга			Уд. вес	Состав. % об.			
	Тем-ра, °С	Давление, ат	Прохождение, мин		Непредельные углеводороды.		H ₂	Пред. угл
					По H ₂ SO ₄	По Br ₂		
Грозн. парафин. мазут	425	8	32	0,77	14,0	10,4	7,3	82,3
Грозн. параф. дистиллят	425	36	92	0,88	24,1	19,0	4,6	76,4
Грозн. параф. дистиллят	425	40	122	0,88	14,4	11,5	5,1	83,4
Газойль парафинистый	425	40	183	0,69	16,3	-	5,7	73,0

В 1930 г. Эглофф и Морелль [20] также провели новые анализы газов жидкофазного крекинга, которые от прежних принципиально не отличались.

На основе анализа этих газов ими были сделаны выводы, что состав газов крекинга в жидкой фазе зависит не только от режима процесса, но и от сырья.

Основная особенность газов жидкофазного крекинга: резкое преобладание предельных углеводородов, малое содержание водорода (редко выше 4—5 %); и этилена (редко выше 2,5—3 %)

Отношение этилена к общей сумме непредельных углеводородов весьма невелико (обычно между 10 и 20 % общей непредельности).

По данным Потоловского Л. А. за 1932 г. [14] крекинг-газ с установки Винклер-Коха с бакинских заводов им. Стурва В. характеризовался приблизительно следующим составом, % масс

- метан 19
- этан-этилен 18
- пропан-пропилен 27

- бутан-бутилены 21
- высшие (состоят главным образом из амиленов) около 15

Для газа крекинг-завода Виккерс (Баку) данные были аналогичны, содержание высших составляло около 14 %.

По данным Габриэлян С. М., Исаевой С. А. [1] выход крекинг-газа грозненских крекинг-установок составлял в среднем 7 — 7,5 % масс, что по заводским данным было равно примерно 350 тыс. м³ или 500 тонн в сутки газа.

С пуском четырех новых крекинг-установок в Грозном в 1936 г., а также в связи с намечаемой в Грозном реконструкцией как импортных, так и отечественных крекинг-установок, с целью увеличения выхода пресс-дистиллята до 45 % количество крекинг-газа в Грозном резко увеличилось до 300 тыс. т (200—210 млн. м³).

Грозненские газы больше чем на 3/4 (по объему) состояли из насыщенных метановых углеводородов, содержание же ненасыщенных углеводородов этиленового ряда находилось в пределах 15—20 % об.

Также грозненские крекинг-газы на 45—50 % масс состояли из углеводородов С₃—С₄.

Содержание ППФ и ББФ в грозненских крекинг-газах составляло примерно 45—50 %. Эта фракция на 40 % состояла из непредельных углеводородов, т.е. пропилена и бутиленов.

Таким образом, учитывая строительство новых крекинг-установок в Грозном и реконструкцию существующих установок, общие ресурсы пропана и бутанов составили в год примерно 80 тыс. тонн, а пропилен и бутиленов — 55 тыс. тонн.

Данные фракции применялись в качестве растворителей при деасфальтизации и депарафинизации нефтяных продуктов, кроме того пропилен и бутилены являлись прекрасным источником для получения бензина полимеризации.

Кроме того, пропилен и бутилены являлись сырьем для химической промышленности, в частности источником получения спиртов.

В крекинг-газах и пресс-дистилляте содержался изобутилен, причем в некоторых фракциях в значительных количествах.

Изобутилен являлся сырьем для получения изооктана и наличие его в грозненских газах требовало детального изучения для уточнения его содержания.

Таким образом, крекинг-газы, кроме бензина, содержали очень ценные для промышленности фракции, как ППФ и ББФ и для их использования необходимо было предусмотреть абсорбцию с максимальным извлечением этих фракций из крекинг-газов.

Эти фракции вместе с газом стабилизации пресс-дистиллята являлись хорошим сырьем процесса полимеризации или могли быть направлены на химическую переработку.

При условии выделения пентано-амиленовой фракции для производства амиловых спиртов необходимо было при стабилизации выделять всю ББФ.

Отработанный газ после полимеризации или химической переработки состоял лишь из пропана и бутанов и мог применяться в качестве растворителей для депарафинизации масел, или являлся источником для получения добавочного количества пропилена и бутиленов.

По исследовательским данным, полученным ГрозНИИ, путем пиролиза ППФ получалось 30—35 % об. от исходного газа олефиновых углеводородов с 3—4 атомами углерода.

Наиболее ценное свойство грозненских крекинг-газов заключалось в том, что они в значительных количествах, в виде паров, содержали жидкие углеводороды (при нормальных условиях), которые являлись ценным компонентом моторных топлив. Содержание газбензина с 33 % углеводородов C_4 колебалось в сравнительно широких пределах и зависело в основном от давления в сепараторе и от температуры газа. Содержание углеводородов C_4 до 33 % американской промышленностью было принято за норму как допустимый максимум.

Для получения газбензина из грозненских крекинг-газов в апреле 1935 г. была пущена газоулавливающая установка крекинг-завода треста Грознефтезаводы.

В 1935—1936 гг. вся ППФ, а также значительная часть бутанов и бутиленов, содержащаяся в крекинг-газах, уходила с так называемым сухим газом и сгорала в топках. В топках же сгорала и большая часть сырого крекинг-газа, так как газоулавливающая установка перерабатывала меньше половины имеющегося в 1935—1936 гг. крекинг-газа.

По данным [21] объем получаемых ежегодно в США крекинг-газов составлял около 10 млрд. м³.

Действующие крекинг-установки ежегодно производили по 2 млрд. галл. сжиженных газов, а фактическое потребление бутана и пропана составило в 1935 г. 77 млн. галл.

Таким образом, благодаря процессу крекинга газовое хозяйство получало значительный объем сырья в виде различных углеводородов.

На базе крекинг-процесса широко развивалась нефтехимическая промышленность по производству амиловых спиртов, эфиров спиртов, разных кислот, синтетического каучука, ацетиленов, изооктана, имеющего огромное значение для авиационного и моторного топлив.

Список литературы:

1. Габриэлян С. М., Исаева С. А. Грозненские крекинг-газы // Грозненский нефтяник-1936. — № 8. — С. 44—49.
2. Капустин В. М., Кукек С. Г., Бертолусини Р. Г. Нефтеперерабатывающая промышленность США и бывшего СССР. М.: Химия, 1995. 304 с.

3. К.и Д. Крекирование нефтепродуктов по данным Зингера, Джонсона, Кросса и др. // Нефтяное хозяйство. — 1926. — № 9. — С. 393—397.
4. Маркович М. В., Пигулевский В. В. // Нефтяное хозяйство. — 1930. — Т. 19. — Вып. IV. — С. 687.
5. Маслов П. С. и Чадаева Л. Ф. Получение амиловых спиртов из грозненского прессдистиллята. Труды Грозненского Нефтяного Научно-исследовательского Института, 1935. вып. 1. Раздел А. Химия и технология нефти. Грозный-Москва. ОНТИ-НКТП-СССР. С. 26—31.
6. Маркович М. Б. Органический синтез на основе технических непредельных газов. Материалы по крекингу и химической переработке его продуктов. Вып. 1. Госхимтехиздат. Ленинградское отд. 1933. С. 7—11.
7. Моор В. Г., Кацман С. В. Изучение строения амиленовой фракции парофазного крекинга бензина. Материалы по крекингу. Труды завода «Химгаз». 1933. С. 111—121.
8. Нагиев М. Ф. Переработка нефтяных остатков и использование ее продуктов. Баку. 1957. 347 с.
9. Назаров С. А. Получение амиловых спиртов из амиленовой фракции парофазного крекинга-бензина. Материалы по крекингу и химической переработки его продуктов. Вып. 1 Госхимтехиздат: Ленинградское отделение. — 1933. С. 102—111.
10. Нефтяное хозяйство. 1925. № 6 (987).
11. Получение амиловых спиртов из крекинг-бензина // Азербайджанское нефтяное хозяйство. — 1933. — № 6—7.
12. Попов С. Н. О производстве амиловых спиртов из нефтяного сырья. // Нефть. — 1936. — № 4. — С. 24—26.
13. Попов С. Н., Прокофьев. // Азербайджанское Нефтяное хозяйство. — 1935. — № 5. — С. 102.
14. Потоловский Л. А. // Азербайджанское Нефтяное Хозяйство. — 1932. — № 6.
15. Пути развития крекинга во второй пятилетке. // Азербайджанское Нефтяное Хозяйство. — 1933. — № 6. — С. 301.
16. Сабадаш Ю. С., Сакаев Р. А. (Башкирский научно-исследовательский институт по переработке нефти) Установки термического крекинга — источник получения олефинов для нефтехимии // Новости нефтяной и газовой техники. Нефтепереработка и нефтехимия. — 1962. — № 8. — С. 32—35.
17. Саханов А. Н и Тиличеев М. Д. Крекинг в жидкой фазе. (химия и технология) Нефтяное издательство НТУ ВСНХ СССР. Москва-Ленинград. 1928. 371 с.
18. Burton W. M. // Пат. США № 1049667. (1913).
19. Brooks B. G. // Ind. Eng. Chemistry. — 1935. — Март.
20. Egloff G, Morrel. // Ind. Eng. Chem. — 1930. — № 10. — (1081)
21. Egloff G. Крекинг и его экономическое значение. // Refiner. — 1936. — XII, — т. 15. — № 12. — С. 544.
22. Ind. Eng. Chem. // 1925. — № 1. — (92).

**ИЗ ОПЫТА РЕАЛИЗАЦИИ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА
«ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
ЗОЛОТОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА
ТЕРРИТОРИИ МИАССКОГО РАЙОНА (ЮЖНЫЙ УРАЛ)»**

Копырина Лариса Анатольевна

*преподаватель дисциплины «История родного края» ГБОУ СПО
(ССУЗ) Миасский автомеханический техникум, г. Миасс
E-mail: mamt2000@mail.ru*

Педагогику 21 века уже невозможно представить без современных образовательных технологий, нестандартных подходов к методике обучения. Компетентностный подход, заложенный в последних образовательных стандартах, требует переосмысления не только содержания материала, но и методики преподавания.

К одной из наиболее перспективных педтехнологий можно отнести метод проекта [2, с. 35—39]. Это — педагогическая технология, которая ориентирует не на интеграцию фактических знаний, а на их применение и приобретение знаний для активного освоения новых способов человеческой деятельности [2, с. 56]. Иными словами, такая технология весьма подходит для формирования основных компетенций обучающихся.

Можно дать следующее определение термина «проект»: «Проект — это такая открытая и динамичная форма организации учебной деятельности учащегося и педагогической деятельности преподавателя, которая предполагает их выбор и творческие решения» [3, с. 93].

В период 2008—2011 года в рамках дисциплины «История родного края» на основе личностно-ориентированного подхода был осуществлен проект «История становления и развития золотодобычи на территории Миасского района (Южный Урал)». В нем приняли участие студенты различных специальностей: «Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта» (Гаврилов С., Баженов И.), «Автомобиле- и тракторостроение» (Охотников А., Созинов М., Мочалов И., Маслов И., Катков Е.), «Технология машиностроения» (Азарова Т.).

Тема исследования была выбрана не случайно. С 1943 года Миасский автомеханический техникум выпускает специалистов в области литейного производства. Его выпускники работают не только в литейном производстве ОАО «АЗ «Урал», но и на предприятии «Миассзолото». Ряд студентов техникума живет в поселке Ленинск (бывший Царево-Александровский прииск), наиболее богатом золотоносном месторождении Миасской долины [4, с. 61]. Именно они и стали инициаторами данной темы исследования.

В качестве объекта исследования был определен процесс становления и развития золотодобывающей промышленности на территории Миасского района (Южный Урал).

Осуществление проектной деятельности возможно лишь в том случае, если студенты имеют знания и навыки, предусмотренные образовательными стандартами. В этой связи особое значение приобретает личностно-ориентированный подход, умение преподавателя соотнести познавательные возможности студента с уровнем сложности проектной работы. Такой подход в организации учебно-исследовательской деятельности напрямую способствует формированию ключевых компетенций и социализации студентов техникума.

Совместно со студентами была поставлена цель предстоящего проекта — изучение истории золотодобычи на территории Миасской золотой долины; определен круг задач, направленных на достижение реализации цели:

- сбор и анализ литературных, архивных и иных информационных источников о становлении и развитии миасской золотодобычи;
- посещение «забытых», законсервированных и отработанных месторождений и рудопроявлений золота на территории Миасского района;
- фото и видеодокументация посещаемых объектов;
- составление карты-схемы золотопромыслового Миасского района с использованием уральских самоцветов — методического пособия для изучения темы «Золотые прииски Миасского района» в курсе дисциплины «История родного края»;
- приобретение навыков работы с GPS-навигатором и геологическим компасом;
- периодизация истории золотодобычи на территории Миасского района.

На первом этапе исследования, в соответствии с планом, был проведен анализ исторических, литературоведческих и других опубликованных изданий по теории и истории рассматриваемой проблемы. На этом же этапе, по согласованию с работниками городского краеведческого музея, библиотеки Института Минералогии УрО РАН и библиотеки Геологического факультета ЮУрГУ был выявлен круг архивных источников, статистических, документальных материалов, материалов из личных собраний уральских ученых Зайкова В. В. и Попова В. А. по избранной теме.

Во время внеаудиторных занятий со студентами-участниками проекта было проведено осмысление собранного материала и выдвижение рабочей гипотезы: о значительном вкладе Миасского района в золотодобычу России, как в прошлом, так и в перспективе, в будущем.

На втором этапе, исследовательском, при содействии консультантов (д.г.-м.н. Зайкова В. В., д.г.-м.н. Попова В. А., к.г.-м.н. Юминова А. М.) и руководителя проекта была разработана схема посещения забытых, малоизвестных или слабоизученных месторождений и рудопроявлений золота на территории Миасского округа. Часть объектов студенты посещали индивидуально, часть — в составе групп. На этих объектах были отобраны геологические пробы и в дальнейшем переданы в Институт Минералогии для исследования и оценки перспективности месторождений. Проведена документация, фотосъемка и фиксация золоторудных объектов с помощью GPS-навигатора и геологического компаса.

Затем, силами студентов, была изготовлена крупномасштабная карта Миасского района, на которую, используя данные приборов, был нанесен ряд исследуемых золоторудных объектов. Месторождения, рудники, прииски и шахты были отмечены на карте различными уральскими самоцветами, найденными участниками проекта во время экспедиций: амазонит, агаты, пирит, змеевик, лиственит, горный хрусталь, яшма и другие.

Кроме того, во время экспедиций студентами были найдены ценные образцы сопутствующих золоту минералов, которые были описаны и составлены в коллекцию. Теперь этот материал, так же как и карта-схема, используется в процессе изучения соответствующих тем дисциплины «История родного края».

Заключительный этап исследования, проходивший в 2011 году, включал в себя анализ и обобщение полученных результатов.

На их основе студенческим исследовательским коллективом была предложена собственная оригинальная периодизация истории золотодобычи на территории Миасского района. Установлено, что в истории становления и развития золотодобычи на территории района выделяется 5 основных этапов:

- с 1797 года — начало эксплуатации коренных месторождений золота;
- с 1823 года — начало эксплуатации россыпных месторождений золота;
- 1877—1914 годы — этап «частной» отработки, как коренных, так и россыпных золоторудных месторождений;
- 1921—1991 годы — «советский» этап золотодобычи;
- После 1991 года — современный период.

На завершающем этапе студентами Катковым Е. и Азаровой Т. на основе всех полученных данных было проведено текстовое оформление работы, подготовка презентации и постера.

Реализуемый студенческим коллективом проект получил положительный отзыв кандидата геолого-минералогических наук,

Ведущего научного сотрудника Института Минералогии УрО РАН, доцента кафедры минералогии и геохимии Южно-Уральского государственного университета Кабановой Л. Я.

Результаты исследовательского проекта были апробированы в ходе:

- публичного выступления студентов с демонстрацией презентации в четырех группах второго курса на уроках «Истории родного края»;
- представления результатов работы на Краеведческих чтениях, проходивших в техникуме и приуроченных ко Дню рождения города;
- доклада на Первой научно-практической конференции «Молодежь. Наука. Техника — 2011» (ГОУ СПО (ССУЗ) МАМТ) 10 марта 2011 года;
- постера (стендового доклада) на 17-й Международной научной молодежной школе при Институте Минералогии Уральского Отделения Российской Академии Наук, проходившей 25—29 апреля 2011 года в городе Миасс;
- участия в заочном туре областного конкурса ученических и студенческих научно-исследовательских работ среди обучающихся учреждений начального и среднего профессионального образования Челябинской области;
- доклада на итоговой конференции областного конкурса ученических и студенческих научно-исследовательских работ 11.05.2011 года.

Организация самостоятельной научно-исследовательской проектной деятельности студентов с учетом личностно ориентированного подхода позволяет формировать индивидуальную траекторию развития обучающихся от репродуктивного уровня деятельности через отражательно-преобразующий к творческому [1, с. 115]. Можно сделать вывод, что в процессе реализации проектов наиболее полно проявляются индивидуальные способности студентов, их склонности и интересы, способствующие развитию умения анализировать факты и общественные процессы, позволяющие выпускнику приобрести основные общие и профессиональные компетенции и состояться как профессионалу.

Список литературы:

1. Моисеева М. В. Педагогические технологии. — М., 2010. — 256 с.
2. Новые педагогические технологии в системе образования /Под ред. Полат Е. С. — М.: Академия, 2005. — 396 с.
3. Педагогический словарь /Под ред. Коджаспировой М. — М., 2008. — 503 с.
4. Тихомиров П. Л. История изучения Миасского золотоносного полигона. — Челябинск, 1988. — 165 с.

**«ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ»**

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

23 апреля 2012 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 30.04.12. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 10,625. Тираж 550 экз.

Издательство Сибирская ассоциация консультантов
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3